

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 12 МАРТ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 12 (2437)

16 МАРТА 1974

Кавказ. Черное море. Фото М. Савина

Встреча в аэропорту «Адлер».

Фото специального корреспондента «Огонька» А. ГОСТЕВА.

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВСТРЕЧА

12 марта в Сочи прибыл Президент Французской Республики Жорж Помпиду. Его встречали: Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Г. С. Дзоценидзе, Председатель Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили, посол Советского Союза во Франции С. В. Червоненко, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и А. И. Блатов, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов, первый секретарь Абхазского обкома Компартии Грузии В. О. Кобахия, председатель Краснодарского крайисполкома Г. П. Разумовский и другие официальные лица.

Среди встречавших были посол Франции в Советском Союзе Жак Вимон, представители советской и иностранной прессы.

Вместе с Президентом Франции прибыли министр иностранных дел Мишель Жобер, генеральный секретарь канцелярии Президента республики Эдуард Балладюр, генеральный секретарь министерства иностранных дел Жоффруа де Курсель, другие официальные лица.

Из аэропорта «Адлер» Л. И. Брежнев и Ж. Помпиду отбыли в Пицунду.

12 марта в Пицунде состоялась продолжительная беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики Ж. Помпиду. В дружественной обстановке и в духе взаимного уважения состоялся обмен мнениями о путях дальнейшего углубления сотрудничества между Советским Союзом и Францией как в области двусторонних отношений, так и в международных делах в целях закрепления разрядки напряженности в мире.

Во время беседы.

Телефото В. МУСАЭЛЬЯНА и И. ЧОХОНЕЛИДЗЕ (ТАСС).

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

Борис ГУРНОВ

Сегодня во всех парижских газетах, в передачах радио и телевидения на первом месте тема встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики Ж. Помпиду. Этой теме — первое место, «зеленая улица». С одной стороны, газетная сенсация, с другой — нет. Ведь уже состоялись официальные визиты товарища Л. И. Брежнева во Францию и Ж. Помпиду в СССР. Проходили встречи между ними в Заславле и Рамбуйе. Советско-французские консультации на высшем уровне стали традицией.

Это «сенсация без неожиданностей», к которой привел СССР и Францию неумолимый ход истории, глубокие национальные интересы наших народов, мудрость государственных деятелей, сумевших выработать конкретные пути сотрудничества двух великих стран с различными социальными системами.

Еще в 1922 году В. И. Ленин говорил: «Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно, особенно ввиду того, что торговые интересы России настоятельно требуют сближения с этой сильнейшей континентальной державой». Сегодня можно с удовлетворением констатировать, что под руководством Коммунистической партии советский народ претворил в жизнь ленинский завет.

Следует отдать должное и таким руководителям Франции, как Шарль де Голль и Жорж Помпиду, которые, отбросив тщательно охранявшиеся противниками международной разрядки догмы подозрительности, увидели в Советском Союзе честного, искреннего и выгодного партнера в развитии политических, экономических и прочих связей.

И они не ошиблись. Ныне советско-французское сотрудничество охватывает практически все важнейшие сферы возможных отношений между странами с различным политическим и социальным строем. Советско-французское сотрудничество стало плодотворным для Европы, для всего мира.

«В этом году,— заявил в беседе с французскими журналистами Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— будет отмечаться 50-летие установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Францией. За это время нашими странами накоплен немалый исторический опыт взаимоотношений — опыт, я бы сказал, и положительный и отрицательный. Но даже в самые трудные и суровые времена взаимная симпатия народов СССР и Франции оставалась неизменной. Советский народ всегда питал чувства глубокого уважения к французскому народу, и я знаю, что французский народ испытывал такие же чувства к советским людям».

Прочной базой развития советско-французских отношений всегда были и остаются экономические связи. Они ныне охватывают металлургию и автомобилестроение, энергетику и нефтехимию, авиационную, целлюлозно-бумажную и легкую промышленность. Ученые Франции и СССР ведут многочисленные совместные научные исследования в области медицины, космоса, изучения глубин океанов, в мирном использовании атомной энергии.

Весьма характерно, что если раньше французские деловые круги несколько консервативно относились к заключению с Советским Союзом долгосрочных сделок, то ныне они уже выступают инициаторами многих соглашений. Автомобильная фирма «Рено» охотно участвует в строительстве автомобильного гиганта КамАЗ. В свою очередь, Советский Союз вносит свой вклад в сооружение доменных печей на крупнейшем в Европе металлургическом комбинате, который воздвигается на юге Франции. Крупнейшие французские компании и банки проявляют большой интерес к деловому сотрудничеству с нашей страной.

Успешно развиваются и наши культурные связи. Проходя по улицам Парижа, нельзя не обратить внимания на афиши, сообщающие о том, что в недавно открывшемся огромном здании «Международного парижского центра» вскоре начнутся гастроли ансамбля «Березка», что в одном из популярнейших кинотеатров Латинского квартала по просьбе студентов снова и снова показывают бессмертный кинофильм «Октябрь» Эйзенштейна, а на большом экране идет кинофильм «Солярис», в театре дают гоголевского «Ревизора». На Францию приходится значительная часть художественного обмена, осуществляемого нашей страной с капиталистическими странами. Каждый год здесь выступают с гастролями до тысячи советских артистов.

Совсем недавно по телевидению был показан фильм из серии «Освобождение» лауреатов Ленинской премии Ю. Бондарева, О. Курганова, Ю. Озерова, а вслед за демонстрацией фильма состоялась дискуссия, в которой приняли участие советские ветераны войны во главе с Маршалом Советского Союза И. Х. Баграмяном. Эта передача имела такой успех, что о ней в сочинениях на вольную тему пишут даже французские школьники.

Укрепление дружбы и сотрудничества с великой страной социализма — надежда и чаяние французов.

Париж (по телефону).

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Здесь, в городе Атаре, в Мавритании, вели наблюдения советские астрофизики.

ЗВЕЗДА М

В этом интересном научном эксперименте, материалы которого только что обработаны, принимали участие учреждения Советского Союза и Франции, а осуществлялся он на земле Африки. Однако расскажем все по порядку.

В середине сентября 1968 года в Курганской области в пионерлагере «Орленок», выбранном советскими учеными для наблюдений полного затмения Солнца 22 сентября, встретились астрономы Киевского университета и Парижского астрофизического института. Хозяева, имевшие уже тридцатилетний опыт изучения солнечной короны в периоды затмений, проводившегося под руководством профессора С. К. Всехсвятского, помогали парижанам; все экспедиции добились замечательного успеха.

На Международном симпозиуме по проблеме Солнце — Земля вновь встретились участники экспедиции и возникла мысль повторить уникальный эксперимент советских ученых по изучению динамики процессов в хромосфере и короне Солнца, впервые осуществленный еще в 1936 году.

КРЫЛЬЯ

В Париже на улице Христофора Колумба в доме № 5 можно видеть скульптуру: на скале умирает орел с поломанными крыльями, а над ним склонилась скорбная фигура женщины. В этом доме помещается правление общества «Разбитые крылья». Общество опекает семьи погибших летчиков.

В небольшом зале портреты знаменитых французских авиаторов, отдавших жизнь в боях за свою родину, прославивших ее рекордными перелетами, маленькие модели их самолетов. Есть здесь и модель советского истребителя «ЯК-3». Над ней скрещенные государственные флаги Франции и СССР, а рядом большая фотография французских летчиков около краснозвездных истребителей.

— Это мои боевые товарищи по полку «Нормандия — Неман»,— поясняет капитан Фельдзер, бывший летчик-истребитель.

Капитан невысок, широкоплеч, по-спортивному подборист, седые волосы разделены безупречным пробором, глаза светлые, цепкие, на лацкане пиджака планки французских и советских боевых орденов. Я говорю капитану, что во время Отечественной войны служил в авиации и на аэродроме под Калугой встречался с летчиками из эскадрильи «Нормандия». Фельдзер крепко пожимает мне руку, приглашает вместе пообедать в ресторанчике на Елисейских полях, который содержит его бывший однополчанин Шарль Додэ.

Ресторанчик оказался небольшим, уютным, под потолком висела начищенная медная посуда, в углу камин из грубого камня. На камине эмблема полка «Нормандия — Неман». Над ней надпись: «Крылья сражавшейся Франции. 1942—1945 годы». И ниже: «869 воздушных боев — 268 сбитых самолетов».

...ОЯ СОЛНЦЕ

Через год постоянно действующая советско-французская комиссия по научно-техническому и экономическому сотрудничеству включила волнующую ученых тему о динамике солнечной короны в план совместных исследований. С советской стороны выполнение темы было возложено на Астросовет Академии наук СССР и Киевский государственный университет, с французской — на Парижский астрофизический институт. Непосредственными участниками работы с советской стороны являлись Н. Дзюбенко, В. Ивончук, А. Несмянович и другие сотрудники кафедры астрономии Киевского университета под руководством профессора С. К. Всехсвятского; Серж Кучмий и другие астрономы-парижане.

Сотни лет изучают ученые Солнце, однако далеко не все известно о тех грандиозных и таинственных процессах, которые происходят на ближайшей к нам звезде. Корона — источник солнечного ветра, постоянно овевающего магнитосферу нашей планеты. С солнечным ветром связаны возмущения в магнитосфере, полярные сияния, магнитные бури. Эти выводы были впервые сделаны киевскими астрономами в 1941 году. Но солнечная корона таит в себе много неизвестного. Например, что вызывает унос солнечной плазмы со сверхзвуковой скоростью? Где ускоряется солнечный ветер? Какие области являются его генератором? А от этих явлений зависит и жизнь на нашей планете, надежная навигация, прочная радиосвязь.

Особенно много исследователям дают наблюдения Солнца во время затмений. Затмение в данном месте тянется минуты или даже секунды, и за столь короткое время трудно получить сведения о динамике солнечной короны. Вот если бы наблюдать Солнце во время затмения, скажем, с двух пунктов, отдаленных на тысячи километров, да к тому же при помощи однотипной аппаратуры, то, сопоставив снимки, уже можно заметить изменения в короне. Иными словами, растянуть время наблюдения от минут до часа и больше.

Эту идею предложил еще в начале столетия А. П. Ганский. В 1936 году советские астрономы осуществили впервые фотографические наблюдения короны из 4 пунктов от Кавказа до Дальнего Востока. Эти уникальные наблюдения были изучены С. К. Всехсвятским и Е. Я. Бугославской, которые получили результаты исключительной важности: было открыто вращение короны вместе с Солнцем.

Вот такой эксперимент, но, если можно так сказать, в новом качестве задумали провести сотрудники Киевского университета, Академии наук СССР и Парижского астрофизического института. Но прежде всего было необходимо создать чуткую аппаратуру наблюдений, совершенно одинаковую, при помощи которой велись бы наблюдения солнечной короны из разных пунктов.

Серж Кучмий стал частым гостем в Киеве. Совместными усилиями удалось впервые сконструировать три однотипных коронографа. Французские астрофизики воспользовались нашими объективами, в свою очередь, изготовив специальные светофильтры, которые ослабляли яркую часть короны, помогая увидеть ее всю с мельчайшими деталями.

Наконец наступил день наблюдений и первой проверки оборудования — 11 июля 1972 года. К сожалению, только на Чукотке первая экспедиция Киевского университета наблюдала затмение на ясном небе. У французов, которые работали в Канаде и на Камчатке, было пасмурно.

Но через год, 30 июня 1973 года, счастье улыбнулось ученым. В этот день должно было произойти уникальное по длительности затмение Солнца, которое и решили наблюдать ученые. Такое затмение бывает раз в столетие. Оно длилось целых семь минут — срок, чрезвычайно большой для затмений. Во всем мире приборы солнечников нацелились на ближайшую к нам звезду. Наиболее длительное затмение можно было наблюдать в Африке. Туда и отправились советские и французские астрофизики.

Два коронографа кафедры астрономии Киевского государственного университета и многочисленные приборы Академии наук СССР расположились в Мавритании — в городе Атаре. Экспедиция Парижского астрофизического института заняла наблюдательную позицию в Республике Чад. Природа, казалось, шла навстречу исследователям. Погода была довольно ясной. Даже пылевые бури, столь частые в этих местах, не помешали фотографированию солнечной короны.

Сейчас закончена предварительная обработка и сравнение снимков. Ученые получили ценные результаты. Снимки такого высокого качества и со столь большим интервалом времени получены только франко-советской группой. Сравнение фотографий показывает многочисленные изменения в солнечной короне, происшедшие за полтора часа. Видно даже, как отдельные сгустки плазмы со скоростями в сотни километров в секунду уносятся от Солнца. Заметны области пониженной яркости в короне — их теперь называют «коронарные дыры», которые являются более активными генераторами солнечного ветра.

— Все эти факты требуют развития существующих теорий,— поясняет снимки доцент А. Т. Несмянович.— И хотя изучение материалов советско-французского солнечного эксперимента еще продолжается, уже ясно, что советский метод исследования солнечной короны чрезвычайно перспективен, а главное, открывает новые пути и возможности дальнейшего сотрудничества советских и французских астрофизиков.

Ванда **БЕЛЕЦКАЯ**

...СРАЖАВШЕЙСЯ ФРАНЦИИ

Шарль Додэ, высокий, добродушный, принял нас как дорогих гостей, сказал, что здесь ежегодно в исторический день капитуляции фашистской Германии собираются его бывшие однополчане.

— И тогда,— говорил он,— мы поднимаем бокалы за Победу, за павших друзей, за наших товарищей по оружию — советских летчиков.

Мы садимся за столик, и я прошу «нормандцев» рассказать о себе.

— Когда началась вторая мировая война, я прибыл в истребительный полк,— вспоминает капитан Фельдзер.— В мае сорокового года гитлеровцы начали наступление. Мы дрались ожесточенно, но у противника в воздухе было слишком большое превосходство. Мы отступали. Нашу прекрасную Францию предали. Все, что уцелело от военной авиации, собралось в Алжире. Летчики хотели продолжать борьбу, но маршал Петэн, взявший власть в свои руки, заключил с Гитлером перемирие. Всякие полеты строго-настрого запретили, у самолетов поставили часовых. И мы целые дни проводили на пляже в полном бездействии. Эта курортная жизнь мне стала невмоготу. Нельзя было примириться с победой гитлеровцев. Тут я случайно познакомился с поляками и чехами. Они были летчиками и ехали в Англию, чтобы воевать с гитлеровцами. Вот и я решил бежать туда же. Ко мне присоединились еще три наших летчика. Мы купили лодку и направились в Гибралтар. Чуть-чуть до него не дотянули — попали в шторм, и лодку выбросило на испанский берег. Франкисты нас отправили в концлагерь, а оттуда во Францию, прямо в лапы военного трибунала. Все мы получили за дезертирство по году каторжных работ. По дороге на каторгу я сбежал из тюремного вагона. А потом, снова на лодке, перебрался в Англию. Там я на истребителе «харрикейн» прикрывал Лондон от фашистских бомбардировщиков. А потом, это было уже в сорок третьем году, узнал, что в России воюет французская авиационная эскадрилья, содержание и снаряжение которой целиком взяло на себя советское командование. Я без колебаний поехал в Россию, туда, где решался исход войны, а следовательно, и судьба нашей прекрасной Франции.

— А моя дорога в эту эскадрилью была покороче,— улыбается Шарль Додэ.— После нашего поражения я расстался с мундиром и стал работать здесь, в этом ресторане, он принадлежал моему отцу. Было терпимо. Но я не мог спокойно смотреть на наглых гитлеровских молодчиков, которые хозяйничали в нашем Париже. Не мог смириться с победой фашистов. Добрые друзья помогли мне переправиться в Англию, а оттуда — на советско-германский фронт. В России меня многое поражало. И то, что русские дали нам первоклассные самолеты, и то, как они терпеливо учили на них летать и воевать, и как все к нам доброжелательно относились. В нашем французском полку трусов не было, все пришли добровольно, чтобы бить фашистов. Советские летчики показывали нам пример, как надо сражаться за Родину. Помню бои на переправе через Неман. Сделаешь шесть-семь боевых вылетов в день, и кажется, уже все человеческие силы иссякли, но советские летчики снова вылетают, а за ними и мы.

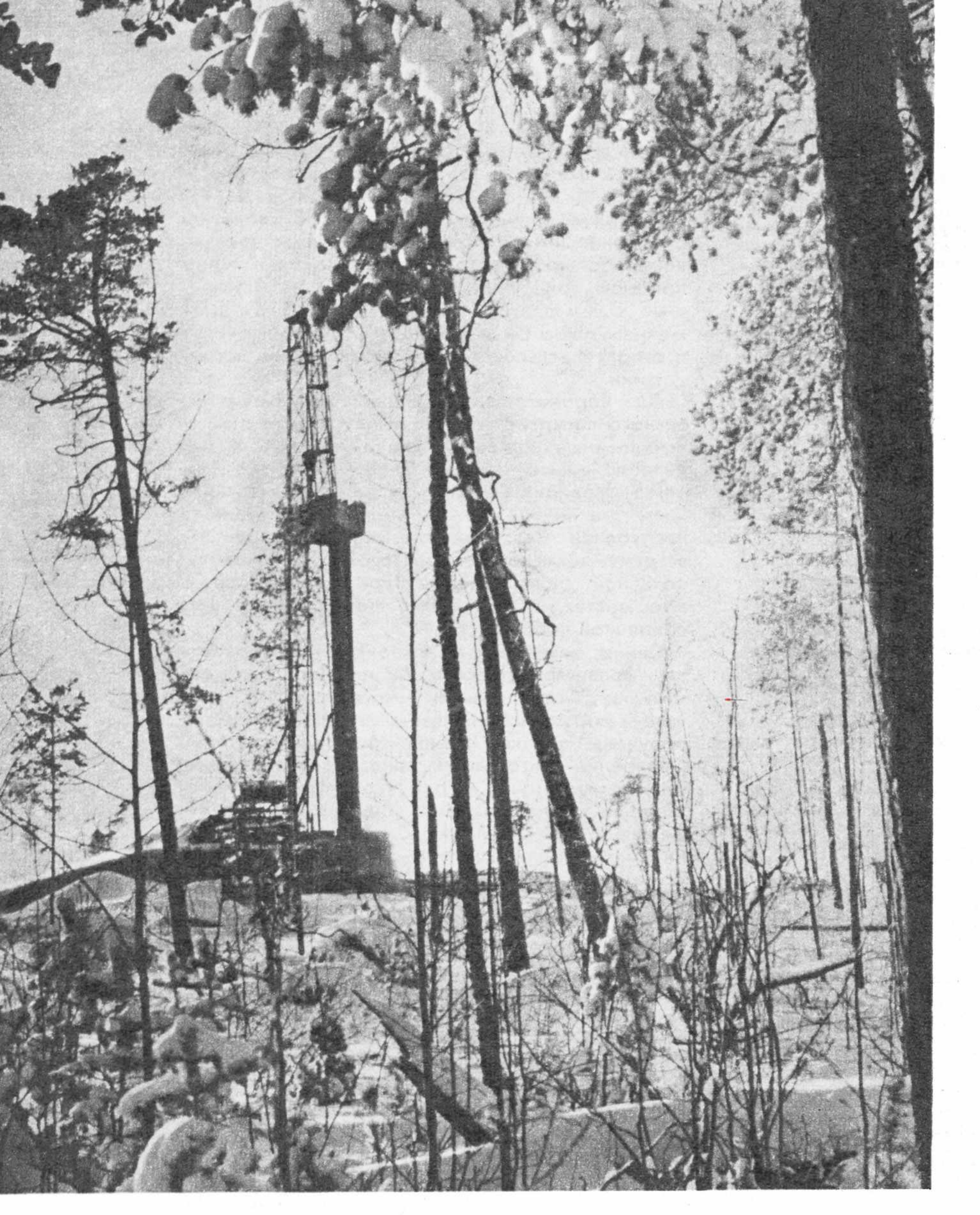
— У меня в боях за Витебск подбили самолет,— вспоминает капитан Фельдзер,— пришлось садиться на вынужденную. Уж не помню, возле какой деревеньки приземлился. При этом сильно ушиб спину, плечо, а самолет за мной прилетел через три дня: все не было погоды. Крестьяне, хоть сами и голодали, меня накормили. А один старик вылечил: отвел в баню и в невыносимой жаре стегал веником. Потом растер спину и плечо каким-то снадобьем, напоил самодельной водкой и уложил спать. Наутро я был здоров.

Надо сказать, что с советскими летчиками мы жили очень дружно. В бою всегда выручали друг друга. На моих глазах советский истребитель произвел таран. Советский летчик выпрыгнул на парашюте. Его атаковали два «мессершмитта», хотели расстрелять в воздухе, но тут лейтенант Дюран, не задумываясь, атаковал фашистов, отогнал их и охранял товарища по оружию, пока тот не приземлился. В свою очередь, и советские летчики не раз спасали наших ребят.

— А помнишь возвращение полка после Победы в Париж?— говорит Шарль Додэ.— На аэродроме Бурже нас встречали тысячи людей. Советских воинов, входивших в состав нашего полка, обнимали, целовали, засыпали цветами.

— А какой был митинг на родине Героя Советского Союза Лефевра. Прием в Сорбонне!— вспоминает капитан Фельдзер.— И везде народ восхищался летчиками полка «Нормандия — Неман». Провозглашал здравицу за дружбу с Советским Союзом. И сейчас вот я снова предлагаю тост за добрую дружбу наших народов. Мы никогда не забудем, что в тяжелый для Франции час Россия дала нам оружие, чтобы сражаться за спасение человечества от фашизма.

Алексей **ГОЛИКОВ**

Буровая работает. До нефти 2 500 метров.

ГЕРОИ ПЯТИЛЕТКИ

ОДОЛЕЕМ!

Л. СЕМЕНОВ
Фото А. ГОСТЕВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

...Самотлор. Пятьдесят три градуса мороза. Вахта — пять человек — работает слаженно, молча, сосредоточенно. Таких вахт в бригаде Григория Кузьмича Петрова семь. 1 488 метров уже пройдено, а долото вгрызается в землю все глубже и глубже.

В Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу говорится: «Все, что у нас есть сегодня и чего мы добьемся завтра, зависит от нас самих, от умения каждого советского человека работать творчески, от высокой сознательности, профессиональной подготовки, чувства ответственности и дисциплины». Все эти качества присущи дружному коллективу бригады Петрова, которую в канун Нового года тепло поздравил с достигнутыми успехами Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

Григорию Кузьмичу Петрову недавно было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Получили награды и члены его бригады. Работать буровиком Петров начал в Башкирии после окончания ремесленного училища. Несколько сотен нефтеносных скважин пробурила там возглавляемая им бригада. Позади четверть века странствий по нефтяным районам страны. Странствий вместе с семьей — женой, сыном и дочерью. Из палаток перебирались в вагончики, из вагончиков — в квартиры...

И вот Самотлор. Стужа лютая.

— Жмет мороз-то?! — смеется Григорий Кузьмич.— На земле все же легче, а представляете, каково сейчас там, на сорокаметровой высоте, где находится Николай Ефимов,— он у нас верховой вахты по подъему и спуску труб во время смены долота.

— Григорий Кузьмич,— спрашиваю я прославленного бурильщика,— в 1974 году вы вступили в соревнование с бригадой Левина и обязались за год пройти сто тысяч метров скважин. Соперник у вас сильный. Каковы первые итоги соревнования?

— Об итогах говорить рано. Год только начался. Буровые наши работают круглые сутки. Каждое утро и мы и бригада Левина знаем, кто сколько метров про-

ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, ДВИЖЕНИЕ

Горы Кавказа и Урала! Неоглядные пространства Советской страны пролегли между ними. Но в эти дни Кохта и Уктус — рядом. В один и тот же день, 9 марта, в Свердловске и Бакуриани открылись финальные соревнования Третьей зимней Спартакиады народов СССР.

Сейчас, любуясь солнечным Бакуриани, его новыми спортивными базами и сооружениями: современным 90-метровым трамплином, уникальной санной трассой, канатными дорогами, поднимающими спортсменов на вершины, где берут свое начало горнолыжные дистанции,— невольно вспоминаешь 1962 год, когда здесь же, в Бакуриани, в такие же мартовские дни, проходили финальные соревнования Первой зимней Спартакиады народов СССР. Впервые прозвучали имена, до этого никому не известные, — лыжников Вячеслава Веденина и Анатолия Аникина, прыгуна с трамплина Александра Иванникова и многих других. Три Белых Олимпиады прошли затем в Инсбруке, Гренобле и Саппоро. Сколько великолепных побед вписано там в историю спорта питомцами наших зимних спартакиад! Теперь многие из них уже закончили свой спортивный путь и стали судьями, тренерами. Другие в эти дни берут старт в Свердловске и Бакуриани.

Давно ли мы радовались успехам на чемпионате мира в Фалуне и на международных соревнованиях в Лахти молодого прыгуна Алексея Боровитина! А вчера наблюдали за его прыжками с 70-метрового бакурианского трамплина. Вместе с Боровитиным боролся за золотую медаль славный ветеран нашего спорта 39-летний Коба Цакадзе, чемпион Первой Спартакиады. Уроженец Бакуриани, любимец Грузии, замечательный прыгун, которому было поручено зажечь огонь на открытии соревнований, решил на них совершить свой последний прыжок и очень надеялся, что он будет победным. Но, увы, и молодой Боровитин и ветеран Цакадзе не попали в число призеров. Победу одержал другой прыгун из Грузии, житель Бакуриани, ученик Цакадзе Михаил Гавва...

Над Бакуриани и Свердловском светит яркое солнце. Скользят по лыжне гонщики, проносятся по крутым склонам Кохты слаломисты. Спартакиада в движении.

В. ВИКТОРОВ

Бакуриани, по телефону.

Фото А. Бочинина.

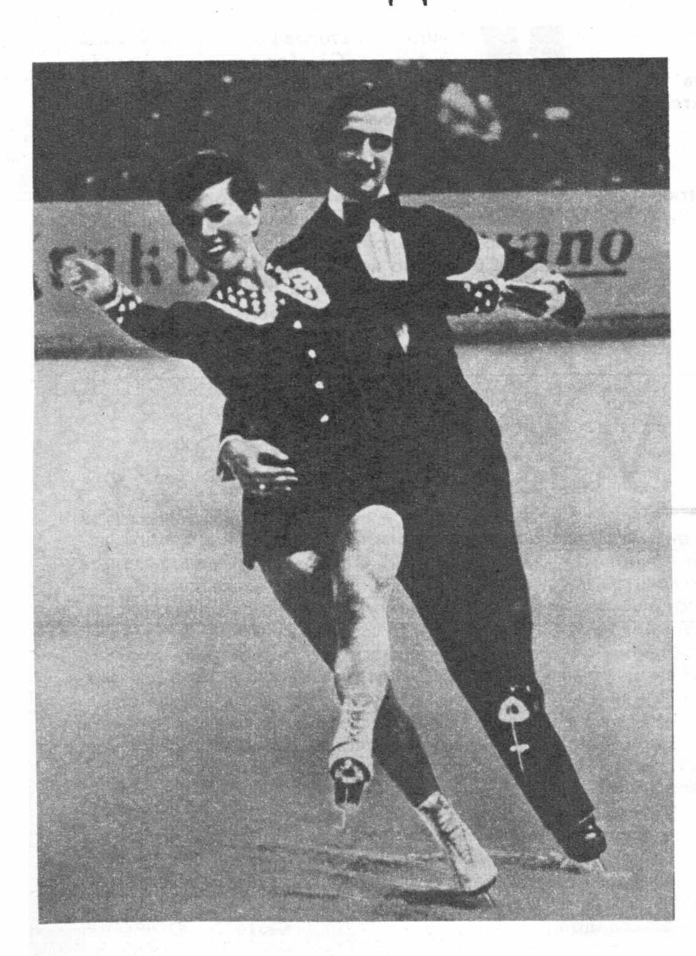
шел. Бывает, что в течение суток кто-то вырывается вперед. Но ведь соревнование — это и помощь, и инструментом поделиться случается, и совет вовремя подать... Ребят Левина не очень-то обгонишь. Они еще в прошлом году двадцать девятого ноября уже выполнили пятилетнее задание. За два года и одиннадцать месяцев пробурили двести десять тысяч метров горных пород, освоили шестнадцать скважин. Словом, соперники серьезные. Но мы тоже свое дело знаем, и методы быстрой проходки скважин нам не в новинку. Посмотрите дневник моего помощника Рифгата Нуретдиновича Ибрагимова. Там до секунд расписана каждая операция режима бурения. Знаем мы и то, сколько минут в бригаде Левина уходит, например, на разборку секций турбобура. У себя мы сократили время на эту операцию до двадцати шести минут.

— У вас сейчас ведется наклонное бурение скважин. Чем это вызвано?

— Условиями болотистого Самотлора. Тут раскидываться на большом пространстве нельзя. Пять-шесть скважин из одного куста уходят в глубь земли в заданном направлении и под определенным углом. Приходится дорожить каждым местом, где укрепились буровые на своеобразных деревянных плотах. Отвечая на поздравление Леонида Ильича Брежнева, наша бригада обязалась пройти в этом году сто тысяч метров и таким образом побить собственный рекорд. Но мы уже нацеливаемся на сто сорок, сто пятьдесят тысяч. Рубеж трудный. Однако при должном уровне механизации одолеем. Так считают все люди в бригаде...

Григорий Кузьмич Петров.

ДРУЖИНА НЕДОСЯГАЕМЫХ

Шесть боевых напряженных дней провели на льду «Олимпия-халле» в Мюнхене фигуристы из 23 стран мира. Чемпионат мира 1974 года собрал сто тридцать участников, и каждый понимал: это новая ступень в фигурном катании, соединившем спорт и искусство, это фантастически высокие требования к уровню мастерства.

И вот пришла радостная весть: советская команда снова доминировала на ледяной арене. Чемпионами мира в парном катании вновь стали И. Роднина (в шестой раз) и А. Зайцев (во второй раз), серебряных наград удостоен также наш дуэт Л. Смирнова — А. Уланов. В пятый раз на пьедестал почета поднялись чемпионы мира по спортивным танцам на льду Л. Пахомова и А. Горшков. Прекрасное постоянство! Впервые в истории чемпионатов серебряную медаль завоевал в одиночном катании среди мужчин С. Волков.

Спортивная пара Н. Линичук — Г. Карпоносов принесла своей дружине бронзовые награды, а И. Моисеева и А. Миненков своим четвертым местом подтвердили, что успехи советской школы совсем не случайность.

С заслуженной победой, друзья!

Н. ЛЕСОВ

Слева: чемпионы мира 1974 года по спортивным танцам на льду Людмила Пахомова и Александр Горшков исполняют аргентинское танго.

Телефото ЮПИ—ТАСС.

■

Внизу: Мюнхен, 6 марта. Чемпионат мира по фигурному катанию. Ирина Роднина и Александр Зайцев (в центре), Людмила Смирнова и Алексей Уланов (слева), Роми Кермер и Рольф Эстеррайх (ГДР) на пьедестале почета.

Телефото АДН — ТАСС.

17 марта исполняется 25 лет со дня подписания Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой.

ОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ

На горе Моранбон в Пхеньяне стоит обелиск «Освобождение». Он воздвигнут корейским народом в честь Советской Армии, разгромившей в 1945 году главные силы японского милитаризма. На освобожденной земле родилось первое в истории Кореи государство рабочих и крестьян.

Народной Корее, вступившей на путь строительства социализма, пришли на помощь Советский Союз, другие братские страны.

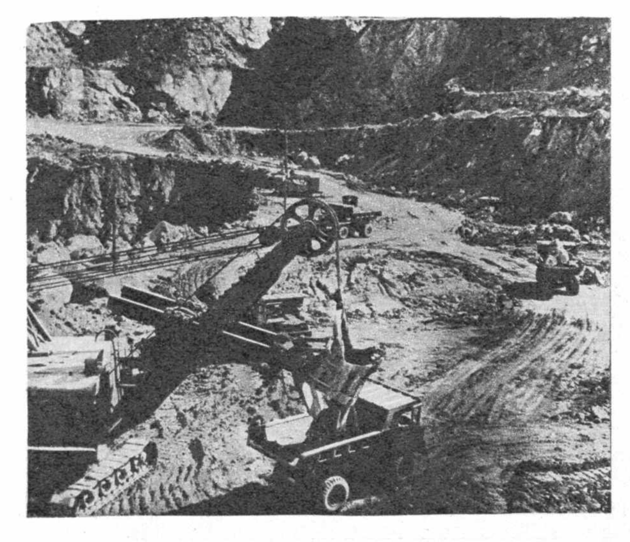
...Первый корейский трактор выехал из ворот Киянского завода — он был создан на основе советского «Владимирца». Дал продукцию первый в республике станкостроительный завод в Хичхоне, в сооружении которого участвовали СССР и Чехословакия. Сейчас здесь производится пятнадцать видов станков, в том числе с программным управлением. 12 миллионов метров тканей в год выпускает Пхеньянская шелкоткацкая фабрика, оснащенная советским оборудованием. Первая в стране установка непрерывной разливки стали скоро вступит в строй на Чхончжинском металлургическом заводе... Более 50 промышленных объектов построено или восстановлено с помощью Советского Союза на корейской земле. Более полутора тысяч советских специалистов работали здесь, воплощая в жизнь строки соглашения, подписанного четверть века назад.

Под руководством Трудовой партии Кореи, опираясь на братскую помощь государств социалистического содружества, корейский народ достиг значительных успехов в развитии экономики. До освобождения страна была сырьевым придатком колониальных держав. Сейчас она производит автомобили, тракторы, станки, радиоприемники, измерительные приборы, судовые двигатели. Наши страны обмениваются научно-технической информацией и производственным опытом. Успешно идут совместные научные разработки.

Советский Союз оказывает неизменную поддержку корейскому народу в его борьбе за мирное и демократическое объединение родины. Предложения, выдвинутые правительством КНДР на переговорах с сеульской стороной, способствуют практическому осуществлению идеи коллективной безопасности в Азии.

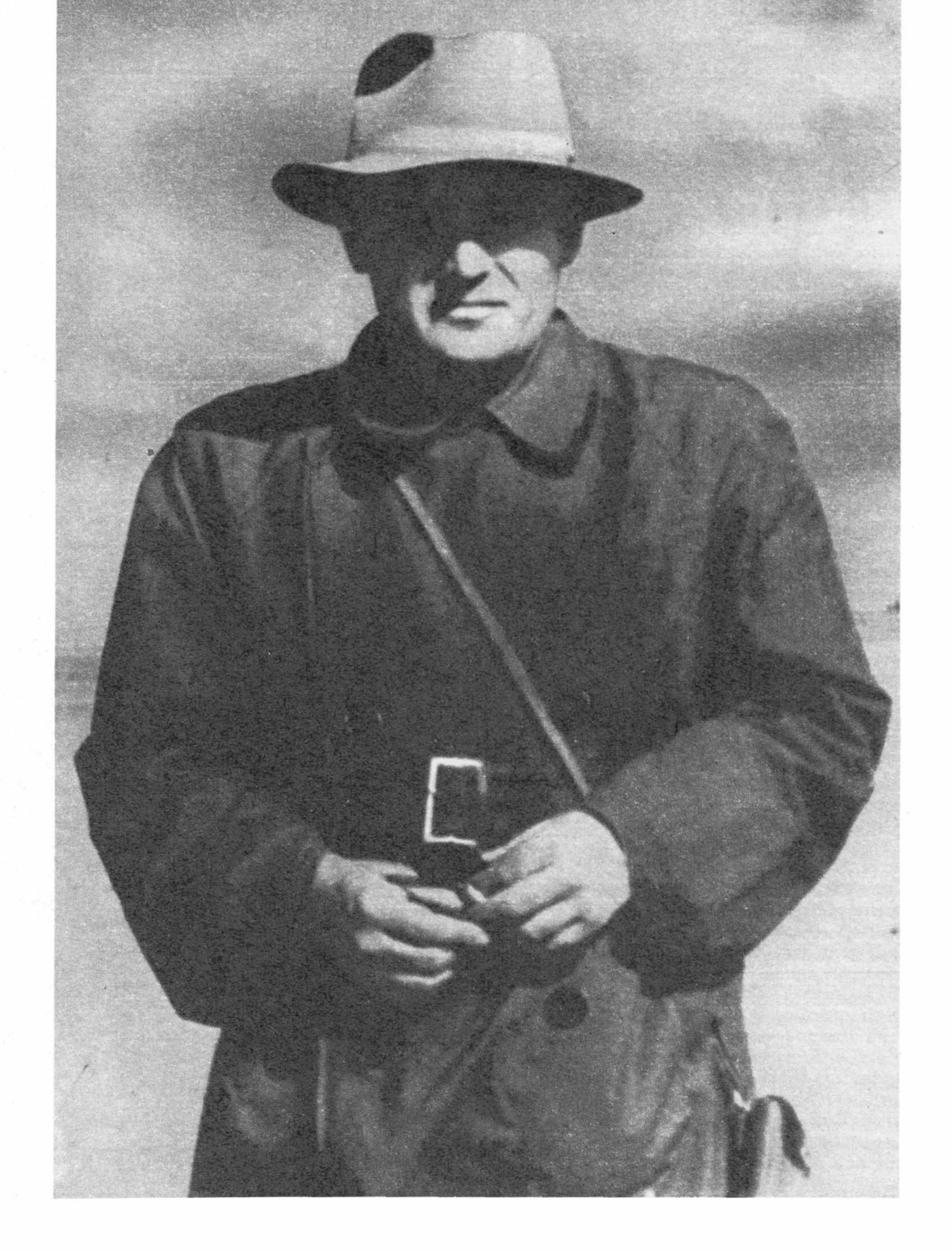
Братская солидарность и прочная дружба — общее достояние наших народов.

Б. ЛАБУТИН

На добыче железной руды надежно зарекомендовала себя советская техника.

Фото ЦТАК—ТАСС.

С. Королев. 1948 год.

Мария Николаевна Баланина и ее сын, Главный конструктор С. Королев.

Мария Николаевна на открытии школьного музея имени С. Королева.

Книга с автографом на титульном листе: «С. Королев». Автограф сделан полвека назад; когда смотришь на книгу, возникает чувство, что в обычную жизнь входит сама история. Книга эта — одна из драгоценных реликвий, хранящихся в квартире Марии Николаевны Баланиной, матери выдающегося ученого нашей Родины Сергея Павловича Королева. Мария Николаевна бережно и любовно сберегает все то, что связано с памятью сына.

На этажерке много учебников, которыми

МУЗЫКА,

Звук сначала почти неслышим. Но потом, ясный, глубокий, он становится почти осязаемым, наполняет весь зал и, кажется, вырывается за его пределы, становится еще шире, просторнее. И тут он обрывается так же неожиданно, как начался. И возникает вновь и вновь плывет. И не хочется, чтобы он кончался... Голосам поющих, их удивительной музыке отзывается каждая струна души человеческой, каждая ее частица...

Старинное русское хоровое пение — оно тоже часть истории. И сейчас, когда мы с течением времени неизбежно утрачиваем мельчайшие, но драгоценные крупицы этой истории, музыка, историю несущая, нам особенно дорога. Как дорога и вся жизнь Александра Александровича Юрлова, народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР, отданная до конца русскому хоровому пению, популяризации старинной русской музыки.

Вечер памяти А. А. Юрлова, состоявшийся 10 марта в Большом зале Консерватории, показал, что творчество выдающегося представителя советского музыкального искусства не оборвалось со смертью мастера; оно продолжено и развивается.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Государственная республиканская академическая русская хоровая капелла имени А. Юрлова.

Фото Э. Эттингера.

ШТРИХИ К ЛЕТОПИСИ

пользовался С. П. Королев, будучи студентом. Среди них выделяются толстые тома, чуть ли не в тысячу страниц каждый. С разрешения Марии Николаевны беру в руки один из них: «Курс физики» популярного в то время автора О. Д. Хвольсона. Учебник, написанный для студентов высших учебных заведений, считался образцом. По нему, именно по этому экземпляру, учился и будущий Главный конструктор.

Большой письменный стол.

— Это был рабочий стол моего мужа, но за ним занимался и Сергей,— поясняет Мария Николаевна, показывая свой домашний музей.— Сергей здесь рассчитывал свои первые летательные аппараты, планеры, одномоторный самолет «СК-4»; штудировал книги К. Э. Циолковского, учебники, а затем работал и над рукописью своей брошюры «Ракетный полет в стратосфере», увидевшей свет в 1934 году.

В двух застекленных шкафах множество памятных вещей. На верхней полке — серебристые ракеты — подарок кружка юных ракетчиков. Здесь модели всех типов ракет, созданных под руководством С. П. Королева. Вот коралл из Тихого океана, привез его заместитель капитана научно-исследовательского судна «Академик Королев» вместе с альбомом фотографий корабля. На следующей полке — подарки зарубежных друзей: тарелка-сувенир, цветистая шерстяная шаль, украшенная национальным орнаментом, из болгарского города Русе...

Вместе с Марией Николаевной листаем книги. Их много, это документальные произведения, посвященные жизненному и творческому пути академика, их преподнесли матери ученого авторы. Все книги — с автографами. Папка-адрес. Его вручили Марии Николаевне ко дню 80-летия наши космонавты. Среди других подписей — автограф Юрия Алексеевича Гагарина...

Целую полку занимают медали и значки, выпущенные в память об ученом. Когда Куйбышевскому авиационному институту исполнилось 25 лет, ему было присвоено имя С. П. Королева. Коллектив вуза прислал памятные значки, посвященные знаменательному событию.

Подарок волгоградцев — макет статуи матери Родины, возвышающейся на Мамаевом кургане. Пенал с землей, желто-серой, опаленной огнем,— со старта в Байконуре.

Роза, заботливо укрытая целлофаном. Мария Николаевна: «...Все ушли, я осталась одна у гроба сына. Послышались шаги. Сквозь слезы вижу: подошел офицер, взял розу из венка и протянул мне...»

Почтовый конверт. Красным карандашом надпись: «Королевой Наталье Сергеевне (лично)». Мария Николаевна: «...Это конверт, в котором была одна из последних записок сына Наташе... Дочке...»

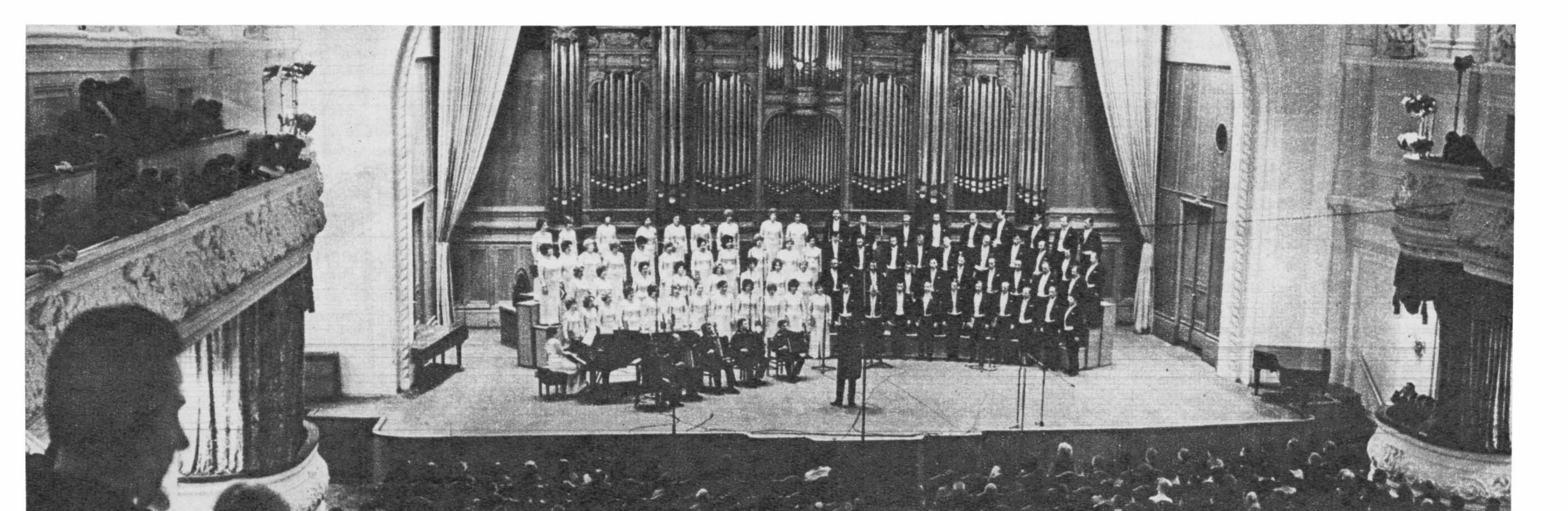
Две маленькие шоколадки: «...Когда он ложился на операцию, я была в той же больнице. По пути Сергей зашел проведать меня. Принес большущее яблоко и эти две шоколадки. Яблоко я съела сразу, а шоколадки отложила...»

Две пряди волос: золотистая, вьющаяся и покрытая пеплом седины. Мария Николаевна: «...Это самое дорогое, что осталось для меня от сына,— локон его детства и прядь, срезанная мной в час прощания с ним...»

Мать остается матерью. Для нее даже самый выдающийся ученый и гениальный конструктор остается милым мальчиком, дорогим сыном. А для нас всех он прежде всего титан научной мысли, претворивший в жизнь мечту человечества о выходе в космос. И потому так дорог нам этот домашний музей, добавляющий еще несколько штрихов к летописи жизни Сергея Павловича Королева — великого гражданина нашего Отечества.

Б. БАРИНОВ,
подполковник запаса

НЕСУЩАЯ ИСТОРИЮ

В ДНИ МИРА

Юрий **ЖУКОВ**

Фото автора.

Недавно мне посчастливилось вновь побывать в Демократической Республике Вьетнам. Впервые я посетил ее в тревожные дни апреля — мая 1965 года, когда американская авиация начинала свою зверскую воздушную войну против Северного Вьетнама, а на юге все острее развертывалась борьба вьетнамских патриотов против американских интервентов и их сайгонских марионеток.

На всю жизнь запомнился этот сражающийся Вьетнам — суровый, подтянутый, полный решимости бороться до конца и завоевать победу. Запомнился военный Ханой с бомбоубежищами на каждом шагу, без гомона детских голосов: все ребятишки были эвакуированы в деревню. Запомнились рисовые поля военного времени, на которых по колено в воде работали женщины с тяжелыми винтовками за спиной, — ведь в любую минуту в небе мог появиться самолет, и тогда все, кто имел оружие, встречали его массированным огнем. Запомнились военные дороги — исковерканные бомбами, со взорванными и вновь наскоро восстановленными мостами, с переправами на паромах. Запомнились многострадальные города Тханьхоа и Винь, разрушенные в результате налетов американской авиации...

И вот — снова Вьетнам. Демократическая Республика Вьетнам в дни мира. Делегация Верховного Совета СССР, которую возглавлял заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР тов. С. Б. Ниязбеков, побывала с дружеским визитом в братской республике. Куда бы мы ни пошли, куда бы ни поехали в те дни, везде и всюду на самых видных местах мы встречали плакаты с надписью: «Да здравствует великая нерушимая дружба вьетнамского и советского народов!». Здесь хорошо помнят о той большой помощи, которую в трудное время оказал вьетнамцам советский народ. Теперь над Демократической Республикой Вьетнам — чистое небо. Не слышен грохот канонады, не падают бомбы, не воют сирены воздушной тревоги. Делегацию Верховного Совета СССР всюду встречали сердечно и радушно.

«Великие победы вьетнамского народа в борьбе сопротивления против американской агрессии, за национальное спасение и построение социализма неотделимы от братской помощи Советского Союза и других социалистических стран», — сказал нам президент Демократической Республики Вьетнам товарищ Тон Дык Тханг. И, совершая поездку по Вьетнаму в дни мира, мы так же, как и в дни войны, на каждом шагу убеждались в том, что вьетнамский народ высоко ценит дружбу с советским народом.

Где взять слова, которыми можно было бы передать всю теплоту и сердечность этих встреч? Право же, в таких случаях язык журналиста бессилен обрисовать пережитое, и руки невольно тянутся к фотоаппарату, способному запечатлеть объективно и беспристрастно, но вместе с тем красочно увиденное и пережитое. И вот они перед вами — кадры из моего фотодневника, который я вел во Вьетнаме.

На первой странице вкладки вы видите молодую вьетнамскую женщину с ребенком — я снял ее у переправы через одну из полноводных рек Демократической Республики Вьетнам. Ей сказали, что перед нею гости из СССР, и она, улыбаясь, нас приветствовала. Как видите, эта вьетнамка собралась куда-то в гости. Сама она одета пока еще скромно; на ней куртка защитного цвета, оставшаяся со времен войны. Но ее ребенок уже одет нарядно и с любовью. Знаете ли вы, между прочим, что, несмотря на зверские бомбардировки, несмотря на долгую и изнурительную войну, население Демократической Республики Вьетнам за эти годы не только не сократилось, но, наоборот, возросло? Дети здесь всегда считались самым драгоценным капиталом! А на заднем плане этого снимка силуэт бетономешалки — это строится новая автомагистраль; во Вьетнаме дороги сооружаются быстро и хорошо, и коммуникации здесь уже в основном восстановлены.

На верхнем снимке рядом — два героя. Слева командир подразделения зенитной ракетной обороны Нгуен Ван Фьет; он служит в части, которая сбила много американских самолетов, в том числе только в декабре 1972 года 13 «летающих крепостей» «В-52»; на его кителе сияет звезда Героя Вооруженных Сил ДРВ; это он сбил во время первого налета «В-52» на Ханой первый же из них. А справа — Герой Социалистического Труда Владимир Афанасьевич Степченко, председатель колхоза «Новое Полесье» из Брестской области. Степченко и Нгуен Ван Фьет встретились поистине как братья, когда делегация Верховного Совета СССР, депутатом которого является В. А. Степченко, прибыла в расположение этой части. Право же, их встреча выглядит символично!

Ниже вы видите школьников из сельскохозяйственного кооператива с лирическим названием «Иен Зюен», что значит Спокойная Красота. И это действительно красивейший уголок близ Ханоя. Но в дни войны здесь отнюдь не было спокойствия, и на стенах домов еще сохранились следы от осколков авиационных бомб. Однако сейчас кооператив уже полностью оправился от ущерба, нанесенного войной. Здесь живут и работают трудолюбивые люди, и они в 1973 году за два урожая собрали с каждого гектара по 74 центнера риса и вдобавок к этому по 28 центнеров рыбы, которая нагуливает жир на полях, залитых водой, пока растет рис. И вот этот кооператив встречает сегодня советских гостей. Впереди, конечно же, ребятишки с пионерскими барабанами, красными галстуками, советскими и вьетнамскими флажками.

Теперь поглядите на два снимка, помещенные внизу. Слева — рыбаки уходят в море по фарватерам, уже расчищенным от американских мин. Спокойствие вернулось и сюда. А справа — один из уголков Ханоя: плакаты призывают народ к борьбе за повышение производительности труда и к сохранению высокой бдительности перед происками врага.

Переверните страницу.

Вверху зенитчики на боевой позиции. Вот уже год, как им не довелось сделать ни одного боевого запуска ракет, но они круглые сутки бдительно охраняют небо родины и продолжают совершенствовать свою выучку.

Два снимка, помещенные ниже, я сделал в одном из самых живописных мест земного шара — Халонге. Тысячи красивых скалистых островков испещрили голубой морской залив. Подлинный рай для туристов! Здесь прекрасные пляжи, чудесные маршруты для прогулок. Американская авиация не оставила в покое и этот уголок — залив был минирован, его берега подвергались сильнейшим бомбежкам. Но теперь и здесь все возвращается в мирную колею.

Слева одно из зданий, разбитое бомбами. Оно высится здесь, на берегу залива, как молчаливое и выразительное напоминание о пережитом. Однако вокруг этого мертвого дома уже бурлит жизнь. А чуть подальше уже строятся новые кварталы города — еще краше и лучше прежних. На соседней фотографии — типичное вьетнамское грузовое парусное судно, которое держит курс в открытое море.

Наконец, внизу еще два кадра из моего вьетнамского фотодневника. Слева —озеро на окраине Ханоя, за которым чуть-чуть виднеются корпуса Ханойского политехнического института, сооруженные еще до войны с помощью СССР. В дни американских бомбардировок корпуса института пустовали. Сейчас они огласились гомоном студентов. А озеро вновь, как и до войны, стало излюбленным местом для прогулок на лодках и катерах.

Правее — угольный разрез в шахтерской провинции Куангнинь. Здесь добывают замечательный антрацит. Толщина пласта измеряется десятками метров. Американская авиация в дни воздушной войны подвергала ожесточенным бомбардировкам и угольные разрезы. Но сегодня здесь не осталось и следа от воронок. Восстановлены дороги. Отремонтированы экскаваторы. И вот уже могучие «МАЗы» и «БелАЗы», доставленные из далекого Минска, вывозят отсюда уголь. Нам сказали, что только в этом разрезе, который мы видели близ города Хонгай, в 1973 году было добыто 400 тысяч тонн антрацита, в 1974 году отсюда вывезут 800 тысяч тонн, а к 1976-му годовая добыча превысит миллион тонн.

Остались позади сотни километров вьетнамских дорог. Много было встреч и впечатлений. Их сохранят листки блокнота и кадры фотодневника, а в памяти останется чувство дружбы, которое питает к нашей стране народ Демократической Республики Вьетнам.

PHAT HUY KHI THE
CHIEN THANG
XAY DUNG THU ĐO
XA HOI CHU NGHIA
PHAT HUY TRUYEN THONG
TIEN LEN HOAN THANH
LAO ĐONG
CO KY LUAT
CO KY THUAT
CO NANG
SUAT CAO

Юрий ПАНКРАТОВ

ПАМЯТЬ

ПОЭЗИЯ

Прямую стать закаливай во мне —
веди сквозь зной, метель и непогоду.
Седую сталь накаливай в огне,
чтоб после горна в ледяную воду.

Стреми меня, небесный самокат,
через пространство, по земному шару,
в дымящийся от зноя Самарканд,
чтоб после в Салехард и к Сыктывкару.

Везде поспеть, все видеть и узнать.
Сквозь звездный снег гребя за облаками,
хочу страну, как женщину, обнять
и мир, как друга, оградить руками.

Звенит весна... Натянут каждый нерв,
шепчу местоименья и причастья...
Я как геолог, что разведчик недр,
ищу в горах месторожденья счастья.

Вот отчего кружу я по стране:
мне не нужна разменчивая слава —
мне каждый город дарит по строке,
поющей о тебе, моя держава!

ПАМЯТЬ

Взошла моя песня в седой тишине,
среди казахстанских степей,
где всадник плывет на далеком коне
и машет рукою приветливой мне
из юности ранней моей.

Мне сладко и вольно скакать по степи,
кружащейся, что карусель...
А даль обнимает, а солнце слепит,
и длинно кричит коростель.

Бегу я сквозь время в зеленый рассвет
за розовой гривой коня.
Но конь улетает за солнцем вослед,
сердитой уздечкой звеня.

Там брюхом, окрашенным в серой золе,
на склоне богатой горы
степная лисица прижалась к земле
у влажной мышиной норы.

Теряется всадник в свирепой траве,
в далеком, как сон, далеке...
И беркут сидит у него на руке,
на ватном глухом рукаве.

Уходит охотник с рассветным конем
в края, где цветет молочай,
и красным огнем полыхает на нем
шакалий его малахай...

Мне хочется снова в соцветья степей,
на берег забытой реки,
где память, как беркут, взорлила с моей
еще не окрепшей руки!

ПАСТУХ

Как глаза его блекло цветут
и движения важны и правы.
Кнут, цепляясь узлами своими,
тихо тянется за пастухом.

С ним коровы по лесу идут,
задевая сосцами за травы,
и купава щекочет им вымя,
переполненное молоком...

* * *

Лазурный камень оправьте в золото.
Налейте в чашу вина зеленого...
Смешайте синее с крупицей желтого,
и полыхнет вам в зрачки зеленое.

О горизонта слеза соленая!
Темнее тени — длиннее линии...
Не потому ли Земля зеленая,
что Солнце желтое, а небо синее?

* * *

Бег мальчугана голого.
А на щеке — слеза.
Солнце ласкает голову,
света полны глаза.

Радостно так и празднично
мне на лесном лугу,
будто у дальней пасеки
вслед за мальчишкой плачущим
сам по росе бегу...

* * *

Эти гордые чуткие плечи
опускаются скорбно, когда
ты мне тихо и горестно шепчешь:
— Не любил ты меня никогда...

Ничего, что живу нелюдимой,
что на сердце печаль,—не беда.
Об одном я горюю, любимый:
— Не любил ты меня никогда...

Море беды минувшие лечит,
но и горькая эта вода,
словно женщина милая, шепчет:
— Не любил... не любил никогда.

* * *

Загрустили родные глаза,
и трава на росе заболела.
По щеке покатилась слеза,
и река, забелев, обмелела...

Но ударила в бубен гроза
и вздохнувшему сердцу велела,
чтоб темнели от страсти глаза,
чтоб лицо от волненья горело.

Чтоб ласкала листва синеву,
чтоб ладонь за светящейся сливой
потянулась легко и счастливо
и лениво поникла в траву...

ВЕЧНО ЮНАЯ ИНДИЯ

На обложке журнала — офорт на индийские темы, внутри — добрую треть страниц составляет «Индийская тетрадь»: рассказ о детских книгах Индии, о дружбе двух народов, двух литератур, о театрах и библиотеках, иллюстрации из популярных индийских книг для детей, работы советских графиков о стране, лежащей за снежными пиками Гималаев...

Январский номер «Детской литературы» продолжает традицию, начало которой было положено несколько лет назад выпуском номера о чешской и словацкой литературе. На этот раз мы читаем красочное повествование об Индии и ее книгах для юных поколений.

Подбор материалов выигрывает прежде всего разнообразием тем, жанров, участием солидного числа авторов, среди которых мы видим писателей, редакторов, деятелей культуры и просвещения Индии и советских филологов, переводчиков, графиков, знакомящих нашу детвору из года в год с классической и современной индийской литературой.

Д-р К. Ш. Шелванкар, посол Республики Индии в СССР, во вступительной статье отмечает прочность исторических и культурных связей обоих народов, напоминает о важнейших событиях последних лет в области культурного, научного и технического сотрудничества Индии и Советского Союза, рассказывает об индийских детях, о том, что день рождения Дж. Неру (14 ноября) отмечается в его стране как День детей. «Дети — это истинное богатство народа. Любовь, внимание и мудрость, которые мы вкладываем в их воспитание, принесут плоды в будущем»,— заключает К. Ш. Шелванкар, желая журналу «Детская литература» всяческих успехов в его начинаниях.

Об истории детского книгоиздательства в Индии, о создании в 1957 году Треста детской книги, о воспитании с помощью кино, радио, детского театра, о первой индийской детской энциклопедии повествуют на страницах журнала Б. Сахни, Х. Т. Сарасват, М. Н. Датт, М. Рао, П. Сингх. Художник Георгий Поплавский делится впечатлениями от творческой поездки в Индию (его выразительная графика, тоновая и черно-белая, здесь же, на странице). О восприятии детьми древнего культурного наследия, о бережном сохранении традиций, о фольклоре Индии, о работе над переводами говорят лауреат премии имени Дж. Неру, кандидат исторических наук Н. Гусева, кандидат филологических наук В. Чернышев, Л. Жердев, Э. Боровик и другие.

Журнал печатает небольшие, но емкие по содержанию рецензии на книги индийских писателей, вышедшие в нашей стране, заметки о народном индийском театре и постановках на советской сцене произведений индийского эпоса, о клубе имени М. Горького в Индии... В каждой строке советских авторов видны уважение и искренние чувства, какие испытывают советские люди к древней и современной культуре страны-друга, глубокая заинтересованность в развитии литературы, воспитывающей детей в духе гуманизма, интернационального единения и сотрудничества в строительстве мира и прогресса.

Ю. НОВИКОВ

МИРОВОЗЗР

Евг. ЗАЙЦЕВ,
первый заместитель
министра культуры РСФСР

Путь искусства, его произведений к сердцу зрителя—прежде всего проблема идеологическая. Отмечая все возрастающую роль литературы и искусства в жизни общества, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС подчеркнул необходимость «...увлечь художника благородной задачей служения народу, сделать его убежденным и активным участником преобразования общества на коммунистических началах».

Вопрос о философском, мировоззренческом облике художника, об отношении к тому миру, который воссоздает он на полотне картины, в сценических образах, в песнях и ораториях, обретает все большую значимость по мере того, как усложняется жизнь, обостряется борьба противоположных, взаимоисключающих идей. Кроме того, все богаче и многограннее становится человеческая личность, а значит, сложнее раскрываются человеческие взаимоотношения, связи героев, выходящих навстречу зрителю.

Для театра эти проблемы были и остаются, быть может, наиглавнейшими, поскольку ни один творческий жанр не обладает, на мой взгляд, таким мощным, как театр, «увеличивающим стеклом».

Мировоззрение режиссера, актера, театрального художника, композитора, балетмейстера — это в конечном итоге сила воздействия современного советского театра на широчайшую зрительскую аудиторию. Это наша позиция, это — утверждение наших идеалов.

Способность именно театральных подмостков, театральной сцены придать особый интерес изображаемым явлениям, привлечь к жизни героев взоры и мысли других людей сначала уже просто в силу того, что эти герои появились на подмостках и поэтому-то заслуживают, наверное, зрительского внимания,— именно эта способность театра громадна! Но, думается мне, она не очень еще глубоко нами изучена. Хотя, несомненно, основной причиной «заманчивости» театра, притягательной силы сцены — пусть порой и очень далеко скрытой в природе зрелища — является всегда социальный, общественный интерес к жизни человека, к судьбам людей... Именно он рождает желание зрителя «разобраться» в облике героя, который выходит навстречу собравшимся ради него людям с каким-то своим, сначала затаенным, а потом постепенно раскрывающимся нравственным опытом, со своим внутренним, быть может, очень ценным миром чувств и переживаний.

Проникнуть во все эти психологические и социальные особенности человека — значит понять не только конкретную, представшую перед нами личность с ее судьбой, с ее радостями и горестями, но и разглядеть ближе, точнее самое Время в его движении, в наиболее ярких, характерных проявлениях.

С уверенностью могу сказать, что на огромной территории Российской Федерации не найдется ни одного театра, ни одного профессионального или самодеятельного артиста, который не знал бы и не ведал о том, что первейший долг искусства — быть созвучным современности, уметь с неотразимой художественной силой откликаться на главные, актуальные проблемы нашего динамичного века.

Неоспоримая общественная заинтересованность, живая сопричастность многотысячной армии работников театрального искусства России к великим делам и свершениям Родины есть прямой результат идейно-художественного воспитания деятелей театра. Для их мировоззрения характерны четкие классовые позиции, осознанное понимание закономерностей общественного развития.

Но сложность самих задач этого воспитания, их разнообразие, их диалектика опять же нисколько не уменьшаются с течением времени, а, наоборот, выдвигают перед художниками, работниками театров все новые и новые требования. И прежде всего умение силой искусства, силой художественных образов воспитывать в духе коммунистических идеалов и революционных традиций те 65 миллионов зрителей, которые ежегодно смотрят спектакли театров Российской Федерации.

Верно понять интересы зрителей, не только развлечь и увлечь их, но приобщить к размышлению, сопереживанию, к нравственному самоочищению — вот, кажется, главная цель театра. Без этого он не может осуществить свою общественную, гражданскую миссию.

На таких позициях стояли, как известно, и основоположники русской сцены и великолепные знатоки театра, его сложнейших законов— А. Дикий, А. Попов, Р. Симонов и многие другие режиссеры, умевшие своими постановками «занимать», волновать публику и в то же время давать ей заряд патриотических, гражданственных эмоций, идейно вдохновлять и закалять зрителя.

Не буду приводить многих примеров, но напомню из последних спектаклей такого плана хотя бы «Драматическую песню» Б. Равенских, чтобы ясно было: вне мысли серьезной, жизненно важной театр так же не существует, как и вне своей яркой, чисто зрелищной природы.

И это действительно отнюдь не противоречие, а незыблемая истина существования сложнейшего искусства сцены. Ее не минуешь, не прейдешь! Особенно если учесть, что, согласно социологическим исследованиям, проведенным за последние годы, в зрительных залах до восьмидесяти процентов от общего числа зрителей составляет молодежь.

Но вот зрительские запросы, вкусы молодежи — при всем том, что их обязательно следует учитывать,— надо ли влиять на них, назойливо формировать их?.. Или же идти, что называется, у них на поводу, «подлаживаться» к требованиям, еще не всегда зрелым, продиктованным иногда той «модой», которая подчиняет себе отсталые умы, поверхностные, мещанские взгляды...

Уступая подобному диктату моды, театр иной раз принимает к постановке пьесу несовершенную, берет то или иное произведение, лишь кажущееся современным. Снижение идейно-эстетических критериев, нетребовательность при формировании репертуара, как правило, мстят за себя.

Именно репертуарная политика с наибольшей точностью отражает идейно-творческую программу театра, философскую и жизненную концепцию режиссера, а в конечном счете мировоззрение всего коллектива, облик театра в целом. Ибо спектакль дает зрителю пищу для души в любом случае. Но разную.

Познавая обстоятельства жизни людей, открывая черты их характеров, зритель обязательно откликается на них внутренне: приемлет или отвергает, радуется либо ненавидит... Эти духовные, нравственные токи, незримо объединяющие сцену и зрительный зал, сплачивающие их единым отношением к жизни, и рождают театр в его драгоценной, сокровеннейшей сущности. В том внутреннем слиянии театра, как коллектива художников, и публики, ради чего они, собственно, и встречаются.

Сейчас в репертуаре театров Российской Федерации доминирует современная советская пьеса. Радует возрождение интереса работников театра к исследованию характера человека труда, жизни трудового коллектива — к темам масштабным, позволяющим художникам сцены сказать свое горячее слово о важнейших процессах современности; о людях, многое решительно творчески перестраивающих, меняющих и на производстве, и в жизни, и в быту.

Прежде всего привлекают внимание пьесы, непосредственно посвященные нынешнему рабочему классу — тем людям, которые создают не только материальные, но и духовные ценности. И тут хочется назвать бокаревских «Сталеваров»,— не потому, что пьеса молодого драматурга будто бы оказалась вдруг неким шедевром, образцом писательского мастерства. Это, конечно, не так. Здесь прежде всего радует свет жизни сегодняшней, ясная атмосфера дружбы, взаимопонимания людей, рождающаяся, конечно, тоже не сама собой, а в результате того, что персонажи преодолевают самые разные трудности и конфликтные ситуации... На наших глазах возникает постепенно характер, тип, образ современника. Вернее, одного из современников, но и это уже немало. И за это зрители так горячо благодарят МХАТ! Хотя и в самом, безусловно, сложившемся характере героя есть свои погрешности, мимо которых не хотелось бы пройти, не заметив их, поскольку они в какой-то мере опять же не являются частным просчетом одной лишь пьесы, одного спектакля. Тревожит явно обозначившаяся «вторичность», повторяемость даже не самого конфликта — он складывается по-разному,— а скорее поведения героя в производственном конфликте.

Начав волновать коллектив своей активностью, изобретательностью, представитель передовой мысли, научно-технического прогресса, поборник подлинно высокой нравственности почему-то обязательно приходит к стычкам и столкновениям с ранее сложившимся коллективом, который до появления этого человека будто бы жил да поживал довольно инертно, не чуя никакой беды...

Не случайно критика, размышляя над конфликтами подобного рода, довольно-таки настойчиво оспаривает в последнее время нравственные права и возможности такого вот героя-одиночки.

В этом плане, на наш взгляд, гораздо доказательнее и правомернее выглядят все действующие лица и вся ситуация в подчеркнуто «производственной» пьесе М. Шатрова «Погода на завтра», где коллектив хоть и имеет сложности свои собственные — сложности становления,— но в главном — трудовых связях — предстает перед нами динамичным, активно действующим организмом.

Думаю, не случайно переполнен зрительный зал на спектакле «Погода на завтра». Дело в том, что актеры, следуя замыслу автора и режиссерскому решению, публицистически заостренно бросают в зрительный зал вопросы:

ЕНИЕ ХУДОЖНИКА

какими должны быть отношения, нравственный климат в коллективе, чтобы завод уникальной техники и прогрессивной организации труда вписался в обширную хозяйственную систему страны? Как достичь наивысшей эффективности при наименьших затратах человеческих сил?..

Спектакль «Современника», изобретательно размышляя над фактами и документами, раскрывает сложнейшие нюансы человеческих отношений, их диалектику именно в коллективе. Театр тактично и умно учит зрителя искренности и честности, принципиальности и самоотверженности, высочайшей ответственности **человека** за свой труд, за дело, которому служишь, за коллектив; и **коллектива** — за каждого человека, за его социальную активность и нравственную чистоту.

Для зрелого социалистического общества, для наших дней более всего характерна именно целостность нравственных побуждений, гражданственность людей, которые трудятся **вместе**, на общее благо.

В иных же пьесах и сценариях, рисующих труд на большом заводе или на крупной современной стройке, в рабочей бригаде, порою человек, знающий больше других, умеющий работать лучше других, выглядит почему-то не очень привлекательно с точки зрения всех его взаимоотношений с окружающими.

Возникает впечатление, что эти взаимоотношения как будто даже нарочито усложняются... Я не хочу сказать, что недоразумения, возникающие между такими героями и их окружением, вообще нежизненны или никчемны. Нет, и здесь есть свои достоинства. Зритель видит на сцене сегодняшних людей, участвует в их спорах, радуется, когда торжествует истина, как это происходит, скажем, в пьесе «День-деньской» Вейцлера и Мишарина, где все симпатии авторов отданы директору завода Друянову, человеку уже немолодому и тоже довольно-таки колючему.

Но ведь тут в герое подкупает не только огромная его любовь к делу и знание этого дела, но и несомненная привязанность к людям, работающим с ним рядом... Правда, все это запрятано авторами пьесы в глубь характера, повторяю, не очень-то легкого для окружающих. Зато цельность характера Друянова в блистательном исполнении Михаила Ульянова убеждает нас в том, что герой найдет верный путь из тупиковой, казалось бы, ситуации...

Пьеса и спектакль, к сожалению, не лишены просчетов. Думается, у вахтанговцев и авторов, сделавших доброе дело, есть возможности и резервы для совершенствования этого произведения и особенно финальных его сцен.

В последние годы драматурги и театры все активнее, как бы заново осваивают жизнь и быт больших трудовых коллективов. Этот процесс естествен и закономерен. Следует лишь всем нам быть взыскательными и взаимно требовательными к этой важной проблематике.

Люди труда — наши современники заслуживают того, чтобы о них писали живо, увлекательно, интересно. Представляется, что в идеале «производственная» пьеса должна давать такое же богатство характеров, что и психологическая драма. А психологическая драма — брать и тот общественный срез отношений, который сегодня по-настоящему привлекает зрителя в пьесе «производственной»...

Острые жизненные конфликты возникают, разумеется, не только в пьесах, рассказывающих о производстве. Рано ушедший из жизни талантливый драматург Александр Вампилов оставил нам интересное наследие. В его произведениях оживают многие судьбы. И к ним тянутся сейчас театры. Внимательно присматриваясь к своим героям, драматург открыл огромную сложность человеческой души: тут видишь и большие нравственные ценности и способность к борьбе, к духовному возрождению...

Но происходит все это далеко не просто. Персонажи пьес Вампилова всегда живые люди. И живут они напряженно, неравнодушно, в острых столкновениях, обязательно занимая определенную позицию. Правда, позиция эта выявляется путями чрезвычайно извилистыми. Драматург подчас создавал обстоятельства крайне запутанные, а иногда — сущий лабиринт, обстановку, вовсе безысходную, особенно для людей слабых и нерешительных...

Прочтение этих пьес театрами, вся атмосфера вампиловских остропсихологических спектаклей, их интонация во многом зависят от правильного понимания режиссером законов развития нашего общества, от мировоззрения каждого актера и всего творческого коллектива, участвующего в создании постановки.

Зрелость театра в том и проявляется, что, выдвигая на обсуждение зрителей острые и сложные проблемы жизни, художник ясно и четко определяет свое отношение к ним, проясняет свою собственную позицию.

Подлинный контакт художников театра с образами современности невозможен вне творческого и, значит, глубинного идейно-художественного их постижения. «Отграничить» идею спектакля от художественного смысла так же невозможно, как, скажем, «исключить» дыхание из жизни живого тела.

Как известно, в современном театре неизмеримо возросла роль режиссера. От него в значительной степени зависит идейное, профессиональное и морально-этическое состояние творческого коллектива.

Режиссер сплачивает труппу, словно дирижер в оркестре. Направляет к единой цели творческий поиск актеров, композитора, художника... Сегодня в нашем театре работают, творят такие выдающиеся мастера, такие талантливые художники, как Юрий Александрович Завадский, Сергей Владимирович Образцов, Борис Иванович Равенских, Борис Андреевич Бабочкин, Георгий Александрович Товстоногов, Фирс Ефимович Шишигин... Они бережно несут и развивают лучшие традиции русской школы сценического реализма, создают произведения глубокого социального звучания, покоряющие масштабностью, высоким нравственным пафосом, подлинным мастерством. Пример их беззаветного служения советскому искусству, их труд оказывают могучее влияние на формирование каждого режиссера как творческой личности. Достойна глубочайшего уважения и признательности педагогическая деятельность многих мастеров режиссуры в вузах, на Высших режиссерских курсах, в творческих лабораториях...

Марксистско-ленинское мировоззрение художника, оплодотворяющее талант, обширные познания, добротная профессиональная подготовка, тесная связь с жизнью народа — вот что характеризует сегодня наши режиссерские кадры. Все это позволяет им добиваться больших и зримых успехов. Красноречивое тому подтверждение — опыт таких театров, как Краснодарский, где плодотворно работает М. А. Куликовский; Омский, возглавляемый Я. М. Киржнером; Куйбышевский — художественный руководитель коллектива П. Л. Монастырский; Саратовский ТЮЗ во главе с неутомимым Ю. П. Киселевым...

Нужно ли доказывать, как важно вовремя заметить способности человека, доверить ему желанное дело, помочь обрести самостоятельность. Выдвижение талантливой молодежи к руководству театральными коллективами — дело важное и перспективное. За последние семь лет более ста молодых работников театра выдвинуто на должности главных режиссеров. Это более трети от числа всех руководителей театральных коллективов республики. Отрадно, что многие из них своими спектаклями, активной работой с труппой, успехом у зрителей уже заявляют о себе весомо и убедительно. Черты самобытных мастеров формируются у таких режиссеров, как Владимир Андреев в Театре имени Ермоловой, Вера Ефремова в Ульяновске, Марсель Салимжанов в Казани, Виталий Ланской в Кирове, Лек Валеев в Уфе, Юрий Жигульский в Свердловске, Нальбий Тхакумашев в Оренбурге, Владимир Бугров и Глеб Дроздов в Воронеже... Кстати, стоит сказать, что одним из первых в стране Г. Дроздов поставил «Марию» Салынского, интересно осуществил «Иркутскую историю» Арбузова; сейчас он создал спектакль о событиях в Чили, о героической борьбе чилийского народа... И тут зримо, ярко сказываются общественные интересы, направление личности художника, ищущего возможности не просто «выразить себя», а найти крупную, масштабную современную тему для волнующего разговора театра со зрителем.

Общественная тема, как никакая другая, учит человека правильно понимать действительность, видеть новое в жизни, принимать либо отвергать в ней те или иные явления.

Надо ли говорить, что сама тема, конечно, должна быть выражена глубинно и свежо — новыми, незатасканными сценическими приемами, языком впечатляющих образов...

Время требует сегодня от театра именно такого разговора со зрителем — душевного, ненавязчивого, но в то же время острого и запоминающегося. Зритель ищет в театре и радости общения с любимыми актерами, и развлечения, и ответа на те вопросы, которые ставит перед ним жизнь и в трудовой деятельности, и всех великих делах народа, частицей которого каждый из нас чувствует себя,— и в человеческих взаимоотношениях в коллективе, в семье, в быту...

Истинность искусства — в богатом творческом опыте гражданственно мыслящих и действующих театров. Более сорока тысяч работников театров насчитывает сцена России. Талантливые спектакли многих и многих коллективов, осуществленные интересно и сложно, с расчетом на зрителя, подготовленного к восприятию сценической метафоры, понимающего язык театра, позволяют говорить об их широком, обоюдном взаимопонимании. О подлинном контакте театра и зрителя, который рождается там, в тех зрительных залах, где вдохновленные большой идеей художники — по слову Ленина, воспитывают художников и в народе, которому служат своим высоким искусством.

ЦЫГАН

Анатолий КАЛИНИН ПОВЕСТЬ Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

* * *

Все меньше сочился светом и музыкой овраг, и лишь изредка языком запоздалого пламени озаряло конскую морду, дышло телеги, чью-то тень. Все цыгане уже спали, только самые упорные, молодые, иногда оглашали овраг взрывами смеха, гулким топотом.

Теперь, когда Будулай открылся им и они поняли его, ему было стыдно, что он чуждался их прежде. Какая гордыня до этого заставляла его спешить мимо их повозок и чуть ли не презирать их за то, что они, отворачиваясь от оседлого своего счастья, сами же, по его мнению, и отказывались от той жизни, которая была для них лучше? А если это потому, что они сами все еще так никак и не могут разобраться, что же для них лучше? И разве честнее было бы, если бы они целиком положились на мнение тех, кто за них уже все рассудил, не зная их жизни. Не все то лучше, что лучше. И разве он сам, живя среди русских, тоже за это время не стал больше русским цыганом, который теперь и наблюдает и судит жизнь своего народа со стороны? Что знает он об этой жизни, кроме того, что вынес из ранней поры своей молодости? Древнее племя со все еще детской душой и по-детски столь же беззащитной, сколь и суровой. Может быть, поэтому и внутри других народов ему так удается сохранить себя и оно почти нетронуто мчится сквозь все народы и времена, прикасаясь по дороге к разной жизни, но так и не успевая выбрать для себя ту, которая была бы лучше. А может быть, и само время все быстрее мчится вместе с ними, как цыган.

Свистит по сторонам ветер, а внутри все остается таким же нетронутым. Все с той же наивной полудикостью и с вечным страхом попасть в зависимость от других людей. А поэтому и нельзя задерживаться чересчур долго на одном месте. «Бэвш чаворо!» Щелкает кнут, свистит ветер. И взору того, кто, давно уже выпав из этой повозки, смотрит на нее со стороны, тоже ни за что не успеть заглянуть под ее шатер и что-нибудь рассмотреть.

Вот они собрались вместе, и им хорошо, а потом опять разъедутся, разбредутся по всем дорогам и опять будут как чужие друг другу.

* * *

Все меньше колебалось на дне оврага теней, и там, где догорел последний костер, скупо рдели угольки жара. Только одинокий транзистор все еще не хотел замолкать. И, вероятно, убаюканный его глуховатой странной музыкой и шорохом падавших на плащ-палатку капелек росы, Будулай опять не заметил, как он переступил за грань сна. Никогда еще в жизни ему не было так хорошо, как теперь, и даже от разговора с Тамилой уже не осталось следа. Трудно было так долго держать душу на замке, а теперь вдруг сразу стало совсем легко.

* * *

Как будто откуда-то совсем издалека, из-под какой-то неслыханно тяжелой толщи пробился к нему испуганный возглас Тамилы:

— Так уж вы убьете его!

И тогда уже до его слуха не так, как бывает во сне, а явственно донесся другой голос, отвечавший Тамиле прямо над головой у него:

— Нет, зачем же убивать. Он и без этого теперь забудет, как его зовут.

Голос другого адъютанта Тамилы подтвердил:

— Его ведь еще и на фронте контузить могло.

Тяжелый сон кончился, и на миг сознание Будулая, как сквозь щель, вырвалось наружу

Окончание. См. «Огонек» №№ 5—11.

из-под пелены забытья. Краем его же плащ-палатки, которую он подстилал под себя, когда его заставала в степи ночь, его накрыли эти дюжие молодцы Тамилы и деловито, сосредоточенно избивали, уже оглушенного чем-то во сне. Один держал его ноги, всем своим телом придавив их к земле, а другой бил по голове чем-то тяжелым. Но не острым, а плоским, тупым, может быть, одним из тех диких серых камней, которых всегда много валяется по степи. И тут впервые Будулай ощутил, как сквозь ту же щель невыносимая, никогда не испытанная им до этого боль ворвалась ему в голову, разрывая ее. Его содрогание, должно быть, передалось этим двум убийцам, потому что тут же они еще крепче прижали его к земле.

— Еще копошится,— с удивлением произнес у него над головой первый голос.

— Ты только песиком не бей,— с беспокойством предупредил тот, что держал Будулая за ноги.

— Ученого учить...

Они беззлобно переговаривались, добросовестно выполняя свою работу. Опять начала захлопываться эта щель, сквозь которую ворвалась боль. Будулай уже почти не чувствовал ее, когда снова услышал голос Тамилы:

— Скоро начнет рассветать.

В той стороне, откуда донесся ее голос, приглушенно бормотал невыключенный мотор машины. И ответивший Тамиле другой голос теперь тоже донесся до Будулая совсем издалека:

— Сейчас.

— Только ничего не брать.

— Я и не беру. Но и эти цацки ему с отбитой памятью теперь тоже совсем ни к чему.

Дальше Будулай уже ничего не услышал, потому что совсем захлопнулась щель. Но от прикосновения чужих холодных ладоней, по-хозяйски зашаривших у него на груди, она на мгновение разомкнулась еще раз. Режущая боль, хлынувшая в голову, опять разломила ее на части, и под чужими руками, обшаривающими его, что-то как будто ожило в нем. Как пружина напряглась. Еще нестерпимее боли было прикосновение этих рук, по-хозяйски шаривших у него на груди. До этого он всего один-единственный раз в своей жизни вот так же почувствовал у своего горла чужие руки, когда его вдруг подмял под себя тот немецкий ефрейтор под Будапештом, которого он хотел взять живьем, и ничего другого не оставалось, как зубами дотянуться до его горла.

Голос второго адъютанта Тамилы сказал у него в ногах:

— Вот теперь шабаш.

И тут же Будулай почувствовал, что ноги его стали свободны. Та пружина, которая ожила в нем, напряглась до отказа. И голова, несмотря на боль, разрывавшую ее, стала совсем ясной.

Все-таки он когда-то разведчиком был. Ему даже пришлось в фронтовой разведшколе всю специальную науку пройти, и потом она не однажды выручала его... Еще немного бы надо подождать, пока эта рука, обшаривающая его грудь, сама наткнется на его руку. Но опять начинает смыкаться эта совсем узкая щель, и, значит, уже нельзя больше ждать. Неуловимо вкрадчивым движением своей руки он вдруг встречно перехватил запястье чужой руки своими пальцами кузнеца и, сразу же поворачивая со спины на бок, заломил ее в локте так, что услышал хруст кости, заглушенный криком:

— А-а-а!!!

— Ты что? — испуганно спросил у первого адъютанта Тамилы ее второй адъютант и тут же сам по-страшному закричал от того удара ногами под живот, которому когда-то учили Будулая в разведшколе. Вслед за этим и тревожный голос Тамилы донесся от того места, где верещал мотор «Волги»:

— Рома, рома, бэш чаворо!

Вот когда и она вспомнила, как это называется по-цыгански. Теперь только нужно было встать и поскорее добраться до мотоцикла, пока они еще не пришли в себя. Волоча на себе плащ-палатку и качаясь на непослушных ногах, Будулай почти ощупью нашел мотоцикл и, перекидывая ногу в седло, нащупал рукой газ.

Умница мотоцикл не подвел его и на этот раз, завелся сразу. Резким рокотом его мотора огласилась тишина предрассветной степи.

Но света он пока не станет включать и поедет не к дороге, а в глубь степи, чтобы они не смогли догнать его на своей «Волге». Темнота столько же помогала ему, сколько и мешала, скрывая на бездорожье степи брустверы старых окопов и борозды свежей зяби. Перед зарей всегда особенно бывает темно в степи.

Глухо темнел и овраг, оставшийся у него за спиной. Давно дотлели и померкли последние угли костров, вокруг которых спали в своих повозках и прямо на земле крепчайшим предрассветным сном цыгане и цыганки.

* * *

Теперь у него оставался лишь единственный путь. Но перед этим ему нужно было отлежаться где-нибудь в стороне от больших дорог. Эти с усиками телохранители Тамилы так умело обработали своими чугунными кулаками его, что, когда он потом выбрался на шоссе, его мотоцикл сразу же завилял из стороны в сторону и первая же встречная машина испуганно шарахнулась от него в сторону.

И перед тем как ехать дальше, ему еще нужно было о многом подумать, а для этого уединиться в каком-нибудь старом сарае в степи или под скирдой. Ему было о чем подумать.

Там, в овраге, который теперь уже остался далеко за спиной, все как будто сразу перевернулось в нем. Какой-то переворот произошел, и он не только увидел себя со стороны, но и как будто от кого-то другого услышал свои же слова: «Все дети есть дети». И вот уже при вспышках этих все ярче разгоравшихся слов он судил себя своим же собственным судом и не находил для себя пощады за то самое, что когда-то бросила ему в лицо и Настя: «Это ты от самого себя бежишь».

Но от себя, как теперь вдруг с ослепительной яркостью увидел и понял он, невозможно было убежать. И от собственного суда не уйти. Как бы там ни оправдываться перед самим собой, неизбежно наступает момент, когда на пути должен появиться тот милиционер — твоя же совесть,— который, взяв под козырек, спросит: «А чем же ты все это время занимался, уважаемый цыган Будулай?» Конечно, все, что ты можешь в свое оправдание сказать, и прекрасно и даже благородно, но разве у всех других людей, пока ты занимался собой и своим одиночеством, ничего не случалось за это время, никакого горя? Не теряли они своих близких и не были тоже столь же одиноки или несчастливы в любви? И тем не менее никто из них не бросился бежать куда глаза глядят, не бросал своего дела. Потому что у каждого человека обязательно свое дело в жизни есть и никто другой не может исполнить за него того, что может исполнить только он сам. И чем же в таком случае ты лучше тех своих соплеменников, которые снова ринулись кочевать по степи? Разве только тем, что не приворовываешь по пути своего кочевья и не торгуешь модными поясами и галстуками, не обманываешь доверчивых людей. Но почему же, и не прибегая к обману, ты все-таки спешишь проскользнуть мимо своих соплеменников, боясь поднять на них глаза, а больше всего боясь встретиться с глазенками этих черноголовых подсолнушков, которые провожают взглядами твоего железного коня, свешиваясь через борта цыганских бричек? Уж не потому ли, что они все с тем же вопросом заглядывают тебе в душу, а ты, занятый своим одиночеством и самим собой, так и не можешь дать им того самого ответа, который они уже отчаялись получить от своих отцов и матерей: «Когда же придет всему этому конец и цыганские дети тоже начнут жить, как все остальные дети? Не будут больше и рождаться прямо в дороге на куче грязного тряпья; и мокнуть под дождем, проникающим сквозь лантухи цыганских бричек; и кувыркаться перед базарной толпой; и тянуть к костерку в угрюмой осенней степи иззябшие ручонки в чешуе цыпок...»

Не получая этого ответа от своих все еще полудиких отцов и матерей, они ждут его от таких цыган, как ты, Будулай, а ты проносишься мимо, не поднимая глаз. Но когда-нибудь тебе все же придется их поднять и дать тот ответ, которого этим несчастным цыганским детишкам пока еще не могут дать по своему невежеству их отцы и матери и который должны будут дать такие, Будулай, цыгане, как ты. Если только, конечно, для тебя болит не только своя боль. Если ты еще не считаешь, что со своими орденами теперь уже раз и навсегда вышел из цыган, как тот же ром-директор со своей Золотой Звездой, и тебе тоже никакого нет дела до них и до их детей.

Рано или поздно, тебе все равно придется поднять глаза, но время не ждет, а черноголовые подсолнушки, провожая тебя, все так же свешиваются через борта жалких кибиток, и будет лучше, если ты это сделаешь раньше. Все потому же, что никто другой не сможет сделать за человека того, что может сделать только он. Если такие цыгане, как ты, Будулай, сами не побеспокоятся о судьбе своей и своих детей, никто другой — ни русские, ни какие-нибудь иные люди не сделают это за них. Если сами же рома, и прежде всех такие рома, как ты, Будулай, не начнут своими же руками развязывать этот древний узел, эту петлю на горле у своего народа, то ни русские, ни какие-нибудь иные люди не развяжут ее за вас, а смогут только помочь вам это сделать, когда вы призовете их на помощь. Каждый в своей жизни обязан исполнить свой долг, но не каждому в жизни отмерена одна и та же мера долга. Если тебя, Будулай, твои соплеменники сегодня, может быть, послушают больше, чем других цыган, то ты поспеши к ним теперь же, не откладывая на завтра, когда это, может быть, уже будет поздно. Никто за тебя не сделает того, что только ты сможешь сделать для своих цыган.

Кончился его затянувшийся отпуск.

* * *

Уже за станицей Бессергеневской, после того как свернул Будулай с асфальта в Раздорскую степь, догнал он одинокую бричку. Какой-то цыган в желтой рубашке сидел на вожжах, а цыганка полулежала в бричке в окружении полдюжины своих детей, невидящим взглядом провожая уползающую под колеса ленту дороги. Но когда от мотоцикла Будулая, объезжавшего бричку стороной, шарахнулись лошади, цыганка, как подброшенная пружиной, вскочила на куче тряпья во весь рост и заголосила на всю степь. За рокотом мотоцикла слов ее нельзя было разобрать, но и без этого все было понятно Будулаю из ее более чем красноречивых жестов. И вдруг неожиданно для самого себя он нажал на педаль тормоза: так это ведь только одна-единственная цыганка из всех, кого он знал, и умеет так размахивать руками. Теперь можно было разобрать и ее слова:

— Чтоб тебя самого шарахнуло! Чтоб тебя об землю вдарило!! Чтоб тебя!..

Полдюжины ее ребятишек присоединили к ее голосу свои звонкие голоса.

И только у одного из всех цыган, каких знал Будулай, мог быть на вишневом кнутовище такой длинный кнут, который теперь свивался сразу в несколько колец, когда он, поддерживая свою подругу, угрожающе защелкал им над головой.

— Чтоб тебя! — Соскакивая с брички, цыганка бросилась к мотоциклу Будулая и остановилась: — Это ты, Будулай?

— Я, Шелоро,— улыбаясь, подтвердил Будулай.

— А я уже думала, что это кто-то другой чуть нас с детишками не подавил.— И Шелоро, истинная цыганка, тут же как ни в чем не бывало сменила гнев на милость. Будто кто-то мгновенно сменил пластинку, только что оглашавшую степь яростным визгом, на другую.— Егор, Егор! — уже кричала она, оглядываясь.— Это Будулай.

Но Егор, съехав на обочину, и сам уже соскочил с брички, улыбаясь Будулаю. В искренности его радости, вызванной их новой встречей, тоже не приходилось сомневаться.

— Вот и опять здравствуй, Будулай,— повторял он, преданно заглядывая ему в глаза, дергая одной рукой за борт пиджака, а другой закладывая свой кнут за голенище.

— А рубашечку мою, значит, тоже не гребуешь надевать. Я еще и в овраге заметила,— радовалась Шелоро.— Кыш, кыш! — крикнула она на детишек, облепивших мотоцикл Будулая, и они воробьиной стайкой вспыхнули прочь.

— Да, это конь,— без малейшей зависти похвалил Егор, лаская ладонью крыло мотоцикла.

— А у вас, я вижу, тоже завелся новый одр,— сказал Будулай, указывая глазами на невыпряженных лошадей, пощипывающих скудную осеннюю траву у дороги.

Запнувшегося с ответом Егора опередила Шелоро, опасливо порхнув куда-то за Дон своими черно-мохнатыми глазами и потом, честно округлив их, встречаясь со взглядом Будулая:

— Нет, того, что ты думаешь, Будулай, не было. За этого нового коня Егор в колхозе сарай сложил. Вот тебе крест.

И она так истово перекрестила рукой свою запыленную, грязную думалы, что Будулаю тоже захотелось поверить ей.

— Теперь вам можно не бояться в дороге.

Но у Егора все лицо вдруг сморщилось, и рыжий кустик усов задрожал на губе.

— Э, да теперь уже все равно.— Вытянув из-за голенища кнут, он взбил им на дороге столбик пыли.

Шелоро добавила:

— Люди дюже скупые стали. Какие гроши с собой были, все уже вышли, а их вон сколько...— И она вновь прикрикнула на своих цыганят, облепивших мотоцикл Будулая: — Кыш, кыш, вот я вам покручу!

Будулай спросил:

— Куда же вы теперь?

— Уже по ночам холодно в степи, Будулай,— жалобно ответила Шелоро,— а когда начнутся дожди, еще хуже будет. И ночевать с такой оравой никто не будет пускать.— Она оглянулась на детей и тут же, спохватившись, добавила: — Нет, и этого ты не подумай, будто мы с конезавода уже съехали насовсем. От добра добра не ищут, а с нашим генералом Стрепетовым еще и цыгане могут жить. И Егорке с Машей уже скоро два месяца как надо было в школу ходить.— Она не удержалась от тщеславного сообщения: — У меня для них уже и формочки есть. А пока мы тут в совхоз под Раздорами к одному знакомому конюху едем. Если бы ты тогда, Будулай, не отказал нам коней поменять,— она смягчила эти слова виноватой улыбкой,— то мы бы и теперь...— Но в эту минуту Егор стал постукивать кнутовищем по голенищу сапога, и она догадливо скомкала, поворачивая разговор в другое русло: — Ох и скрытный ты, Будулай! Я ведь и правда тогда не знала, что у тебя есть сын. Ты не к нему теперь едешь?

Теперь уже Будулаю нечего было скрывать:

— И к нему.

— Вот и хорошо,— искренне одобрила Шелоро.— А хорошо ты тогда этой Тамилке перья пощипал. Она тебя долго будет помнить.

Тут Егор, понуро чертивший кнутом какие-то узоры на сером бархате дорожной пыли, поднял голову, с тревогой взглядывая на Будулая.

— Как, по-твоему, Будулай, примет нас обратно генерал Стрепетов на конезавод или нет?

Будулай хотел было ответить, что и он с конезавода уехал уже давно, но его ведь и не об этом спрашивал Егор. Нельзя было и обнадеживать людей, чтобы они, послушав его, не забились напрасно с такой кучей детишек в глухую табунную степь. Но тут же вспомнил он и свою последнюю встречу с генералом и то, как тот на свадьбе Насти слушал песню, совсем не замечая своих слез.

— Должен принять. Только сперва вам нужно будет к Насте сходить.

Шелоро бурно обрадовалась его словам:

— Слыхал, Егор, я тебе тоже говорила, что это она только снаружи, как железная, а детей она любит, и генерал ее из всех наших цыган уважает. Спасибо тебе, Будулай. Надо, Егор, подаваться домой.

Заметно повеселел и Егор, опять затыкая кнут за голенище сапога.

— А ты уже на конезавод не вернешься, Будулай?

Надо было отвечать и на этот вопрос:

— Это зависит не только от меня.

— Конечно,— деликатно согласилась Шелоро.— На месте тебе все виднее будет.

И еще долго, отъехав от них, оглядываясь, видел он, как машут они ему руками с брички, а Егор, стоя во весь рост на передке, как бывало стоял он на седле лошади, совершая круг почета после скачек, умудрялся и лошадьми править, зажав вожжи в одной руке, и, подбрасывая картуз другой рукой, ловить его на лету. Как будто какая-то птица кружилась над их бричкой. И розовое пятно кофты Шелоро еще долго сквозило между придорожными лесополосами, пока не померкло в тумане.

* * *

В тот переломный час между днем и вечером, когда задонские вербы уже скрадывались зеленой мутью, но еще не улеглось за буграми солнце, вытягивалась из хутора Вербного в степь колонна военных машин; и под брезентовыми навесами, из-под которых выглядывали дочерна загоревшие за это время лица курсантов, и зачехленных радаров, и амфибий, расписанных под водоросли, под серебро речного песка и желтые блики солнца.

Все хуторские женщины повисли на кольях заборов и, поворачивая вслед движению колонны головы, провожали ее, как на фронт. И почти так же кто украдкой смаргивал слезы, а кто и в открытую, ничего не стыдясь, закатывался в безутешном плаче. Катька Аэропорт долго неотступно бежала рядом с военной рацией, за рулем которой сидел ее рыжеволосый сержант, пока машина, взревев, не набрала скорость.

Кончились военные полевые занятия, и пришло для курсантов время с обжитых хуторских квартир переезжать в казенные казармы, в город. И когда последний, замыкающий колонну вездеход мелькнул и скрылся за глиняной кручей, в хуторе сразу стало так тихо, как будто и в самом деле все ушли на фронт.

На задворках этого события как-то незамеченно проскользнула смерть бабки Лущилихи. Правда, обмениваясь у водопроводной колонки этой новостью, женщины с единодушием пришли к заключению, что могла бы она и еще пожить: еще крепкая старуха была, набузует мешок кукурузы и волокет на горбу из степи в хутор. Еще бы пожила, если бы за это время ей дважды не довелось пережить испуг. Сперва от какой-то цыганки, которая гонялась за ней по всему кукурузному полю, а вскоре и от другой еще большей страсти, когда Лущилиха по обыкновению грелась перед вечером на солнышке у себя на лавочке по-над садом, и прямо перед ней из забурлившего Дона вдруг всплыла громадных размеров зеленая черепаха, из-под панциря которой одна за другой показались три круглые, как арбузы, головы. Соседка Семеновна видела, как Лущилиха на карачках добралась из-под яра до дома, влезла на кровать и потом уже не встала. Хрипела, что нету ей дыху. К утру у нее начали синеть ногти на руках, а из выпученных глаз безостановочно катились по щекам мутные слезы. Поворачивая желтые белки глаз к Семеновне, она силилась что-то сказать, но как та ни приникала ухом к ее губам, разобрать она смогла лишь одно слово:

— Ва-аню.

Все дети у Лущилихи жили где-то далеко и отношения со своей матерью возобновляли обычно только к осени, когда у нее в бочках начинало играть молодое виноградное вино. Но Вани среди детей у нее не было, это Семеновна знала твердо. Единственного сына Лущилихи, который летось умер в городе от падучей болезни, звали Алексеем.

И еще соседка увидела, как все время дергались у Лущилихи руки, ссовываясь по одеялу с кровати, а глаза поворачивались все в одну и ту же сторону, где стоял ее обитый полосовым железом сундук. Но тут же Семеновна и отшатнулась, увидев, как желтые белки у старухи начинают закатываться под брови и такая же запузырилась у нее в уголках обескровленных губ желтая пена.

* * *

Ни могилы теперь не было на окраине кукурузного, уже убранного комбайнами поля, ни рассмотреть что-нибудь внизу под склоном горы нельзя было сквозь эту сумеречную сиреневую мглу, которая уже заклубилась по всем балкам от Дона в степь. В порожней, ничем не нарушаемой тишине только и слышал Будулай удары своего сердца.

Но вот по этому беззвучию, по гулкой земле ему передалась какая-то дрожь. Как будто где-то вырвалась из запруды вода и теперь катилась по степи валом. И чем ближе накатывался он, тем больше стал дробиться, превращаясь в разрозненный топот. Вскоре Будулай увидел и ушастые головы лошадей, скользившие над степью в оранжевом облаке взбитой ими пыли.

Ах, каким знакомым вдруг может показаться силуэт этой длинной морды с чуткими ушами, плывущей над степью выше всего табуна. Но еще прежде чем Будулай увидел ее, до слуха его донеслись голоса сопровождавших табун людей: мужской и женский. Слова их ему не были слышны, как не видны были и сами люди, пока вдруг они не вынырнули прямо перед его взором из лощинки, озаряемые со спины заревом заката.

— А правда по хутору брешут, будто у тебя с этим полковником намечается кое-что? Да ты не таись, а так прямо и скажи, я тебе не Катька Аэропорт, и стыдиться тебе нечего, детей ты уже на ноги подняла. Ваня уже, считай, отрезанный кусок, да и Нюрке в невестах недолго сидеть. Пора тебе и самой подумать, как без них лучше прожить.

— Не все, дедушка Муравель, лучше, что лучше.

— Только ты тогда не забудь меня на свою свадьбу позвать. Я на свадьбах давно не гулял, а на твоей очень даже не прочь. Несмотря на протез, буду плясать. Смотри, Клавка, не забудь.

— Не забуду. Но сперва, дедушка Муравель, мне еще нужно дожить до своей свадьбы. А ты как, Громушка, считаешь, доживем мы когда-нибудь до нее или нет? Если ты сейчас ответишь мне, у меня, может быть, и еще что-нибудь найдется для тебя...

— Я к тебе, Клавдия, по-серьезному, а ты обратно за свое. Ты мне за это время совсем испортила жеребца. А потом, когда на легковой военной машине завеешься в город, мне, значит, надо будет для него каждый день по кило сахару покупать, да? И как ты его не задабривай, он тебе все равно не ответит, это ты себе сама должна отвечать. Я бы на твоем месте и думать не стал, полковники у нас под яром не валяются. Не до смерти же тебе горько-соленой вдовой доживать.

— Ничего вы не знаете, дедушка Муравель.

* * *

До чего же иногда похожи бывают лошади! Но и такого совпадения не может быть. А что, если...

И, заложив два пальца в рот, Будулай лишь слегка, почти неслышно свистнул, как всегда это делал на конезаводе, когда ему нужно было вызвать из табуна Грома. И тут же сам с головы до ног затрепетал, как струна, явственно услышав восклицание:

— Гром, ты куда?

Другой, грозный голос закричал:

— Эй, Гром, не балуй! Ну-ка назад!

Отделившийся от табуна Гром кособоко нес Клавдию через скошенное кукурузное поле к лесополосе, и ей не под силу было удержать этого полуобъезженного коня, повинующегося властному, только им услышанному зову. Напрасно она уговаривала его, цепляясь за гриву руками:

— Ну куда же ты, Громушка, куда?

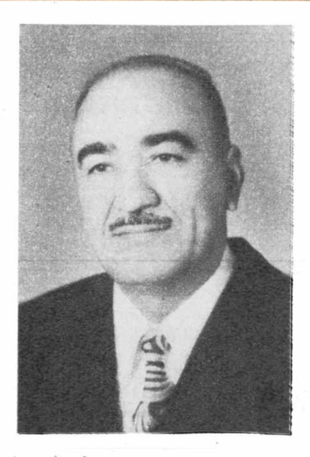
* * *

А Будулай до этого уже совсем почти согласился поверить, что так и не бывает на земле счастья и люди только бесполезно гоняются за ним всю жизнь. И это Гром нес ее к нему, все больше вырастая на закатном небе, в то время как она протестующе спрашивала у него:

— Куда же ты меня несешь, Гром? Да что с тобой?!

И все-таки Клавдии удалось справиться с ним и отвернуть его опять к табуну всего в двадцати шагах от Будулая. Но и не мог же Будулай теперь с этим согласиться, когда то, к чему он с такой силой стремился, было уже от него совсем близко. Ему оставалось только

Салех Махди АММАШ
(Ирак)

Москва

Когда покидают звезды
светлое небо народов,
и кромешная горькая тьма
подступает к сердцам,
и ложатся на лица рубцами
морщины великой усталости,
и дорога потеряна,
ты, Москва,
вновь выводишь народы из тьмы.

Миллионы идут за тобой.
Их оружье — могучий кулак.
Берегитесь, тираны!
Миллионы идут.
На губах, как пароль,
имя Ленина —
имя вождя.

Ты столица весны!
Чудо в скромных одеждах
над медлительной ширью реки!
Твоя вещая речь
мне открыла великую даль.
Зашагаю вперед.
По шипам, по шипам.
Но с пути не сверну.
Я дойду.
Я пройду городами,
я отдам им твой свет,
а с собой их надежды возьму...
Ты со мной,
ты со мной, Вечный город,
перебивший фашизму хребет,
негасимый маяк,
выпрямляющий спины рабов,
вновь поднявшихся на борьбу.
Ты свети им,
свети,
о столица весны,
город мудрых и сильных
людей,
у Кремлевской стены
я тебе говорю
благодарно:
спасибо за все!

Песня любви

Моя душа — сплошная рана.
Бессонная влюбленная душа,
откуда боль не вытравит
твой образ.
Мое терпение сродни
терпению младенца.
Я отшвырнул свирель,
я звуки лютни
погасил взволнованной ладонью
и песню запер в глотке навсегда.
Любимая,
так кто же ты, ответь:
звезда моей судьбы
или палач?
Молчишь...

Мне кубок протянула жизнь.
Я не коснусь вина.
Я буду пить
из родника разлуки
горечь.
Любимая!
Мир дважды сотворен.
Один раз — без тебя.
Он темен был и хил.
Тогда из ветра и лучей
тебя, прекрасная,
создали на рассвете.
И вот на твой огонь
летит моя душа
и в пламя
крылья погружает.
На струны лютни
падает слеза,
и те поют
мелодию любви.

Перевел с арабского
Георгий АШКИНАДЗЕ.

навстречу шагнуть и окликнуть ее. И он уже поднял руку, чтобы сделать это, но не смог. Ноги у него вдруг стали так тяжелы, как никогда еще в жизни, а горло как будто сдавило обручем. Странная и страшная немота вдруг овладела им. Ни руки, ни ноги, ни голос не повиновались ему. Его счастье проносилось мимо него, а у него не осталось сил, чтобы протянуть руку и взять его. Только дробное эхо конских копыт, удаляясь по насухо затвердевшей дороге, замирало внизу под склоном.

Но разве не бывает и так: после неслыханно трудного подъема взойдет наконец на желанную крутизну человек и ляжет. В самый последний момент уже не хватит у него сил даже для того, чтобы, оглянувшись, ощутить всю высоту своего счастья.

* * *

Еще не рассвело, а лишь начал угадываться за Доном лес, когда из осеннего густого тумана, из степи вырвалась перед хутором на развилок дорог одинокая бричка. Лошади так и забушевали в постромках, когда ездовой заломил им головы вожжами. По дну брички шарахнулись от борта к борту смуглые головки спящих детишек.

Мать, испуганно пересчитывая их, набросилась на ездового:

— Ты что, коней не можешь удержать?!

— Сама бы попробовала. Кабы она хоть немного привыкла ко мне,— огрызнулся он, озираясь.

— Куда ты хочешь повертать, Егор? — с беспокойством спросила она, когда он потянул было за левую вожжу.— А как они наперерез?

Но когда он потянул за правую вожжу, она испугалась еще больше:

— Нет, туда нельзя.

— Ты у меня погавкаешь.— И, оборачиваясь, он щелкнул у нее над головой кнутом так, что она взвизгнула, закрывая собой детей.

Казалось, только этого и не хватало ему, чтобы прибавить решимости, он потянул за левую вожжу. Но едва только лошади стали повиноваться ему, как он тут же круто осадил их.

— Тут что-то лежит.

— Это что же еще тут может лежать?..— начала она, но он оборвал ее:

— Молчи.— И, пошевелив кнутовищем что-то у колеса брички, он тут же отдернул кнут.— Надо, Шелоро, поскорей отсюда. Тут нехорошим пахнет.

И он опять уже занес над лошадьми кнут, если бы не женское любопытство ее:

— А вдруг как это с машины потеряли мешок?

— Как же, потеряют...

Но она уже перекинула ногу через борт брички.

— Дай-ка мне твой фонарик.— Круглое желтое пятно, вспыхнув у нее в руке, прошмыгнуло по дороге, и теперь Шелоро вдруг сама шарахнулась прочь от того места.

— Это человек лежит.

— А я что сказал?! Это тебе не за краденую кобылу отвечать. А ну-ка, скорей в бричку.

— А может, и какой-то пьяный до дома не дошел.

Всхрапывающие лошади рвали из рук Егора вожжи. Но женское любопытство снова одержало верх. Пятнышко света еще раз вспыхнуло у колеса брички, и тут же своим возгласом Шелоро как бы погасила его:

— Это он!

— Кто?

— Будулай!

Егор громко возмутился.

— С чего бы это Будулаю пьяному поперек дороги лежать?!

— Нет, он, Егор, не пьяный, он, должно быть, с седла упал, когда к сыну спешил.— Она всхлипнула.— Проклятые деточки!

— Тогда тут и мотоцикл должен быть.

— Вот он.— И неизвестно было, чему вдруг так обрадовалась она, когда на дороге опять засветилось пятно.— И рубашка на нем моя. Живой он.

— Из-за него нас теперь в два счета могут догнать.

— Но и не бросать же нам его тут в степи.— Она уже взяла команду в свои руки.— Ты бери его за плечи, а я — за ноги. А на конезаводе мы его Насте сдадим. Она и его сыну отпишет.

— А мотоцикл, значит, бросим?

— Нет, ты поедешь на нем, а мне дай вожжи.

— Тебе их не удержать.

— Не первый раз. Только ты следом поезжай.

Все так же беспробудно спали их дети, безвольно болтая головками, когда отец и мать перекатывали их, высвобождая место в бричке. И вот уже мотор мотоцикла застрекотал в безмолвной степи.

Лошади опять метнулись в постромках.

— Я вам побунтую.— Кнут Шелоро заходил по их спинам.— Какая же, Егор, она краденая, если ты взамен свою оставил?

— Ты ей получше голову крути, а то еще не хватает, чтобы заиграла она.

— Я ей заиграю!

И тут же, будто наперекор этим словам, гнедая кобыла, шедшая в упряжке справа, огласила степь своим ржанием. Качнувшись вперед, Шелоро стегнула лошадь кнутом между ушей, и рыдающий звук застрял у нее в горле. Совсем коротко, слабо продрожал и замер.

Но оказалось, что все-таки он услышан был. Из-под горы, где заревал в конюшне табун, донесся по предутреннему воздуху другой, точно такой же звук, только более грубый. Как будто где-то ветер зацепился за басовую струну, и она прорыдала над степью.

Не часто теперь можно услышать это рыдание в степи.

ТАЛАНТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Мы встретились с Кайыргуль Сартбаевой накануне спектакля в Кремлевском Дворце съездов. Два больших события в жизни замечательной киргизской певицы произошли одновременно: приглашение участвовать в спектакле Большого театра «Фауст», где она пела партию Маргариты, и присуждение ей высокого звания народной артистки республики. Я попросила Кайыргуль рассказать, как она пришла на профессиональную сцену.

— Вместе с сестрами воспитывалась я в детском доме,— начала актриса свой рассказ.— Родители погибли, когда мне было два года. Сначала всех нас устроили в детдом, находившийся в селе, где мы жили, а позже, когда сестры подросли и поступили в институт, меня перевели в интернат для девочек во Фрунзе.

Мне всегда очень нравилось петь. Я слушала песни, которые звучали вокруг меня, и пыталась их повторить, но о том, чтобы стать певицей, никогда и не думала. Все три мои сестры окончили педагогический институт, сейчас они работают в Киргизии. В школе мне хотелось быть биологом. О том, чтобы учиться где-то за пределами своей республики, я и не мечтала. Ведь я окончила киргизскую школу и русским языком владела слабо.

Той весной во Фрунзе состоялся праздник песни, конечно, я участвовала, была запевалой в хоре. К нам съехалось отовсюду много приглашенных. Гости из Московской консерватории услышали меня и посоветовали к ним поступать...

Я окончила школу и на пятерки сдала экзамены на биофак. Но все-таки решила съездить в столицу, хотя серьезно об учебе там не думала: просто очень тянула сама Москва,— она казалась мне городом мечты, сказки... Подруги из интерната провожали меня и немного завидовали, ведь мне предстояло увидеть замечательный город.

Кайыргуль улыбается, вспоминая, какой была она забавной. В консерваторию пришла девочка в национальной одежде. У нее было много-много косичек. Под аккомпанемент рояля она петь не умела — музыка только мешала ей. Ноты она не видела никогда в жизни, даже не знала, что существует нотная грамота, а русский язык был для нее, как иностранный. Сейчас трудно себе представить, что эта певица, в репертуаре которой более тридцати трудных оперных партий, начинала, как говорится, с нуля. В восемнадцать лет у нее был только талант. Но талант был прежде всего. Девушку предупредили, что работать ей придется очень много.

— Помню, как, готовясь к экзаменам, я читала учебники с русско-киргизским словарем,— продолжает Кайыргуль.— Старалась очень и сдавала на пятерки. Мне повезло с педагогом — со мной занималась Виктория Федоровна Рождественская. Она и сейчас, когда я выступаю в Москве, приходит слушать меня, помогает советами.

Вот уже три года Кайыргуль Сартбаеву приглашают в Большой театр петь партию мадам Баттерфляй в опере «Чио-Чио-Сан». Это одна из любимых сценических ее героинь.

— Когда работаешь над новым образом,— говорит певица,— всегда стараешься понять и полюбить героиню. Но, конечно, среди них есть наиболее близкие мне по характеру. Это Татьяна из «Евгения Онегина» и мадам Баттерфляй. Мне кажется, что эти две женщины очень похожи: в них ощущается огромная сила чувства. Пусть Баттерфляй погибает, а Татьяна остается без надежды на личное счастье, та и другая — личности. Они не могут поступиться своими убеждениями. Их сила в цельности, поэтому они могут или оставаться такими, какими создала их жизнь, или погибнуть, для них ни в чем не может быть середины.

Когда я пою эти партии, то готовлюсь к ним заранее, за несколько дней, даже если что-то делаю в это время в театре, или в институте искусств, где я преподаю вокал, или занята общественной работой...

После спектакля должно пройти несколько дней, чтобы восстановились силы,— ведь я вложила в исполнение все свои духовные и физические возможности.

Так работать, конечно, трудно. Но только при этом люди, сидящие в зрительном зале, поверят, что перед ними настоящая героиня, с которой они будут рады встретиться...

Последние слова народной артистки Киргизской ССР Кайыргуль Сартбаевой подтверждаются спектаклем.

Затаив дыхание, люди следят за трагической судьбой доверчивой и любящей героини, о которой им с такой искренностью и таким великолепным вокальным мастерством поведала певица.

Т. ЛОТИС

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Ю. ЛУШИН

Он стоял в спокойной позе хорошо поработавшего человека и смотрел куда-то в прозрачную осеннюю даль. Позади него расстилались опустевшие, сжатые поля, но напряжение труда, недавно кипевшего на этих полях, еще не успело сойти с его лица. Таким впервые увидел я председателя колхоза имени Ленина, Калужской области, Владимира Андреевича Шкилева на портрете известного советского живописца В. Г. Цыплакова. Портрет написан просто, но вместе с тем сильно, глубоко и достоверно. На выставке он помещен рядом с очень известной картиной В. Г. Цыплакова «В. И. Ленин», и это соседство кажется мне символичным. Там — крестьяне, окружившие вождя, готовятся сделать первые шаги в новую жизнь. В их лицах такая решимость, готовность отдать все силы для этого, что видишь: они обязательно построят новую жизнь. И вот изображен наш современник, молодой хозяин земли, потомок тех крестьян, по возрасту, возможно, их внук или даже правнук.

«Какое энергичное, волевое, интересное лицо!» — подумал я, вглядываясь в картину. И мне вдруг захотелось узнать о нем побольше. Я позвонил художнику, но тот, к сожалению, был болен.

И я отправился в Калужскую область, Угодско-Заводский район, в колхоз имени Ленина.

Стояла та переходная пора от зимы к весне, когда просыпается жизнь в деревьях, по дорогам бегут ручьи и где-нибудь на солнцепеке пахнет оттаявшей землей. Мы стояли со Шкилевым на пригорке, с которого открывался великолепный обзор, и он неторопливо говорил:

— Тут, где мы с вами стоим, будет новая центральная усадьба колхоза: асфальт, двухэтажные жилые дома с газом и центральным отоплением. Кстати, первый дом уже заселяется, можно зайти посмотреть...

«Шкилев — председатель современный, — вспомнил я слова Олега Федоровича Пластинина, первого секретаря райкома партии. — Достигнутым всегда недоволен, любит в завтра заглянуть...»

Все, что я видел в колхозе, все, что узнал о Шкилеве, подтверждало это. Сын крестьянина, он знал и любил землю, хотя не предполагал, что станет председателем колхоза. В Тимирязевской академии он окончил экономический факультет, а сейчас поступил в заочную аспирантуру. Шкилев специализировался по крупным птицефабрикам, но в колхозе имени Ленина, куда его направили по распределению работать экономистом, уклон был другой — молочное животноводство. Молодой экономист как-то сразу вник в колхозные дела, стал, как говорится, своим. А уже через год его на общем собрании выбрали председателем, и больше всех, пожалуй, удивлялся этому он сам. Было ему тогда 27 лет.

Как будто нарочно первое председательское лето выдалось тяжелым. Навалились сплошные дожди, поля превратились в хлябь, комбайны по ним тащили двойной тягой. Одновременно нужно было вести уборку зерна и картофеля, заготовку кормов. Председатель с рассвета до зари мотался по полям. Наверное, в то первое лето он окончательно утвердился в мысли, что колхозу просто необходимы дороги с твердым покрытием. Машины постоянно ломались, их ремонтировали, но, пройдя по разбитым вдрызг дорогам, они ломались снова.

«Нужны бетонные дороги не только от села к селу, но и к полям и даже от поля к полю», — убеждал председатель колхозников.

«Зря потратим деньги», — возражали ему.

«Мы на ремонте больше теряем, — доказывал он, — а затраты на строительство дорог обязательно оправдаются».

И подтвердил экономическими расчетами свой замысел. Но приступить к его выполнению смог только через несколько лет, когда колхоз окреп и стал получать миллионные доходы (кстати, первым в районе).

— Самое трудное, — говорил Шкилев, — сломать устоявшуюся психологию. Здесь никто и никогда не растил сады. Что же, значит, и не сажать их? А мы вот взяли и разбили огромный сад, который теперь и доход неплохой приносит и радость людям. Знаете, каким восторгом душу окатывает, когда начинается цветение! Все это для людей...

Шкилев сказал «мы», но от других я уже знал, что заложить сад предложил он, сам выбирал для него место, и это было первым его вкладом в достижения колхоза.

...Все для людей, и тут мелочей нет — это его кредо. Я уверен, что без этого колхоз не достиг бы своих нынешних успехов, не поднял бы урожайность без малого вдвое, а надои — почти до четырех тысяч килограммов от коровы. Мне кажется, я понял, в чем тут суть: Шкилев — человек не только сильный, он — неравнодушный. Перед отъездом я спросил его:

— Владимир Андреевич, что нужно в идеале, чтобы быть председателем?

— Любовь к земле, — коротко ответил он. — В первую очередь это.

В. Цыплаков. ПОРТРЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ В. А. ШКИЛЕВА.

Выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

Г. Нисский. ПЕРЕД МОСКВОЙ.

Государственная Третьяковская галерея.
Выставка произведений действительных членов
и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

Выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

У КАЖДОГО — СВОЯ ВЫСОТА

В очерке «Дороги в поднебесье» Л. Плешакова («Огонек» № 37, 1973 г.) тепло и взволнованно говорится о Н. В. Никитине, знаменитом проектировщике и строителе многих современных высотных сооружений.

Но особая ценность очерка в том, что он заставляет думать не только о самом Никитине, но и о пути в науку других изобретателей, людей почти всех специальностей. Приходишь к выводу, что у каждого человека, у каждого трудящегося, будь то ученый, инженер, строитель, писатель, животновод или слесарь, есть своя высота. Ведь мы так и говорим: «Добился высоких показателей», — а это значит, что в труде или учебе достигнута эта самая «своя высота». В этом большое воспитательное значение статьи, особенно для молодежи.

Сам я преподаватель, заведующий кафедрой физики, постоянно связан с молодежью, со студентами. И могу сказать со всей определенностью — у молодежи статья нашла огромный отклик.

Сейчас преподаватели кафедры решили провести беседы со студентами на тему «У каждого — своя высота». Каждый студент пусть попробует запланировать «свою высоту» и проявить для достижения цели наибольшее трудолюбие, как это делал Никитин.

Поднят «Огоньком» и еще один вопрос о том, чтобы Останкинской башне присвоить имя Никитина.

Это предложение поддерживают многие, с кем мне пришлось беседовать, и лично я горячо поддерживаю и предлагаю такое название: «Останкинская телевизионная башня имени Никитина», а не просто по аналогии с Эйфелевой башней — «Никитинская башня» или «Башня Никитина». Кроме этого, хочется предложить, чтобы на выдающихся сооружениях, построенных по проектам Н. В. Никитина, были бы установлены мемориальные доски.

П. Н. КАРНИЦКИЙ,
заведующий кафедрой физики Рязанского сельскохозяйственного института, кандидат педагогических наук

* * *

Меня очень взволновал очерк «Дороги в поднебесье». Мы с ребятами обсуждали его и вполне согласны с «Огоньком». Почему в нашей стране мало знают автора такого уникального сооружения, как Останкинская башня? И почему она все-таки называется Останкинской?

Действительно, нельзя забывать таких людей, как Николай Васильевич Никитин. Лично я преклоняюсь перед талантом этого гениального человека.

А как остальные проекты Никитина?

Почему, например, продолжают строить дома на 80—100 семей, в то время как существуют проекты высотных зданий Никитина? Ведь Николай Васильевич Никитин сказал: «Все мои проекты реалистичны. Их можно воплотить в железобетон хоть сейчас».

Ю. ВЕТАШЕВ,
штурман рыболовного флота

Таллин.

С БЛАГОДАРНОСТЬЮ И УВАЖЕНИЕМ

В 42-м номере вашего журнала за прошлый год я прочла статью Б. Смирнова «У белой черты» — о работе капитана Сатина. Но капитан Сатин не единственный из великой армии «гаишников», о котором хочется сказать много теплых и благодарных слов. В любую погоду — в стужу и в зной, в дождь и в пургу — стоят наши строгие стражи на своих постах и несут нелегкую службу: они настоящие хозяева дорог и наши добрые друзья.

Но было время, когда я боялась их. Помню свои «первые шаги» на резиновых скатах по улицам Москвы. В то время еще московские улицы были для меня не очень понятным лабиринтом. Я часто путалась в них, попадала не туда, куда мне надо. Всеми силами я старалась не попадаться на глаза строгим, подтянутым людям с синими погонами. Когда я предъявляла документы, у меня замирало сердце: вдруг придерется к чему-нибудь?

Очень мне запомнился один из моих рейсов. В то время я работала на «ГАЗ-69» и держала курс на Ереван.

Был небольшой морозец, и ветер кружил снежинки. Я чувствовала, как у каждого поста ГАИ за мной следят зоркие глаза. Порой меня останавливали и справлялись о состоянии машины и о моем самочувствии, интересовались, где я намерена отдыхать. Документы никто не требовал. От этой простой человеческой заботы становилось тепло на душе. Я не заметила, как усилился ветер и началась метель. В Чугуеве меня остановили. Времени было 24 часа. Сначала посмеялись над моим видом, назвав снегурочкой, а потом потребовали, чтобы я отправлялась в гостиницу отдыхать. Только мне спать вовсе не хотелось. Любопытство и нетерпение гнали меня вперед — ведь это был мой первый зимний рейс. Нелегко было убедить инспекторов, что мне необходимо ехать дальше в эту метельную ночь. В конце концов меня все же отпустили, предупредив о трудной дороге и посоветовав в случае чего обращаться на любой пост ГАИ. Вскоре я поняла, что не зря меня отпускали с такой неохотой. Сердитый ветер швырял снег в лобовое стекло, сбивал в кучи снежинки и кружил их в бешеной карусели в свете фар, забираясь в кабину через мелкие щели. Вокруг все превратилось в белую движущуюся массу, небо смешалось с землей. Моя машина медленно, но упорно ползла по спрессованному ветром снегу. Кругом ни души, ни огонька, даже машин не видно. Только сквозь белую завесу тепло светились окошки на постах ГАИ. Кто знает, окажись я один на один с этой разбушевавшейся стихией, возможно, и почувствовала бы страх. Но я знала, что я не одна, за мной следят и готовы прийти на помощь в любую минуту.

Ранним утром мороз заковал мою машину в ледяной панцирь, потом выглянуло солнце и начало своими не по-зимнему теплыми лучами вгрызаться в спрессованные сугробы, появился мокрый асфальт, потекли ручейки. В Краснодаре от снега не осталось и следа. Вечером в полной темноте и под проливным дождем я въехала в Новороссийск. Тут я почувствовала, как сильно хочу спать. Спальный мешок у меня всегда с собой. Хотела тут же у бензоколонки ложиться спать прямо в машине, как я это всегда делаю, но из милицейского «Москвича», стоящего в сторонке, выходит инспектор ГАИ, берет под козырек и спокойно так говорит: «Следуйте за мной». Зная, что я ничего не натворила, это приглашение меня немного удивило. Спросила: «Что случилось?» А он так же спокойно: «Пора отдыхать!»

Да разве можно не вспомнить с благодарностью и уважением этих людей такой трудной и опасной профессии?!

Водитель **Я. ШИШОВА**

Москва.

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

Я член товарищеского суда и знаю, что многих беспокоит положение, когда при нехватке рабочих рук в стране есть работоспособные лодыри, не желающие выполнять свой гражданский долг — работать. Вот о таких тунеядцах и говорит прокурор РСФСР Б. В. Кравцов в интервью «Человек — обществу, общество — человеку» («Огонек» № 50, 1973 г.).

За два года работы товарищеского суда в нашем доме, где живет 208 семей, мы рассмотрели 5 заявлений. Во всех случаях причиной заявлений было пьянство, а как следствие хулиганские дела, было одно дело о тунеядстве — уволился человек с работы, вернее, ушел, не оформив увольнения, и долго не поступал на другое место. Смотрела я трудовую книжку этого мужчины, она так плотно заполнена, что скоро уже некуда будет писать его «перелеты». И кем он только не работал: монтером, сантехником, сверловщиком, разнорабочим... Больше года нигде не задерживался, а было и всего несколько месяцев. Причины любые, но не материальные. На ряде заводов он перевыполнял план, производительность труда достигала 200 и более процентов. Я спросила, мол, наверное, неинтересно работать сверловщиком — все одно и то же. Он ответил, что работа ему нравилась, но все же ушел. Сидит вот такой, ему нет и пятидесяти, еще работать да работать, а он выше всего ставит выпивку... Выпил — прогулял раз, другой. Начальство недовольно, товарищей стыдно, и... уволился.

Вот скоро еще будем заседать — рассматривать заявление на моего соседа. Он отличный сварщик. Когда не пьет, работает, не считаясь со временем, но если запил — все.

Судья у нас очень требовательный, бывший политрук войсковой части. Заседания товарищеского суда действуют сильно. Повторных нарушений пока не было, следовательно, эта форма борьбы с пьяницами, тунеядцами эффективна. Но все же это не решает окончательно вопроса искоренения случаев нарушения советских законов. Все-таки мягок закон, дающий право не работать в течение 4 месяцев. Тунеядцы его знают и пользуются им. Слишком гуманны мы с лентяями, пьяницами.

Надо к ранее принятому закону добавить снижение разряда, перевод на неквалифицированную работу. И вместе с этим контроль за поведением человека в семье. Словом, так «нажать», чтобы человек этот понял свою ошибку. Контроль не должен носить только назидательный характер, провинившихся нужно вовлекать в общественную работу и проверять выполнение поручения, требовать и требовать. Короче, воспитывать людей, пусть им подчас и под 50.

Если же ничто не помогает, тогда направлять на принудительное лечение. Надо, чтобы человек захотел бросить пить, а это внушить может только коллектив, производственный коллектив.

З. П. ХРЕБТИКОВА
пенсионерка

Свердловск.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Повесть «Канун бабьего лета», главу из которой мы предлагаем читателю, оказалась последним художественным произведением, написанным Иваном Ефимовичем Пузановым,— он умер на сорок пятом году жизни. В повести рассказывается о трудной судьбе казака Игната Назарьева.

Книга И. Пузанова «Канун бабьего лета» готовится к печати в издательстве «Современник».

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

Иван ПУЗАНОВ

МОСТ

Игнат взошел на Красноталовый бугор, поглядел вокруг. Хутор раскинул свои сады и левады в затишке, неподалеку от шумного торного шляха. Притих хутор, посуровел, казалось, отгородился от всякой жизни. Дворы опустели, и, вытянув длинные шеи, застыли колодезные журавли. В низине над рекою у самой станицы стлался вязкий вонючий дым. И птицы-то улетели от грохота и чада. Клоками висят брошенные гнезда.

Игнат поднялся выше по бугру, взглянул вокруг и онемел от увиденного — степь зияла круглыми ямами-воронками, аспидно-черными кулигами выжженного хлеба. Бомбили здесь, когда он долбал киркою землю под Сталинградом. В садах, будто срезанные могучим ударом сабли, торчали белые култышки деревьев, валялись свянувшие ветки.

Неужели такую большую страну враз немцы заглотнут? На донской земле — немецкая власть? Чудно. Было когда такое?

Игнат вспомнил тех стариков, ребят и девчонок, с какими вместе копал окопы под Сталинградом. Он видел перед собою их суровые глаза, их ненавидящие взгляды, терпение и нечеловеческую выносливость. Не станут на колени такие.

По-ребячьи тер Игнат шершавой серой ладонью затуманенные глаза и глядел, глядел... И горько стало ему от увиденной картины. Знакомое и уже позабытое с годами чувство жгучей ненависти охватило его. По всей Донщине так? По всей большой стране? В подвалы хотят загнать весь народ? Он чувствовал, как блекнет, тухнет закипевшее вчера чувство мести, готовность жестоко наказать Любаву за былое.

Захворала Любава... а то не усидела бы сложа руки. Да и неспроста в хуторе она оказалась. Припомнился давнишний ее вопрос: «А мог бы ты умереть ради людей, ради дела?» И суровый, настороженный ее взгляд. А дело теперь одно — война. И в деле этом — каждый.

Вон у того, что около моста, кряжистого дуба прощался Игнат с Любавою и говорил душевные слова. Теперь на этом месте чугун, врытый в землю. Поодаль — кучки яичной скорлупы, куриные перья, хворост. Из-за дуба вышел часовой в зеленом френче, в коротких сапогах. Он повесил автомат на сучок, наклонился, сгреб в кучу щепки, солому. Поджег. Порылся в сумке и достал сало. Проткнул его кинжалом, обжарил и стал есть.

Выходит, этот рыжий часовой теперь хозяин Назарьевского моста, хозяин Ольховой! Вот как! Когда-то его, Игната, дед хвалился: «Я умру, а мост будет стоять». Ранними веснами со всех ближних хуторов сбегались ребятишки на мост в ледоход. Интересно было глядеть, как льдины раскалывались об острые быки и со скрежетом, наползая друг на дружку, уходили под мост. А летом смельчаки с его перил прыгали в воду вниз головой. От моста растекались дороги и тропинки на хутора, торный шлях прямиком уходил на восток, к Волге. Танки теперь пойдут по нему, вражьи танки.

Назарьев долго стоял на пригорке. Теплый ветер лохматил его волосы. Высокий, сутулый, он как бы застыл на бугре в полупоклоне, и по жестким впалым его щекам скользили слезы.

...Вот здесь, у берега, год назад расстался Игнат с хуторянами, кого в первую очередь призывали на фронт. Дюжие, рослые парни, бросив на полях жатки и тракторы, уходили на войну. К Назарьевскому мосту вышел весь хутор. Обнимались, пели, плакали.

В толпе, молчаливо расталкивая хуторян плечом, ходил Демочкин дед Назар с круглым подносом. На подносе — бутылка, рюмка. За дедом неотступно — парнишка с корзиною помидоров. Дед Назар с легким поклоном подходил к хуторянам, просил выпить за уезжающих: «Прощальную опрокинь, милок!» — а завтрашним фронтовикам предлагал: «Возьми стремянную, чтоб не так ныла душа».

«Товарищи! Прошу тишины!» — вскрикнул Ермачок.

Василий Гребенников, вскочив на подводу, говорил о великой, необъятной Родине, что теперь вся встала под ружье, о ее богатствах и бесстрашных людях, о родном уголке с его вербами и тополями, что так дорог его сердцу и всем хуторянам. А под конец попросил: «Дорогие наши матери и жены, поберегите себя и детей своих. Мы вернемся».

Над толпою тишина повисла. Горячий ветер вдруг налетел, схватывал песок пригоршнями и хлестал им камыш, спокойную гладь воды, как арапником, настегивал. Хмурилась, вспенивалась Ольховая.

Игнат угрюмо глядел на уезжающих и неловкость чувствовал — уходят казаки, а вот он, куцепалый, но здоровый и сильный, остается на одном положении с хромым Казарочкой.

Двоюродный его братишка, Демочка, крепился, молчал, глядя на заплаканную жену, а в глазах его — слезы. Игнат вспомнил всю Демочкину жизнь — от тех дней, когда братишку впервые привезли завернутого в пеленки...

— Ты напиши, как и где будешь. Может, посылочку...— спросил его Игнат, и застряли слова...

Под дубом парни, взявшись за руки — может, в последний раз на родном берегу? — пели прощальную:

...Теперь мне служба предстояла,
Спешу я коника седлать.

...За спиной Игната, шелестя, трепыхались ветви краснотала, скулил ветер, донося запах гари и привянувших под солнцем прибрежных лопухов. Кто же нынче Игнату роднее? Жалко было отца, мать, им не привелось умереть в родном хуторе и уж не проведать их могилок... А вот как они — пошли бы рядком рука об руку с этими... чужими? Строптивый был отец, да и сам он, Игнат, неровно жил, куролесил. Кого повинишь в этом? Ждал чего-то? Хотел лучшей жизни? Хотел, искал, мыкался. И уж не такой вот жизни, не этих ли хозяев? Игнату стало страшно от этих мыслей.

Идут к приольховским хуторам и станицам танки. Идут каратели, чтобы задушить, растерзать Демьяна, Василия, Ермачка, хуторян, станичников... А потом поставить на колени их жен и детей.

Стало горько, обидно, страшно оттого, что, может быть, не увидит Игнат тех, с кем простился у моста. Не с кем словом перекинуться, война разметала всех. А дядя Аким? У Казарочки он скрывается. Эх, совет-то держать некогда! Уходят минуты, уходят часы...

* * *

Над бывшим сельсоветом затрепыхался красный флаг, потом успокоился, развернул полотнище, показав черный крест. «Сысой приколотил флаг»,— подумал Назарьев и, минуя кривые проулки, прошагал к новому в хуторе учреждению — правлению. Пошел к нему, шибко размахивая руками. Пошел на черный крест.

От речки, от садов и огородов наползала сумеречь. Ни свечей, ни самодельных коптилок в домах не зажигали.

...Домой Игнат вернулся к вечеру. Вошел в полутемную переднюю с занавешенными окнами, остановился на середине, широко расставив ноги. На рукаве — широкая белая повязка, за плечом торчал ствол винтовки.

— Ну, вот... вступил я...— хрипло выдавил Игнат, снял винтовку, повесил на гвоздь.

— Куда? — Пелагея непонимающе уставилась на повязку.

— В Сысоеву армию... в полицейские... Порядок блюсти.

Пелагея шагнула в угол, округлив глаза, скрестив на груди руки. Потом закрыла лицо руками и заплакала навзрыд.

В постели заворочался, встал на колени сын, молча уставился на отца.

— Спи, сынок, спи,— сказал Игнат.

— Зачем тебе? — шептала Пелагея.— Откажись. Пожалей ты нас, ради бога. Господи! За что мне наказанье такое? Каратель... самодельный.

— Ти-хо...— попросил Игнат. Он все еще продолжал размышлять над всем, что говорил Сысой о свободе, которую-де вернули казакам немцы... А вот нынче офицер ударил деда Назара, за то, что тот поперек слово сказал, воспротивился отдать гуся. Залился дед красною юшкою. И не спросил тот офицер, а может, дед — бывший атаман, может, беляк он с пяток до головы. Вот как стало. Дожили. Когда волк лезет в сарай, так он не разбирается — черный бык стоит или чалый. Ходит он в борозде с белым или нет. Было бы мясо. Бык, он, конечно, и есть бык. Скотина.

Игнат чувствовал, как растерянность его сменяется озлобленностью, и радовался этому.

— Скотина,— вслух сказал Игнат.

— Чего? Про кого ты? Господи, за что ты так прогневался? — И Пелагея поглядела на иконы.

— Скотина, говорю, бык-то. А мы — люди. Правда? Хоть и не особо видные, а люди.

Пелагея с испугом глядела на мужа.

— С какой радости выпил-то? Должно, пьяный и к Сысою в пристяжку пошел? Не знаешь ты его. Ты поехал с ним один раз... чуть голову не сложил. Вояки... Он на тебе верхом ездить будет.

— Я же не скотина? То-то... Пьют, бывает, и с горя... Не пил я, мать. Зачем в такую пору глаза туманить. Ну, хватит мокрость разводить. И об начальстве нельзя так...— Игнат лег в постель, довольный и умиротворенный. Ему было легко, как человеку, разрешившему что-то очень важное и тяготившее его последние дни.— Вот ты все горюешь,— упрекнул он же-

ну.— Я уж и забыл, когда ты смеялась. Да, иду я... нынче, Федосью встрел. На дороге. А ты помнишь, как она своего рябого Федора к Агафье приревновала и повыдергала у нее капустную рассаду? И потом-то... потом катушок подожгла.

— Помню. Вспомнилось чего? — Пелагея не глядела на мужа, сердито мела пол, переставляла табуретки.— А я вот терплю. Ежели б я злобу вымещала, так не один бы курень на хуторах полымем схватился. Ну, ничего, мои слезы отольются... Попомни мое слово.

— Вот ты какая! Ну-ну, хватит... Да, а какой нынче день, а?

— Зачем тебе теперь?.. Пятница сегодня.

— А число? Вспомни.

Пелагея зашептала, подсчитывая:

— Первый — Спас... Второй...

— Ить в воскресенье — день свадьбы. Нашей свадьбы годовщина. Начнется бабье лето.

— А и правда,— тихо проговорила Пелагея.— В воскресенье — бабье лето.

— Эх ты, квочка старая. А лет сколько? Ну?

Пелагея поглядела в потолок.

— Ну-ну... Двадцать пять! — отчетливо сказал Игнат.

— Да при такой жизни скоро забудешь, как саму себя звать.

— Серебряная свадьба. Вот те на!..— Игнат привстал с постели.— Вот и праздничек. Дождались. Я не зря про самогон говорил. Может, она и не совсем серебряная, свадьба-то, с ржавчинкой, а все же двадцать пять лет отмахали вместе.

— Да,— согласилась Пелагея.— Хорошего-то не густо было.— Она взяла корец воды, плеснула в цветы.

— Ты опять за свое. Брось ты эти цветочки. Чертовщиной занимаешься. Другого дела нету? — Игнату показалось таким никчемным занятие жены.

...Перед глазами Игната чернел в темноте мост — крепкий, с двумя остроносыми быками на середине реки. Назарьевский мост. Гордость фамильная. Скоро по нему покатятся танки. Строил дед для хуторян и станичников, а вышло...

Игнат поднялся, поглядел в окно. Над Красноталовым бугром ярким мечом горел месяц. Огненными стрелами прожигали темное небо трассирующие пули, прожекторы холодными лучами-лезвиями, как гигантскими ножницами, бесшумно стригли плотную темень ночи.

Игнат отчетливо услышал, как глухо и устрашающе стучат каблуки тяжелых сапог часового у моста. Он видел его в темноте, осторожного, ловящего каждый шорох и скрип. Слышал железный звяк оружия. И стало страшно, как если бы Игнат очутился у моста один на один с часовым.

Постоял, глядя в темное окно на холодные лучи прожекторов, и неприятное чувство страха слегка притушилось.

Игнат потоптался возле сыновней кроватки, поправил на сыне одеяло, вышел во двор, открыл сарай. В углу, под мешковиной, возвышалась горка толовых шашек, что собрал по дороге от Сталинграда и приберегал на случай глушануть рыбу... Сгреб острореберные шашки в мешок, в карманы сунул запалы и длинный шнур-затравку. Снял с гвоздя сеть, кинул на плечи. Заскрипели ступеньки крыльца. Из темноты Пелагея спросила:

— Ты куда?

— Порыбалю... малость. Свежей ушицы хочется, с укропчиком. Люблю. Нынче на огороде срубил былку укропа, запахло так хорошо, вспомнил, как ты, бывало, заваривала. Так рыбы захотелось. Да и... праздник наш скоро. Схожу, сеть кину. Останется рыбка — завялю.

— Ну ее, с этой рыбкой. В такую пору. Обойдемся.

— Тихо.

Уж очень ласковые, трогательные и непривычные нотки слышались в голосе Игната.

Пелагея пощупала мешок.

— Ой, господи...— зашептала она,— это... гранаты?

— Ну-ну, иди. Иди, спи. Ежели спросит Сысой,— мол, по хутору муж пошел. За порядком глядит.— Игнат шагнул через перелаз.

— Игнаша...— Пелагея ухватила за плечо мужа, задышала в лицо.— Игнаша!

— Ти-хо.— Игнат легонько толкнул жену в плечо.

Назарьев шел неторопливо, вразвалочку, посередине дороги. На рукаве его белела широкая повязка. Пелагея перебегала дорогу, пережидая, пряталась под развесистыми ветками деревьев. Куда он? Что надумал? У калитки Феклуни Путилиной Игнат остановился. Пелагея выдернула из плетня толстую палку, крепко ухватилась за нее обеими руками. «Ежели он к ним... Так ведь там Любава... партийная она... с заданием, видно, в хуторе. Если он за ней, так оглушу его»,— решила лихорадочно Пелагея, прижимаясь к плетню. Игнат постоял, поправил на плече мешок и широко, шибко зашагал по поляне, где были игрища, и скрылся в прибрежных терновых кустах. Тихо загремела цепь, всплеснулась под веслом вода: Игнат отпихнулся от берега.

...Назарьев старался подавить в себе чувство страха, что с новою силою охватило его у берега. Дрожали руки. Непослушной была лодка. «Да что со мною? — озлился на себя Игнат.— Будто никогда и не дрался». Перед глазами мелькнул костер с горящими книгами учителя, рыжий немец, сбивающий прикладом замок, и дед Никита, строитель моста, глядевший на Назарьева со скорбью и надеждой.

Игнат, скрипнув зубами, начал с усилием грести, чувствуя, как ему становится легче, свободней. Он не в сторонке, не поглядывает испуганно из-за плетня. Он вместе с хуторянами — с дедом Никитой, с председателем Василием, Демочкой, он вместе с Арсением Кононовым. Страх уходил, уступал холодному расчету — пробраться к мосту, сделать все, как надо, и вовремя уйти.

Греб неслышно, одним веслом, пройти бы незамеченным быстрину, а там, в зарослях... Остроносая, сухая лодка легко скользила по черной глади воды. Налетал ветерок, ерошил камыш и затихал в садах. Ольховая текла могуче и спокойно, как и в давние годы. В заводи всплеснула рыба. Далеко в низине реки вспыхнула ракета и погасла. Игнат поглядел в небо и усмехнулся: месяц, похожий на его остроносую лодку, продирался сквозь темные рваные тучи.

Вот и правый берег. Высокий. Обрывистый. С усилием толкнул лодку в густые камыши и, пригибаясь, с мешком за плечами пошел мягко, чувствуя босыми ногами знакомую узкую тропку. Останавливался, глядел из-за невысоких вербочек на левый берег: под дубом тлел робкий огонек, шнырял белый лучик фонарика. Послышался легкий металлический стук, гортанный гомон. Должно быть, часовой и его сменщики лакомились у чугуна.

Вот и мост. Назарьевский мост — белый, строгий.

Игнат прилег на траву, выжидая.

Часовой ходит от моста к тлеющему огоньку под дубом. Вот он тяжело застучал каблуками сапог. Игнат скользнул по траве под мост, вброд прошел до первой опоры-быка, влез по скобам доверху.

Делал все не торопясь, спокойно, как, бывало, в штреке шахты готовил буровую скважину или бросал в вагон глыбы породы. На железной плите уложил рядком перетянутые тесьмой толовые шашки.

На левом берегу шнырял фонарный лучик, ветерок доносил самодовольный раскатистый хохот.

Игнат выбрался на берег и пополз в мокрых штанах к канаве, разматывая бикфордов шнур. Полз, прислушиваясь, ему казалось, вот-вот заскрежещут гусеницами танки и пойдут с правого берега на крепкий Назарьевский мост. А он, Игнат, копается в вербочках, медлит. Скатился в канаву, выхватил из-за пазухи спички.

...Пелагея долго сидела в темной комнате, прислушиваясь к каждому шороху, подходила к окнам, глядела в черную ночь, туда, где мчится бегучая Ольховая. Звезды на небе прижмурились, раскаленный месяц резал острием Красноталовый бугор. Казалось, вот-вот задымится сырой краснотал, вспыхнет весь бугор.

И вдруг над вербами, над рекою всколыхнулось жаркое багровое зарево, дрогнул дом, задребезжали окна. Скрипнув, открылась дверь в коридор. Пелагея упала на пол, раскинув руки, зашептала молитву: «Господи, сохрани и помилуй... Господи...»

Стало так тихо, что слышно было, как у соседей завозились, заквохтали на насесте куры. Пелагея поднялась на колени, немо уставилась на холодно поблескивающий нимб богородицы.

Под окном надрывно захрапели кони: по проулку с гиком и руганью проскакали к Ольховой верховые...

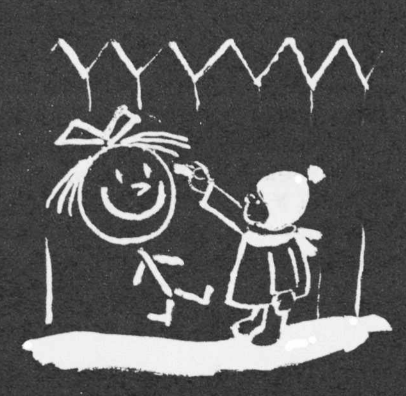
И. ТУНКЕЛЬ
И. МЕСХИ

УЛЫБКИ...

...Человек с улыбкой. Цель наша — напомнить о ней вам, читатель. Напомнить о том, что она, улыбка, есть выражение вашего живого отношения к миру, к жизни на земле. А чтс есть живое отношение к миру! Прежде всего взгляд на эту нашу полную сложностей, страстей, печалей и радостей жизнь ясными, добрыми глазами. Обязательно ясными, обязательно добрыми.

...Вглядитесь в эти снимки: несколько подмеченных фотокамерой капель в море улыбок. Мы улыбаемся счастливо, гордо, открыто, вежливо, иронично, кокетливо, смущенно, печально, победно, нежно... Труднее найти у нас сервис-улыбку, хотя и она нужна. А все же в цене у людей всех времен и земель всегда была и будет улыбка искренняя, сердечная, которая от души. Улыбайтесь, товарищи, добрым сердцем своим!..

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

В ГОСТЯХ У «СТАНЦИОННОГО СМОТРИТЕЛЯ»

Н. ГРАНОВСКАЯ, старший научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина,
В. ЯКУШЕВА, заведующая музеем «Дом станционного смотрителя».

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.
Пой, ямщик — я слушать буду
Песню родины моей...

Не вспомнить всех стихов А. С. Пушкина, которые навеяны ему длинными российскими дорогами. Великому поэту немало довелось путешествовать по доброй и недоброй воле. Известно, например, что не менее тринадцати раз Александр Сергеевич останавливался на почтовой станции Выра.

В пушкинское время здесь проходил большой почтовый тракт. Он шел от Петербурга в западные губернии России. Выра была третьей станцией от столицы, тут путники меняли лошадей.

Есть основания предполагать, что имя главному герою повести «Станционный смотритель» Пушкин дал по названию этой станции — древнего русского села Выра. Не случайно в этих местах сложились народные предания, утверждающие, что именно здесь жил пушкинский герой и отсюда проезжий гусар увез красавицу Дуню, и похоронен будто бы Вырин здесь же, на местном кладбище.

И вот уже более года, как в деревне Выра, Гатчинского района, Ленинградской области, открылся необычный музей — «Дом станционного смотрителя», рассказывающий о дорожном быте России первой трети XIX века и героях повести Пушкина «Станционный смотритель».

Выра была типичной почтовой станцией, она имела для нужд проезжающих 55 лошадей и в числе их пять быстрых курьерских троек. Ее два корпуса, два одноэтажных домика, сложенные из кирпича, были оштукатурены и выкрашены в розовый цвет. Домики выходили фасадом на дорогу и соединялись между собой кирпичной оградой с воротами посредине. Через них на широкий, мощенный булыжником двор въезжали на станцию кареты, коляски, возки и брички путешествующих. Внутри двора находились конюшни, амбар, пожарная каланча, коновязи, колодец.

От бывшей станции дошли до нас лишь остатки строений и среди них чудом сохранившийся северный корпус станции, служивший одновременно и жилищем смотрителя, почему за ним и закрепилось название «Дом станционного смотрителя». Этот дом теперь восстановлен. Он состоит из сеней, «чистой половины для проезжающих», «ямщицкой половины» и «смотрительской».

«Дом станционного смотрителя» стал единственным в нашей стране музеем литературных героев А. С. Пушкина, одновременно раскрывающим страницы родной истории, драгоценным памятником ушедшего дорожного быта России.

Посетитель, вошедший в музей, попадает на почтовую станцию первой трети XIX века. Ее обстановка ощущается начиная с небольших сеней, освещенных тусклым фонарем, где у входа в «смотрительскую», рядом с дровами и корытами, к стене хлебным мякишем прилеплено объявление:

«Желающий ехать на почтовых лошадях, должен испросить на месте своего пребывания подорожную, без подорожной же никто не может получить почтовых лошадей.

Путешествующим строго запрещается чинить станционным смотрителям притеснения и оскорбления или почтарям побои».

Из сеней направо — «чистая половина для проезжающих». Она восстановлена по архивным документам и повести Пушкина «Станционный смотритель». Здесь мы видим стол смотрителя, залавки, стулья и диваны для проезжающих; их сундуки, чемоданы, дорожные шкатулки, даже кровать «с пестрой занавескою», форменную шляпу смотрителя и его книгу для записи подорожных. Рядом же с ней — подорожную самого Пушкина: «Показатель сего ведомства Государственной коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобностям службы к главному попечителю колонистов Южного края России Г. Генерал-лейтенанту Инзову; почему для свободного проезда сей пашпорт из оной Коллегии дан ему в Санкт-Петербурге мая 5 дня 1820 года».

У голландской печи, поближе к теплу,— стол для проезжающих. На столе тульский самовар, чайная посуда и обычная снедь путешественников: яйца, хлеб, соль, молоко, баранки (ожидать лошадей путешественникам приходилось подолгу). На окнах — «горшки с бальзамином» — цветами, которые выращивала героиня повести Дуня. На стенах — лубочные картинки: «Как мыши кота хоронили» и «Спор мороза с красным носом», а также несущая в пушкинской повести особое смысловое задание сюита лубков — «История блудного сына». Эти потешные картинки широко бытовали в то время. А в красном углу — старинные иконы и портрет царствующего императора, полагавшиеся в такого рода присутственных местах. Рядом же высочайше учрежденные правила: «Какому чину и по скольку выдавать лошадей», «О подорожных и сборе с оных», расписание «В какое время и по скольку лошадей и в какие экипажи запрягать должно», правила «О прогонных деньгах» и даже правила «Для желающих принести жалобу в обидах, причиненных на станциях». Яркой иллюстрацией к повести А. С. Пушкина служат постановления «Для проезжающих на почтах», гласящие: «Станционные смотрители, которые не имеют классных чинов, в ограждение обид пользуются по высочайшей воле 14 классом».

Из чистой половины — вход в небольшую комнату — «смотрительскую». Это та самая комната «за перегородкой», где, по Пушкину, жила героиня повести. В музее она, естественно, названа «комнатой Дуни». Это помещение в основном занято литературной экспозицией. Однако Дуне в ней отведен особый уголок. Здесь стоит старинный комод, рядом со скромным зеркальцем — пяльцы, небольшая шкатулка, вязанье. Над комодом голубоглазая, русокосая красавица — портрет Дуни, написанный в наивной лубочной манере художницей Надеждой Берлович. «Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! — говорится о ней в повести.— Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит... Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала».

В экспозиции показаны фотокопии рукописей поэта, одна из первых публикаций повести, иллюстрации, выполненные художником М. В. Добужинским, а также вид почтовой станции Выра, какой ее можно вообразить в пушкинское время,— рисунок художника Сергея Светлицкого. Одновременно представлены материалы о путешествиях Пушкина по России — карта путешествий поэта и стихи, посвященные дорогам. Как бы живой иллюстрацией к этому разделу экспозиции может служить «ямщицкая половина» «Дома станционного смотрителя», куда затем переходит посетитель. В ямщицкой полностью воссоздано ее нехитрое убранство. На стенах развешаны старинные хомуты, дуги и сбруя со знаменитыми валдайскими колокольчиками и бубенцами. Здесь можно видеть ямщицкие шапки и армяки, полушубок, лапти, глиняную и деревянную посуду, ямщицкий кисет из бересты, деревянные ведра и кадки, медный умывальник, деревянные фонари, с которыми выходили к лошадям.

Основное место в интерьере ямщицкой занимают старинная русская печь, полати, лавки и простой, со скобленой столешницей стол; старинные иконы в красном углу: Фрол, Лавр и Власий — покровители лошадей, святые, которым молились ямщики.

Эта половина рассказывает не только о быте ямщиков, но и о дорожном быте прошлого, о путешествиях Пушкина по России. Путь, проделанный поэтом, был немалым, он равен 34 тысячам километров. В повести «Станционный смотритель» Пушкин говорит устами своего героя: «В течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела...». По-особенному здесь воспринимаются стихотворения поэта. Например, «Дорожные жалобы» — рассказ поэта о бесконечных своих странствиях: «То в кибитке, то в карете, то в телеге, то пешком» — или «Зимняя дорога», поэтический размер которой воспроизводит ритм быстрой езды...

Остается сказать, что этот чудесный уголок восстановлен колхозом имени В. И. Ленина и Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Много любви и энтузиазма проявили создатели этого необыкновенного музея: токарь Иван Дмитриевич Ларин — председатель одной из ленинградских первичных организаций Общества охраны памятников, председатель колхоза имени В. И. Ленина, на территории которого находится музей, Павел Семенович Терещенко и архитектор этого колхоза Александр Александрович Семочкин, научные сотрудники Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде.

«Дом станционного смотрителя» стал истинно народным музеем. Он вызывает не только всеобщий интерес, но и заботу и любовь его многочисленных посетителей. Многие экспонаты принесены в дар музею. Так, ленинградка Е. Ю. Мельникова передала старинную чайную посуду, подсвечник, пепельницу, рядно и скатерть работы крепостных мастериц. Всех дарителей перечислить невозможно. Они занесены в почетную книгу.

За год музей посетило уже около ста тысяч человек. Приезжайте в Выру и вы. «Дом станционного смотрителя» расскажет вам много нового о героях А. С. Пушкина, навеет легкую грусть по ушедшим в прошлое лихим тройкам почтарей, поможет трепетнее ощутить строки великого поэта:

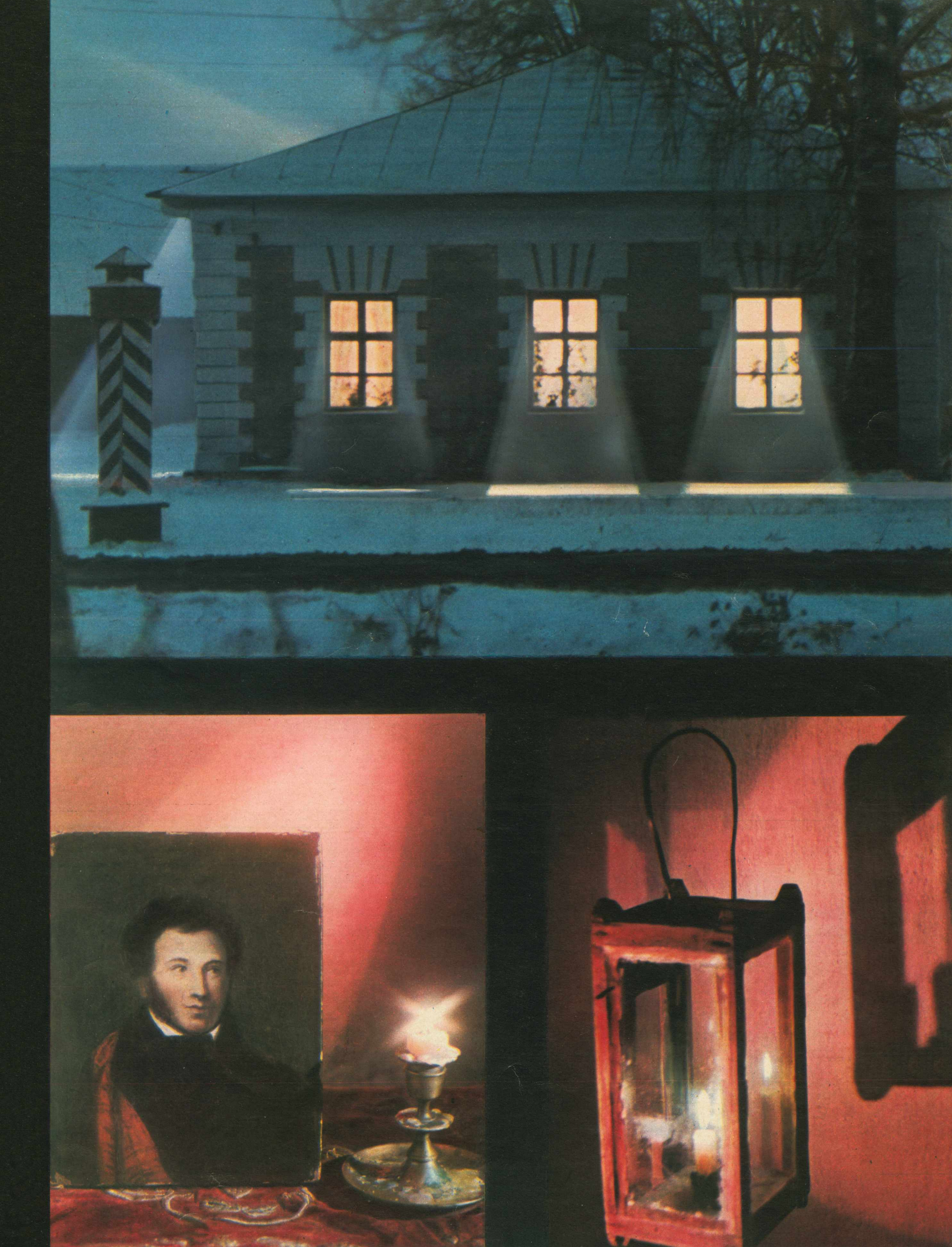
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

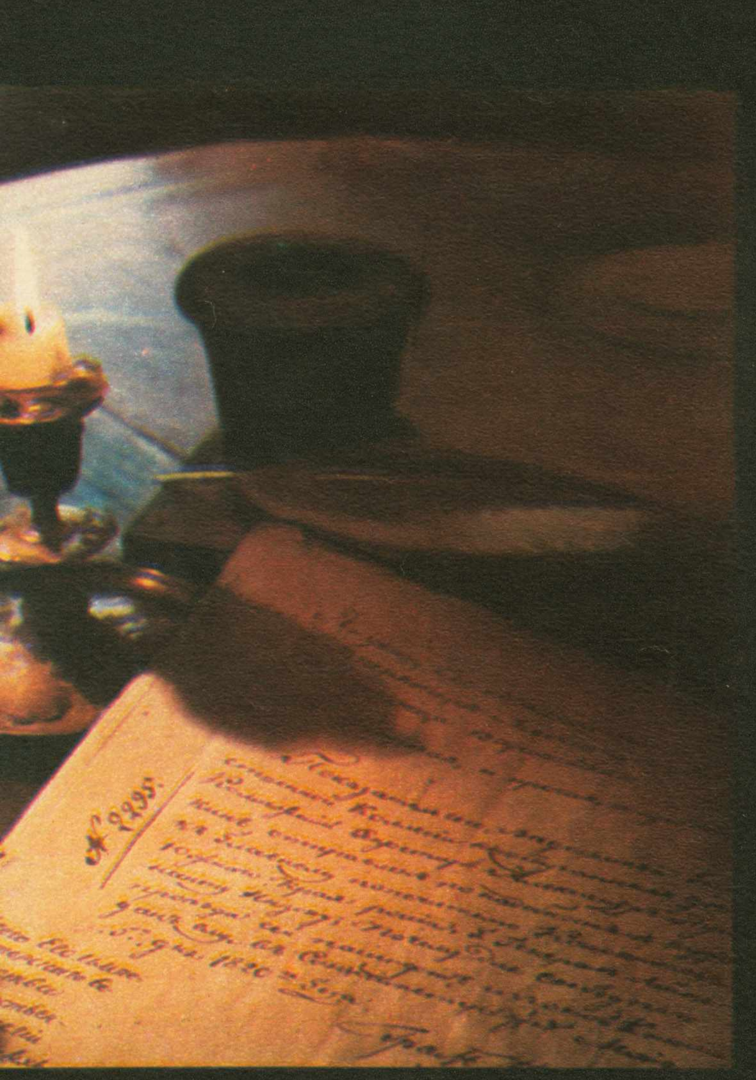
Музей «Дом станционного смотрителя» в Выре.

Портрет А. С. Пушкина. 1859 г. Работа художника Г. Ламихс. (Подарок музею Е. В. Байковой и В. И. Малагиса).

Фонарь станционного смотрителя.

Фото Н. АНАНЬЕВА.

№ 2295.

ИЗБРАННОЕ ПОЭТА

Когда поэт составляет книгу избранного, он из написанного за долгие годы выбирает то самое главное, что, по его мнению, может достойно представить его сегодняшнему читателю. Такая мера суровой и справедливой оценки своего труда, несомненно, руководила поэтом Владимиром Фирсовым во время работы над сборником «Два солнца».

Читателю, давно знакомому с творчеством поэта по книгам «Березовый рассвет» (1959), «Вдали от тебя» (1961), «Зеленое эхо» (1963), «Горицвет» (1965), «Солнечные колодцы» (1969) и многим другим, наверное, не менее интересно открыть этот томик, чтобы сверить свое представление о лучшем в поэтическом мире Вл. Фирсова, с точки зрения самого поэта.

Самой сильной стороной поэзии Вл. Фирсова всегда была ее связь с родной землей, с русской природой, с конкретными картинами жизни. Они незримой нитью связывают основной образный ряд его стихов и поэм, обусловливая в них тем самым органичность чувства Родины, ставшего у Вл. Фирсова непреложным критерием оценки человека и человечности. Предельно точно зафиксировано это в одноименном стихотворении «Чувство Родины».

С этим чувством человек
рождается,
С ним живет и умирает с ним.
Все пройдет.
А Родина останется,
Если мы то чувство сохраним.

О высоком, о самом сокровенном сказано спокойно, уверенно и немного, пожалуй, раздумчиво-грустно. Такова, собственно, и вся тональность сборника. Но эта задумчивая грусть в стихах и в лирических отступлениях поэмы «Республика Бессмертия» не равнозначна унынию. Скорее всего она состояние сосредоточенности, в котором с большой глубиной выявляются все настроения человека.

В лирическом арсенале поэта было предостаточно стихов шумных, порой по-юношески задиристых. Но их поэт оставил без внимания. И, вероятно, не потому, что сегодня они для него мало значат. Нет. Тут вступает в силу открытое зрелостью:

И тишина на родине моей
К спокойствию и мудрости
взывает.

Отсюда и понимание, что не только громко, с напряжением всех голосовых связок сказанное слово или восклицательная интонация могут предельно точно воспроизвести глубокую и жгучую для поэта мысль. Тишина тоже способна быть громкозвучной, когда в ней поэту говорит голос природы: и поющих веками на Руси березняков и звуки плещущейся в затоне луны. Но еще более слышны в тишине ритмы труда земляков, которые заглушают даже «звонкоголосье» поэта, как в стихотворении «Цвет земли»:

Явился я звонкоголосо
Туда,
Где, как и в старину,
Стозвучно
Косы на прокосах
Озвучивали тишину.

«Озвученная тишина» позволяет Вл. Фирсову ловить свист пуль, летящих сквозь годы из времени Великой Отечественной, слышать в каждом дереве рощи, выросшей на месте кровавых сражений, стук солдатских сердец. И поэт сам делает тишину громкозвучной, взывая к тому, «чтоб в дни победных дат гудел предупреждающе набат», чтобы земля, замерев, вместе с матерью оплакала погибшего сына, выполнившего свой священный долг до конца.

Глубокая человечность, растворенная в поэме «Республика Бессмертия», кровная связь поэта с прожитым и пережитым ее героями, несомненно, способствовали успеху этого произведения, удостоенного вместе с другими стихами Вл. Фирсова премии Ленинского комсомола. В поэме возникает и биография самого автора, по судьбе которого жестоко и неумолимо прокатилась чудовищная машина войны. Но горе и беды отступили перед душевным теплом людей родной Смоленщины, добротой советского строя. Вот почему Вл. Фирсов так сокровенен в отношении самых громких и высоких понятий, вот откуда начало в его поэзии неизбывного чувства Родины.

В большом мире страны он рос как человек и патриот, формировался как гражданин и поэт. Эти черты своей личности поэт «подарил» и своему лирическому герою. И потому в стихах и поэмах последнего сборника отчетливо звенит главный мотив поэзии Вл. Фирсова — ее органичная гражданственность, мерилом которой навсегда остается активная человеческая позиция в жизни:

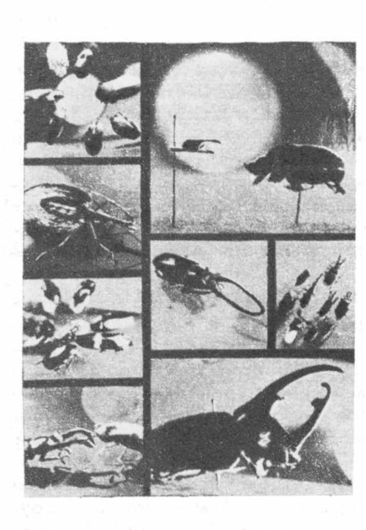
Не беда, что многим не
потрафил,
Что воюю,
Как и воевал.
Лишь бы звезды трудных
биографий
Мертвый свет луны не затмевал.

Эта позиция и определяет действенную силу того лучшего в поэзии Владимира Фирсова, что давно было принято читателем, а ныне составило цельную и звонкую книгу избранного.

Бор. ЛЕОНОВ

Владимир Фирсов. «Два солнца», книга лирики. «Художественная литература», 1973, 272 стр.

АРЛЕКИН И ЕГО КОМПАНИЯ

На 4-й странице обложки: Жуки из коллекции Н. Коростелева.

— Книга Фабра о насекомых пробудила интерес к природе у миллионов людей,— сказал мне мой знакомый.

Это было в московском Доме дружбы с народами зарубежных стран, где проходил вечер, посвященный 150-летию со дня рождения замечательного французского натуралиста Ж. А. Фабра.

Я вспомнил и свое трудное военное детство и первое знакомство с книгами французского натуралиста. Какую радость они мне давали!

Прошло 30 лет, я не стал профессиональным биологом, но и сейчас все свободное время отдаю природе, экскурсиям в самые удаленные уголки страны, наблюдениям за насекомыми, составлениям энтомологических коллекций.

Особенно выделяются в коллекции бразильский длинноногий арлекин, тропические златки и бронзовки, огромные носороги и рогачи. А всего в отряде жуков, к которым относится и арлекин, насчитывается более четверти миллиона (!) разных видов. И ежегодно ученые находят многие сотни и тысячи новых видов.

На территории СССР обитает более 20 тысяч видов. Сколь не похожи между собой некоторые жуки, можно судить по фотографиям. Возьмите пойманную мною в Армении майку и жука-хищника, найденного под Москвой. Как фокусник убирает длинную шаль в маленькую инкрустированную коробочку, так и этот жук ловко прячет свои длинные крылья под маленькие красные надкрылья. Вот бразильский дровосек-большезуб и слоник с Дальнего Востока. А сколь разнообразны тропические слоники, усачи, носороги!

О нашем дальневосточнике, гигантском реликтовом усаче, разговор особый. Размерами он может соперничать с тропическими видами жуков (до 11 сантиметров длиной), а знатность рода мало кто его перещеголяет. Сохранился гигант в Уссурийской тайге с незапамятных времен, недаром реликтом зовется.

Разнообразен облик жуков, различны места их обитания. Одни живут в лесах, другие — в пустыне, третьи — только в грибах, четвертые желают селиться лишь в муравейниках. И что интересно — муравьи их не трогают.

Однако нас всех в первую очередь должно интересовать, полезен ли жук или вреден. Ведь, скажем, сельскому хозяйству жуки наносят немалый урон. Достаточно назвать одного колорадского жука. А леса, пораженные короедами и жуками-дровосеками! Даже собранным урожаям в амбарах и зернохранилищах, деревянным домам и мебели не дают покоя жесткокрылые. Но подвергать остракизму всех жуков несправедливо.

Среди них есть хищники — истребители насекомых, вредящих лесам и посевам, например, платизма или жужелица кавказская, которая с аппетитом поедает улиток. Многочисленные жуки-навозники — естественные ассенизаторы, и, кроме того, они разрыхляют и удобряют почву.

На маленькой выставке, устроенной недавно к 150-летию Фабра, имел честь быть представлен жук-могильщик. Фабр изучал повадки могильщика и прославил его как естественного санитара. О практической пользе этого санитара говорит следующий интересный подсчет: 4 жука за 7 недель убрали трупы 2 кротов, 4 лягушек, 3 маленьких птичек, 2 кузнечиков, внутренности рыбы, 2 куска бычьей печенки. А тысяча жуков сколько уберет? Подсчитайте!

Так что, если ваша нога уже занесена, чтобы раздавить какую-то ползущую «козявку»,— остановитесь! Посмотрите на нее внимательнее.

Некоторым жукам сами люди нашли весьма оригинальное применение. В тропиках, например, несколько светящихся жуков, помещенных в сетку, заменяют фонарь, ночью с дороги не собьешься.

Но есть жуки, которые ни ощутимого вреда, ни явной пользы человеку как будто и не дают, однако и они вносят свою лепту в великий круговорот природы. Живут себе своей еще полной загадок жучьей жизнью.

И, право, если вы на досуге заинтересуетесь повадками жуков и понаблюдаете за ними, то не пожалеете. Приохотьте к этому и детей своих. И не беда, что со временем не все станут биологами, зато им откроется радость общения с природой и они научатся бережно к ней относиться.

Н. КОРОСТЕЛЕВ,
кандидат медицинских наук

Кровать станционного смотрителя Вырина.

Подорожная на имя А. С. Пушкина.

Героиня повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» Дуняша. Работа ленинградской художницы Н. М. Берлович.

Мария АНГАРСКАЯ,
почетный строитель
Усть-Илимской ГЭС

...И СТАНЕТ БЫ

У каждого человека есть самое дорогое, самое любимое место на земле. Мое — Усть-Илим, ставший ныне символом трудового героизма. А для меня Усть-Илим начался давно. Это сказка моего детства, мечта юности.

Я тянусь сюда с той поры, когда еще совсем маленькой девочкой слушала рассказы отца о том, как он за революционную деятельность был сослан на таежные берега Ангары. Вспоминая те тяжелые годы, отец мечтал о будущем и сквозь завесу времени видел сегодняшний день Ангары. Он так увлеченно о нем говорил, что я слушала как завороженная и просила еще и еще раз рассказать сказку про Ангару.

— Вырастешь и сама побываешь в этой сказке, к тому времени она станет былью,— говаривал отец.

...В наследство от отца мне достался его партийный псевдоним: Ангарский. Это в честь могучей сибирской реки. Псевдоним отца стал моей фамилией, так я породнилась с Ангарой. А встретилась с ней впервые осенью 1965 года, приехав на Усть-Илим в качестве корреспондента.

Тогда у Толстого мыса, расположенного вблизи старых сел Невона и Карапчанки, где в начале века отбывал ссылку отец, лишь только зарождалась Усть-Илимская ГЭС. Дороги еще не было, самолеты малой авиации курсировали нерегулярно. Добираться пришлось через грозные пороги на барже, она везла из Братска на Усть-Илим оборудование для котельной детского сада. Я еле уговорила капитана-наставника Савинкова взять меня пассажиром. Река бушевала, бурлила, пенилась, норовила разбить наше суденышко об острые клыки скал. Однако в схватке со своенравной рекой капитан вышел победителем. На третьи сутки впередсмотрящий доложил: «Подходим к Толстому мысу».

Издали этот высоченный зеленый мыс, куда вскарабкались сосны и ели, чем-то напоминал огромную шапку Мономаха. На вершине его полыхал алый флаг. С трепетным волнением, переполненная мыслями об отце, ступила я на усть-илимскую землю, куда так долго стремилась, о которой столько мечтала.

Лес живет дольше, чем человек. Отец видел эти же деревья, ступал по таким же желто-красным листьям, тайга была той же, что полвека назад. И все же не такой. Сказка и впрямь стала былью!

Сквозь деревья я увидела башенные краны и экскаваторы, тарахтели бульдозеры, мчались «КРАЗы» и «МАЗы», на древней сосне висел динамик, и на всю тайгу московский диктор сообщал последние известия. Основным жильем тогда были палатки, к строительству домов только приступали, их было немного. В одном из них размещался штаб стройки. Войдя сюда, я встретила в коридоре миловидную девушку с толстой русой косой, закрученной вокруг головы. Она была в сапогах, брюках, стеганой куртке, ладно облегавшей стройную фигуру.

— Тамара Вехова, председатель постройкома! — представилась девушка. Она улыбнулась, и на разрумянившихся щеках показались милые ямочки. Тамара сразу расположила к себе. И я подумала: мне, кажется, повезло с первой усть-илимской знакомой.

— Привезли оборудование для котельной. Отлично! Теперь скоро можно будет открывать детский сад, самый первый на Усть-Илиме, и я буду его организовывать — представляете, как здорово!

Профессией воспитательницы Вехова овладела еще у себя на родине, в Куйбышеве, потом работала с ребятишками в Братске, где ей предоставили отдельную квартиру со всеми удобствами. Но начался Усть-Илим, и Тамара, бросив налаженный быт, покатила сюда.

— Моя мечта — строить город с самого начала. И мне посчастливилось: я приехала одной из первых,— рассказывала она.

Тамара посетовала, что здесь еще нет библиотеки. В ее словах прозвучало такое огорчение, что я, повинуясь первому движению души, пообещала Тамаре взяться за создание в Усть-Илиме хорошей библиотеки. Это обещание я подтвердила вечером, когда мы с Тамарой и ее подружками сидели за чашкой кофе.

— Привезете нам книги уже не на барже, а на комфортабельном автобусе, который года через полтора будет курсировать между Братском и Усть-Илимом,— заверила меня инженер-дорожник Лена.

— Идет! Вы — дорогу, я — библиотеку. Будем считать это нашими социалистическими обязательствами и посоревнуемся за их выполнение,— предложила я.

Прошло немногим более года, и я качу из Братска сквозь тайгу на «газике» по отличной дороге и везу в Усть-Илим книги. Да не простые книги, а с письмами и автографами писателей. Я их долго собирала. И, видимо, так горячо и взволнованно рассказывала о далеком таежном крае, что заразила своей влюбленностью многих писателей.

«Советские люди никогда не забудут о вашем героическом труде, славные труженики Усть-Илима. О вас будут написаны новые книги. От всего сердца — Николай Тихонов».

«Молодым строителям Усть-Илима от старого комсомольца с пожеланием вечной дружбы всех поколений» — с такой надписью передал мне свой сборник Николай Богданов.

И таких книг-подарков я везла сотни!

А какое великолепное письмо-напутствие передали через меня молодежи Усть-Илима старейшие члены партии Герои Социалистического Труда Елена Дмитриевна Стасова и Федор Николаевич Петров! Елена Дмитриевна написала свое письмо совсем незадолго до смерти, и оно стало своеобразным завещанием молодым покорителям Ангары.

...С нетерпением и радостью мчалась я в дорогой мой Усть-Илим, приятно было сознавать, что взятые на себя обязательства выполнили обе стороны!

Стройку я не узнала. Стояли десятки домов, исчезли горы труб, по ним теперь бежала горячая вода в коттеджи. Палаток осталось совсем немного. Жители Усть-Илима усиленно готовились к перекрытию Ангары: приступали к отсыпке дамбы перемычки. Они добились поправки к основному проекту ГЭС, предложив вести перекрытие реки не только с берега, но и одновременно с «лосят», красивейших островков, которым предстоит уйти на дно будущего усть-илимского моря. Инженеры доказали, что по их варианту потребуется меньше бруса, бетона, автомашин, рабочей силы, и главное — перекрытие можно будет вести круглый год, не дожидаясь, когда Ангара будет скована льдом! Так удалось сэкономить миллион рублей и ускорить строительство ГЭС.

...Вертолет высадил меня на один из «лосят». Леденящий ветер валит с ног, в двух шагах бурлит и пенится Ангара. На островке стояли дощатые домики строителей. Связь с Большой землей по радио. Продукты, газеты, письма — на вертолете. Каменную дробленку добывали взрывами аммонала, ее грызли мощнейшие экскаваторы и отсыпали гряду котлована. «Лосенок», постепенно «худея», превращался в дамбу, становился перемычкой. Командовал островом прораб Валерий Нестеров. Год назад он окончил Московский автодорожный институт, и теперь под его опекой десятки машин, механизмов. В его подчинении сто человек. Узнала я, что Валерий увлекается еще и журналистикой — пишет в местные газеты.

— Сейчас заканчиваю повесть,— рассказывал он мне.— Конечно, менять профессию не собираюсь, пишу в свободное время. — Валерий мечтает заочно учиться на философском факультете.— Без разносторонних знаний сейчас нельзя ни инженеру, ни литератору,— говорит он.

...Никогда не забудутся зимние усть-илимские вечера. Собираемся с девчатами и ребятами в одной из комнат общежития, наскоро составляем столы, на которых возникает немудреная закуска, и появляется гитара.

— Начнем с вашей любимой,— обращается ко мне черноокая веселая Тамара Луковникова, одна из главных запевал Усть-Илима.

— «Главное, ребята, сердцем не стареть, песню, что придумали, до конца допеть»,— подхватывают молодые голоса.

Но вот кончается песня. И друзья забрасывают меня вопросами. Их интересует буквально все. Я вспоминаю о днях уже далеких, но всегда близких моему сердцу, рассказываю о выдающихся людях, с которыми посчастливилось встречаться, о наиболее интересных эпизодах своей журналистской жизни. Слушают внимательно. Постепенно все включаются в беседу. А потом снова вступает в свои права песня. Вот слова одной из них. Автор ее — усть-илимский инженер Хоменко.

На усть-илимских островах закат, закат,
И сосны в гаснущих лучах молчат,
молчат,
Как стражи верные, храня покой земли,
«Лосята» грустные стоят, как корабли...

И припев:

Мы создаем в тайге моря
И вдаль уйдем.
Бросаем снова якоря
В краю глухом...

И, как говорится, из песни нельзя выкинуть ни единого слова, потому что в ней правда. Многие устьилимцы действительно мечтают бросить свои якоря дальше, на Богучанах, где будет строиться следующая гидростанция ангарского каскада.

...Стрелки часов приближаются к полуночи. Вечер пролетел быстро, незаметно. Нам очень не хочется расставаться, и мы уславливаемся в ближайшие дни встретиться вновь. Девчата и ребята идут меня провожать до гостиницы. Ночное небо отсвечивает в величавой глади Ангары. Скрип наших шагов звонко раздается по притихшим усть-илимским улицам. Живительно вливается в легкие морозный, чистый воздух.

...Время на Усть-Илиме бежит незаметно. Пришла пора расставания. Я получила множество поручений от своих друзей. И самые разные. Одни просят договориться с художественным институтом имени Сурикова — хотят пригласить студентов на дипломную практику в Усть-Илим, помогать строить красивый новый город. Другие — передать в бюро пропаганды Союза писателей, чтобы почаще присылали сюда поэтов и прозаиков. А мой большой друг и спутник по Усть-Илиму Владимир Оборин, создающий летопись стройки, просит прислать ему хорошую фотобумагу.

До свидания, Илим! До скорой встречи, Илим! Я живу Усть-Илимом, его делами, заботами, победами. Все идут и идут ко мне письма друзей. Мы вместе обсуждаем многие дела. Еще будучи там, а затем в Братске, по мере своих сил хлопотала я, чтобы ускорили строительство клуба. А потом мы вместе с ребятами и девчатами думали, как его назвать, и остановились на «Гренаде»: одна из первых улиц в Усть-Илиме носит имя Михаила Светлова. Сбылось желание поэта никогда не расставаться с комсомолом, вдохновлять своей поэзией молодость на новые большие дела.

ЛЬЮ!

...Помню, зимним московским вечером ко мне ввалился в тулупе и в валенках, с лыжами в руках секретарь Усть-Илимского райкома комсомола Анатолий Фролов.

— Толя, какими судьбами? Неужели от самого Усть-Илима на лыжах?..— шутила я, приветствуя дорогого гостя.

— Да нет, посмотрите, какие великолепные лыжи купил в Москве.

Анатолий долго рассказывал об усть-илимских новостях.

...Прошло уже четыре года с тех пор, как в последний раз я была на Усть-Илиме. А его ветры всё не давали мне покоя, настойчиво звали в дорогу. И я снова помчалась к Толстому мысу.

Четыре года! Для истории — мгновение! А за это «мгновение» устьилимцы перегородили Ангару у Толстого мыса высоченной плотиной. Крупной рябью билась о бетонное тело покоренная река. Отныне ей и здесь предстоит давать электроэнергию, трудиться на благо человека.

Во втором котловане стремительными темпами воздвигается здание ГЭС. Объем одного только машинного зала — около двухсот тысяч кубических метров. Представьте себе помещение, в котором свободно разместится десяток пятиэтажных девяностоквартирных домов! Все это гигантское сооружение скоро будет готово. Три первых агрегата должны быть пущены в 1974 году. И так будет! Порукой тому самоотверженный труд людей пятидесяти национальностей, приехавших сюда со всех концов нашей Родины. У подножия Толстого мыса плакат: «Усть-Илим строит вся страна!»

...Можно часами стоять на вершине Толстого мыса и глядеть на величественную панораму стройки. Мчатся по верхней и нижней эстакадам бетоновозы. Высоченные серебристые краны подхватывают бадьи и плавно подают бетон в опалубку. Я останавливаю свой взгляд на желтом портальном кране. Его хозяйка — Надя Рябушева. Взметнувшись под самые небеса, она восседает в своей кабине и поглядывает из окошка на товарищей, укладывающих бетон, ритмично поворачивает стрелу крана. Надя — высокая, красивая, с внимательными и улыбчивыми голубыми глазами, отличник производства, активная общественница, член райкома партии. В партию она вступила в знаменательный день перекрытия Ангары. На слете молодых передовиков производства в Москве Рябушева представляла комсомолию Усть-Илима. Свою профессию крановщицы она освоила еще в Братске на кране под номером семь и с ним не расстается уже более десяти лет. Вместе с ним приехала на Усть-Илим.

...На вершине Толстого мыса в синей избушке поселился Ваня Горелов. Прибыл он сюда из Липецкой области, а его помощник Андрей Кравченко — с Северного Кавказа, где окончил политехникум в Нальчике. Обосновались они здесь неспроста. Задумано важное дело. Ведь обычно температура и упругость бетона плотины измерялись довольно сложно. Ходили операторы с громоздкими приборами и на каждом участке производили замеры. А нельзя ли придумать более простой и рациональный способ? Эта идея не давала покоя друзьям ни днем, ни ночью. Ваня Горелов перевернул, кажется, все реферативные журналы мира по этой специальности. Вот наконец они с Андреем соорудили изящный прибор-шагоискатель, который на расстоянии по вашему приказу сам замеряет нужную точку плотины. Установлен он будет на одном из ее участков. Прибор этот вдвое уменьшит число людей, требующихся на такой операции, и даст около сорока тысяч рублей экономии. Но на этом парни не остановились. Вместе с инженером Сергеем Соловолым, который представляет на Усть-Илиме Всесоюзный научно-исследовательский институт гидротехники имени Веденеева, они решили узнавать о самочувствии плотины с помощью радиоактивного элемента, установленного в бетонной скважине плотины. Он излучает жесткие рентгеновские лучи, и по количеству импульса отраженных лучей можно будет судить о плотности бетона. Но и это не все! Ваня по секрету сообщил, что у них созрела мысль применить для этого важного дела ультразвук. Вот он-то и будет с помощью осциллографа сообщать все сведения в избушку, в которой расположились молодые исследователи.

...К моему давнему знакомому инженеру Владимиру Фрейдману, который сумел на «лосятах» сэкономить миллион рублей, пробиться на прием довольно трудно. Теперь он заместитель главного инженера управления строительства. Его с раннего утра до позднего вечера атакуют представители различных институтов, заводов Москвы, Ленинграда, Братска. Но вот, наконец, поздно вечером он выкраивает для меня полчаса.

— Вы уж извините, у нас сейчас самая страдная пора: в семьдесят четвертом — пуск агрегатов станции. Времени осталось мало, а дел непочатый край. Чтобы уложиться в сроки, надо вносить такие коррективы в проект, которые бы дали большую экономию и сократили требуемое число людей.— Владимир Борисович пояснил, что Усть-Илимская ГЭС строится по сравнению с Братской на новом, более прогрессивном техническом уровне. Эти коррективы вносили очень многие организации совместно с Братскэнергостроем и, конечно, коллективом самой Усть-Илимской ГЭС.

— Вот, например, для усовершенствования укладки бетона внедряем разработанные нами универсальные консольные опалубки с крышками-тепляками. Они в четыре раза сократят трудовые затраты по монтажу и демонтажу опалубок, снизят расход металла в четыре, а пиломатериалов — в 25 раз, дадут возможность механизировать операции по разравниванию и уплотнению бетонной смеси в блоке. А это очень большой выигрыш в рабочей силе!

Владимир Фрейдман увлеченно рассказывает о технических новшествах, которые сэкономят почти 10 миллионов рублей и ускорят ввод в строй первых агрегатов.

Не только ГЭС строится такими стремительными темпами, но и сам город! Здесь уже много крупнопанельных пяти- и девятиэтажных домов. Много магазинов, столовых, кафе, великолепный ресторан, названный в честь островков «Лосята». Каждую пятницу и субботу здесь играют свадьбы.

Есть тут и музыкальная школа и множество детских садов. И ателье мод. И три библиотеки. Одна из них, самая большая, районная, насчитывает около 40 тысяч книг и среди них сотни — с автографами известных советских писателей: часть я привезла несколько лет назад, часть — теперь. Такие книги поступают сюда непрерывно. Многое делают шефы — библиотеки имени В. И. Ленина и Союза писателей. А носит районная библиотека имя моего отца — революционера-литератора Николая Семеновича Клестова-Ангарского. У входа висит его портрет, написанный художниками Усть-Илима.

...Я тороплюсь на встречу с читателями этой библиотеки. О многом я обязана рассказать моим молодым друзьям: о том, как боролись за их счастливое сегодня несколько поколений сынов и дочерей нашего народа, о том, как зарождалась пролетарская литература, у колыбели которой стоял и мой отец. Я чувствую огромную ответственность. Перед глазами встает образ отца, его друзей — старых большевиков. Вспоминаю свою последнюю встречу с Еленой Дмитриевной Стасовой. Прощаясь, она сказала мне:

— Передай отважным, дорогим устьилимцам, что мы верим в них, гордимся их трудовыми подвигами. Я уверена, что они воздвигнут мощнейшую ГЭС, великолепный современный город...

И устьилимцы с честью оправдывают надежды и чаяния старых коммунистов. Они своим великим трудом претворяют в жизнь самые смелые мечты борцов революции.

...Недавно в жизни моих сибирских друзей произошла радостная перемена: поселок Усть-Илим стал городом Усть-Илимском.

Алеша

Нерушимые узы братства связывают Советский Союз и Народную Республику Болгарию. Каждый день приносит новые подтверждения того, как искренни и глубоки чувства дружбы, объединяющей наши народы. Об этом говорит и письмо, которое пришло в «Огонек» накануне отмечаемой 18 марта 26-й годовщины Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ.

Дорогие товарищи! Обращаюсь к вам, потому что всегда с удовольствием читаю ваш журнал. В Пловдиве есть памятник советскому воину. Он очень дорог и мил всякому болгарскому сердцу. У его подножия всегда многолюдно, всегда живые цветы. В Болгарии памятник ласково зовут «Алешей». Историю этого имени я и хочу рассказать.

В сентябре 1944 года болгарский народ встречал на своей земле Советскую Армию-освободительницу. Я работал тогда на почтамте в Пловдиве и познакомился здесь с бойцами из роты связи капитана Калашникова — Ваней, Мишей и Алешей (к сожалению, помню только их имена). Ваня — худенький, небольшого роста, Миша — высокий, всегда с улыбкой. Алеша был рослый, плечистый, с русым чубом и чистыми синими глазами, весельчак, родом, кажется, из Барнаула. Я полюбил их как братьев. Подразделение долго стояло в Пловдиве. Однажды Ваня сказал, что он бы очень хотел побыстрее надеть гражданский костюм. Я и мои товарищи решили сделать ему такой подарок. Собрали талоны — тогда еще были карточки, купили добротный отрез, и знакомый портной сшил Ване костюм. Столько радости доставили мы этому парню, выросшему на войне и, может быть, никогда не снимавшему гимнастерки! Когда Ваня надел обновку, Алеша ему сказал: «Ты просто живая модель для памятника!» А Ваня ответил: «Нет, Алеша, ты у нас настоящий русский богатырь, и лучшей модели скульптору не найти!» Все засмеялись и согласились, что памятник советским воинам непременно должен быть похож на Алешу.

Прошло несколько лет после окончания войны, и в Болгарии был объявлен конкурс на лучший проект памятника советскому воину в Пловдиве. Когда началось строительство, я часто приходил сюда, на Холм освободителей, и смотрел, как поднимается фигура советского солдата. Однажды рассказал рабочим о своем друге и на одном из камней написал: «Алеша». Имя полюбилось строителям, и они уже не называли скульптуру иначе, как «Алеша». А потом и весь Пловдив задолго до официального открытия монумента стал называть его этим именем.

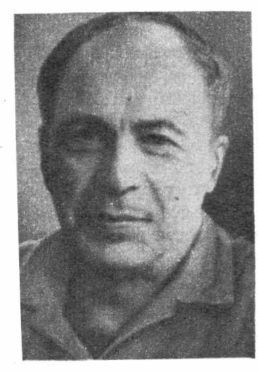
Любовь к России я храню со школьных лет. Отец, шахтер из Перника, много рассказывал о Советском Союзе. Мы, три брата, вступили в Рабочий союз молодежи, выпускали антифашистские листовки. Помню, в 1933 году мне посчастливилось достать книгу Михаила Шолохова «Тихий Дон» на болгарском языке. Она стала нашим оружием в борьбе.

Советские воины Ваня, Миша и Алеша были первыми гражданами вашей страны, с которыми я познакомился и которых полюбил на всю жизнь. Поэтому очень прошу вас: помогите мне отыскать их и установить с ними связь.

Методи ВИТАНОВ,
Пловдив, Болгария.

К 60-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА ВЫШЕСЛАВСКОГО

ВЗГЛЯД В МИР

В мае 1931 года в журнале «Молодая гвардия» появилось стихотворение «Бригада литейщиков». С ним вошел в советскую литературу молодой поэт Леонид Вышеславский. Когда началась Великая Отечественная война, он был уже автором сборника «Здравствуй, солнце!».

Все четыре долгих года Л. Вышеславский провел в Действующей армии — работал корреспондентом армейской газеты, писал стихи. Темы, которые принесла эта суровая пора, закалили поэзию Л. Вышеславского, сделали его почерк оригинальнее, увереннее. Уже тогда в стихах поэта возникает то философское отношение к миру, которое займет центральное место в его последующем творчестве.

«У морской чайки одно крыло длиннее другого, что неизбежно возвращает ее к родным берегам» — эти внешне сухие слова поставил он эпиграфом к стихотворению «Чайка», давшему название книге военной лирики поэта. Они нужны Л. Вышеславскому, чтобы создать проникновенный образ грядущей победы, которая виделась поэту еще в тяжкие дни отступления:

...Тебя,
мудрокрылая птица,
я видел над морем войны.
Нам было дано возвратиться!
Такими уж мы рождены!

В новых послевоенных сборниках Л. Вышеславского слышится мужественный ритм созидания, ощущается углубленный взгляд поэта-мыслителя, коммуниста на великие дела своей Родины, свидетелем которых ему довелось быть. Одним из первых открыл он для советской поэзии покоренные космические дали. Добрыми словами напутствовал первопроходец космоса Ю. А. Гагарин сборник Л. Вышеславского «Звездные сонеты», где в чрезвычайно емкой и сложной поэтической форме автор сумел воплотить грандиозную тему освоения человеком Вселенной.

«Простор» (1956), «Щедрость» (1960), «Гончарный круг» (1964) — в этих и других книгах талант поэта открывался читателю новыми гранями. Л. Вышеславского все более волнуют проблемы человека и природы, человека и мироздания, которые он разрешает, опираясь на лучшие традиции русского и советского поэтического искусства.

«Садовник» и «Лоно» — книги зрелых раздумий, пронизанные мыслью о бережном отношении ко всему живому, книги, в которых лирическое и философское начала поэзии Л. Вышеславского органически сливаются.

Дрожа от счастья, маленькая птица
в лазурь необозримую стремится,
и мир, что весь от зноя изнемог,—
цветастый, сочный, огненный, певучий —
сгустился не в туманы и не в тучи,
а в этот легкий, трепетный комок.

Мир живой природы, лики искусства, любовь естественно входят в эти книги, создавая полнокровный образ бытия человека, стремящегося постичь тайны земли.

Сегодня известный русский советский поэт Леонид Вышеславский, навсегда связавший свою жизнь и творчество с Украиной, в расцвете сил. Сад его поэзии зеленеет, пробуждая в благодарном читателе добрые, светлые чувства.

В. СТОГОВ

США

«ПИОНЕР» ИССЛЕДУЕТ ЮПИТЕР

340 цветных фотографий гигантской планеты Юпитер получили недавно американские ученые. Их передал на Землю космический аппарат «Пионер-10».

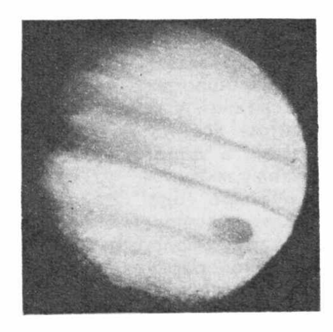
На снимках хорошо видны концентрические полосы серого, оранжевого, красновато-коричневого, желтого и синего цветов. На серебряно-сером фоне ярко выделяется знаменитое таинственное «красное пятно» Юпитера, интригующее астрономов уже три столетия. «Пионеру» удалось обнаружить у «красного пятна» невидимый с Земли хвост. Предполагают, что таинственное пятно — это восходящий столб газов в атмосфере планеты.

Выяснилось совершенно необычное для планет Солнечной системы явление: температура на поверхности Юпитера и днем и ночью одна и та же — минус 133 градуса. Почему это происходит? Мощная атмосфера Юпитера вращается с такой высокой скоростью, что увлекает на ночную сторону часть накопленного за день тепла, предполагают астрономы.

Установлен очень важный для дальнейших полетов к Юпитеру факт: уровень радиации планеты не превышает критического для электронной аппаратуры предела.

Кроме Юпитера, сфотографированы четыре его спутника. Один из них, Ганимед, похож на «летающее блюдце», висящее над планетой.

Космический аппарат «Пионер-10» прошел в 130 тысячах километров от Юпитера. Сейчас он вышел на траекторию, которая в 1987 году приведет его к орбите Плутона — самой дальней планеты Солнечной системы. Затем космический путешественник направится к созвездию Тельца, которого достигнет через 11 миллионов лет.

Юпитер, заснятый «Пионером-10».

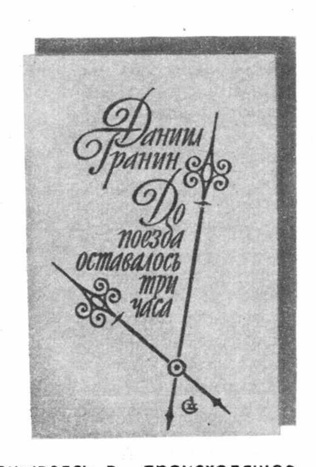
ФИНЛЯНДИЯ

«ЛЕТАЮЩЕЕ БЛЮДЦЕ»

Вид «космического пришельца» придала фантазия финских конструкторов водонапорной башне близ Хельсинки. «Летающее блюдце» приподнято на 69 метров над землей и служит ориентиром для судов, проходящих в Балтийском море. На вершине башни находится ресторан, из окон которого открывается вид на Финский залив и Хельсинки.

Водонапорные башни являются достопримечательностью Финляндии. Они почти всегда строятся на высоком месте, их внешний вид поражает архитектурной выдумкой и разнообразием отделки.

ПОСТОЯНСТВО И ПОИСК

По страницам книги Даниила Гранина проходят люди очень и очень несхожие. Вслед за погибшим на войне юным ленинградцем Вадимом появляется замечательный русский ученый начала прошлого века В. В. Петров, рядом с молодым диссертантом Александром Савицким встает блестящий французский исследователь и экспериментатор Араго; далее следуют наши современники, опять-таки во многом отличающиеся друг от друга. К тому же и ведет речь о них писатель по-разному: то оставляя своих героев с глазу на глаз с читателями, то деятельно вмешиваясь в происходящее, делясь своими соображениями, как бы становясь одним из действующих лиц. Развернутый рассказ и очень краткая, сжатая зарисовка, лирическая проникновенность и язвительность сатиры, притча и исторический «портрет», путевые раздумья и любовные переживания — вот как широка палитра прозы Гранина, как решительно меняет он краски повествования.

И вместе с тем перед нами отнюдь не произведения, случайно оказавшиеся под одним переплетом, а книга внутренне целостная, с прочными перекрестными связями, сложенная из частей разнородных, но взаимонеобходимых.

Единство это питается несколькими источниками. Прежде всего общностью тех интересов, что определяют направление мыслей и трудов действующих лиц,— все они люди науки.

Начиная рассказ о славном физике В. Петрове, писатель подчеркивает, что образы великих ученых волнуют нас более всего тем, *как* они добивались успеха. Тут и выясняется, что подвиг В. Петрова заключается в его умении преодолеть одиночество, разобщенность научных сил, характерную для того времени, в готовности трудиться для грядущего, понимая, что открытия, им сделанные, не сразу будут оценены и продолжены.

А француз Араго к намеченной цели шел, побеждая иные искушения и трудности, убеждаясь в том, что «творческий гений и злодейство несовместны», ибо «наука нравственна, и занятия наукой нравственны, они требуют бескорыстия, честности, товарищества».

Нет никакого сомнения в том, что Гранин полностью согласен со своим героем. В обрисовке человеческих отношений он придает решающее значение нравственной доброкачественности. При этом писатель далек от вневременного, отвлеченного морализирования. Ценность человека, его способность отстаивать, распространять добро и бороться со злом проверяются в жизненной гуще реальными поступками и решениями.

Об этом уже свидетельствует рассказ, открывающий книгу,— «Дом на Фонтанке». Главного героя его, Вадима, талантливого, многообещающего ученого, нет в живых: он был убит в самом начале Великой Отечественной войны. Но он существует в памяти родных и друзей. «Погиб великий физик»,— с горечью думает друг Вадима, от лица которого ведется рассказ, но мы понимаем, что достоинства погибшего не исчерпываются его талантливостью. Он был смел и отважен, оказывал сильное и доброе влияние на окружающих, его верность в дружбе соединялась с преданностью науке, сыновняя любовь — с гражданским и воинским мужеством.

Прямая линия от «Дома на Фонтанке» тянется к «Варианту второму». И здесь речь идет о даровитом

Даниил Гранин. До поезда оставалось три часа. Л. «Советский писатель», 1973, 360 стр.

ГОЛЛАНДИЯ

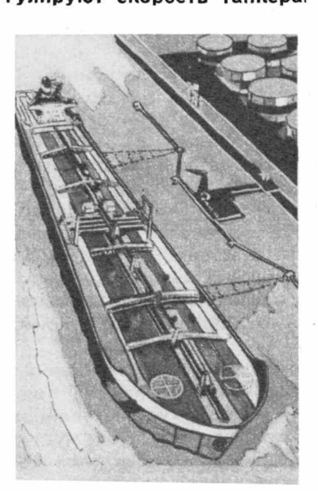
ЭЛЕКТРОННЫЙ ЛОЦМАН

Огромное тяжелое судно медленно подходит к причалу. Почти ювелирное искусство требуется от лоцмана, чтобы точно рассчитать, с какой скоростью должна корма, нос или борт гигантского танкера приближаться к стенке. Как правило, ударов избежать не удается.

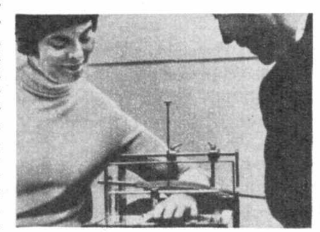
И вот на причале появился новый лоцман — электронный. Голландские инженеры разработали дистанционно-измерительное устройство, помогающее точно и аккуратно пришвартоваться гигантским нефтеналивным судам.

А выглядит это так: на стенке причала установлено световое табло, на котором зелеными, желтыми и красными сигналами отмечаются опасные, предельно опасные и безопасные скорости. Радиолокационное устройство, вмонтированное в стенку, непрерывно показывает расстояние между бортом, носом, кормой корабля и причалом, а также скорость, с которой танкер приближается к пристани.

Электронные приборы регулируют скорость танкера.

ФРГ

Устройство, определяющее гибкость кисти.

ФОРТЕПЬЯНО ИЛИ СКРИПКА?

«Если у вас абсолютный слух и вы хотите заниматься музыкой, обратитесь к нам, в институт Макса Планка, мы поможем вам правильно выбрать инструмент»,— говорит доктор Вагнер.

Ученые из этого института установили, что руки каждого человека приспособлены к игре на совершенно определенном виде музыкального инструмента. Например, человек сомневается, что лучше ему выбрать для игры — фортепьяно или скрипку? На этот вопрос безошибочно ответят приборы, сконструированные в институте Макса Планка. Они определят гибкость суставов, эластичность кисти, максимальное расстояние между пальцами, что очень важно для игры на фортепьяно. Другой прибор покажет, достаточно ли гибкости в суставах предплечья, чтобы достичь совершенства в игре на скрипке...

Результаты многочисленных экспериментов позволили ученым сделать теоретические расчеты для составления более эффективных упражнений и новой методики обучения музыкантов.

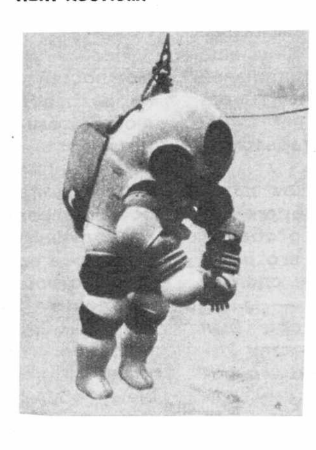
АНГЛИЯ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ДЖИМ

Джим — это глубоководный скафандр, позволяющий водолазу работать на глубине в 1 тысячу футов в течение 24 часов. Он защищает водолаза от кессонной болезни, возникающей при быстром подъеме на поверхность, и обеспечивает его воздухом на целые сутки. Кроме того, Джим несет на себе запасы пищи, фотоаппарат, телефон, необходимое для работы оборудование.

Новая модель глубоководного скафандра предназначена для подводных ремонтных работ.

Глубоководный водолазный костюм.

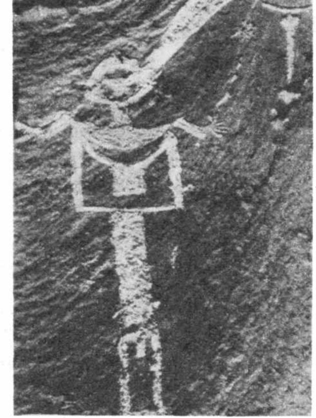

ФРАНЦИЯ

ДОЛИНА ЧУДЕС

«Повелитель племени» — так назвал французский археолог Анри де Лэмли одну из самых «видных» фигур, высеченных на скалах в Долине чудес. Свое название долина получила из-за странных рисунков, высеченных неизвестными древними живописцами чуть ли не на каждом камне.

Необычны и сюжеты и техника исполнения наскальной живописи. Кинжалы с овальными или удлиненными лезвиями и Т-образными рукоятками, крестообразные символы, геометрические фигуры и другие таинственные знаки образованы из групп мельчайших лунок, выгравированных на камнях каким-то острым инструментом. Всего здесь более двухсот тысяч рисунков.

«Повелитель племени».

Кто были эти люди? Когда жили и зачем украсили скалы удивительными изображениями?

Существует предположение, что создателями наскальных шедевров были древние карфагеняне, некогда жившие в районе Французских Альп. Однако Лэмли утверждает, что рисунки появились здесь гораздо раньше — в бронзовом веке между 1800 и 1500 годами до нашей эры. Но что же означают эти символы?

И тут Лэмли пришла счастливая мысль: а нет ли в музейных коллекциях предметов. похожих на рисунки из Долины чудес? Оказалось, есть! Ключ к разгадке был найден.

Трехгранный кинжал, изображенный древним художником, напоминал такой же предмет эпохи бронзы, находящийся в музее. Другие кинжалоподобные фигуры с Т-образной рукояткой и овальным лезвием походили на оружие среднебронзового века (1500—1100 гг. до н. э.).

Наконец, в работу включился компьютер, и с его помощью были приведены в систему известные факты и сделаны некоторые обобщения. Теперь Лэмли мог уже утверждать, что рисунки имеют символический религиозный смысл и в течение бронзового века Долина чудес представляла собой своеобразное святилище.

ИТАЛИЯ

НОВЫЕ НАДЕЖДЫ КОРОЛЕВЫ АДРИАТИКИ

В Италии создан комитет по спасению Венеции. Прямо на берегах Большого канала расположилась Лаборатория по изучению динамики больших масс. Венецианская лагуна как раз и является такой «большой массой».

Остров, на котором расположена Венеция, уже много веков медленно опускается в лагуну. Постоянное углубление каналов разрушило отмели, защищавшие город от морских волн. Теперь, особенно в штормовую погоду, вода заливает площади.

Чтобы выбрать оптимальный способ спасения Венеции, в разных местах города установлены станции и измерительные приборы. Ученые следят за перемещениями воды в каналах и лагуне, составляют математические модели, предсказывающие поведение водных потоков. Все эти исследования помогут создать защитное сооружение со стороны моря и найти способ предотвратить оседание острова.

Калейдоскоп подготовила О. ПЕРФИЛОВА.

том молодом ученом, чей путь оборвала война. Но он успел многое: оставил после себя работу, которая пролежала несколько лет у его матери, а затем была признана ценной и нужной. Обнаружил ее и сделал общим достоянием еще один начинающий исследователь. Пожертвовав собственной удачей, он признал, что его предшественник добился большего. Аспирант Савицкий не защитил диссертацию, но доказал свое право на научное творчество!

Еще одна грань нравственного кодекса социалистической науки освещена в повести «Кто-то должен». Здесь резко противостоят друг другу сосредоточенность ума, сердца и унизительная успокоенность; ощущение долга, порыв, длящийся годами, и легкое, беспечное, бесплодное существование. Справедливое, точное противопоставление! Однако, заботясь, должно быть, о наибольшей его наглядности, писатель заставил поменяться местами, поочередно побывать на полярных позициях — то в положении вдохновенного искателя, то в положении благополучного обывателя—двух ученых, двух людей, совершенно различных по своему душевному складу. И в этой аккуратной перестановке, произведенной лишь по воле повествователя, без крепкой опоры на человеческие характеры, имеется доля авторского «самоуправства», а оно обычно оборачивается заданностью, нарочитостью, снижающими убедительность повествования.

Д. Гранин сам, заключая «Повесть об одном ученом и одном императоре», отлично охарактеризовал доступную художникам радость «вжиться в судьбу давно ушедшего человека, очутиться вместе с ним в каком-то дне его жизни...». Так вживается писатель и в судьбы своих современников, постигая, воплощая внутреннюю логику их помыслов, настроений, поступков. В этом слиянии жизненной полноты изображения и проницательности деятельной писательской мысли — основа обаяния, свойственного и романам «Искатели», «Иду на грозу» и собранным здесь рассказам и повестям.

И в повести «Дождь в чужом городе» дают себя знать присущие Гранину тонкость анализа и строгая определенность нравственных критериев. Может показаться, что здесь попросту воспроизведены «сердечные неприятности», постигшие уравновешенного и здравомыслящего Чижегова. Но это не так. Безо всякой авторской подсказки убеждаешься в том, как сильна власть любви, как неотвратимо, грозно вторгается она и в сердце, не подготовленное к ее восприятию, озаряя его непривычным, тревожным светом, порождая действия странные и непредвиденные. При всем кажущемся спокойствии изложения видишь, как ненавистна писателю духовная глухота, неразвитость изображаемого им человека, как безжалостен он к грубости, нечуткости, к моральным компромиссам и уступкам.

Внутренняя устойчивость, последовательность свойственны и тем героям Гранина, какие могут считаться его единомышленниками. Поэтому и описанная в «Саде камней» зарубежная поездка, совершаемая в такую своеобразную, сложную страну, как Япония, органически входит в эту книгу и в биографии людей, здесь выступающих,— журналиста Глеба Фокина и ученого Николая Сомова. Оба они рассказывают поочередно о виденном и слышанном во время совместных странствий, и эта «двойная подсветка» дает возможность писателю рельефнее запечатлеть картины далекой жизни, непривычного быта. Одновременно мы замечаем, что мечтательный журналист способен на точные, глубокие наблюдения и характеристики, а трезво мыслящий физик умеет воображать и волноваться, негодовать и сочувствовать. Люди социалистического общества, они могут оценивать по достоинству хорошее и плохое: дворцы и трущобы, мудрую тишину Сада камней и нелепую, грохочущую суету игральных автоматов. Человек, который отправляется в новый для него край не с пустой душою, многое увидит, узнает, поймет и за недолгий срок! Вот такие люди и дороги Гранину.

Читателям интересно знакомиться с ними. Мы помним, что первый роман Гранина назывался «Искатели». Это определение применимо не только к действующим лицам его последующих произведений, но и к самому писателю. Неизменный в своих убеждениях и взглядах, он ищет новых героев, новые факты, новые образные связи, словесные краски, повороты повествования, углы зрения. И этот поиск плодотворен.

И. ГРИНБЕРГ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

РАЗОБРАЛСЯ ЛИ РЕЦЕНЗЕНТ В «СИТУАЦИИ»?

Дорогая редакция!

После просмотра спектакля «Ситуация» по пьесе В. Розова в Театре имени Вахтангова у меня осталось тяжелое, подавленное состояние. И недоумение. Одеваясь, я слышал возмущенные реплики зрителей. Да и как было не возмущаться, если герой пьесы, рабочий-изобретатель Виктор Лесиков, встретив на своем пути вымогателя и взяточника мастера Игната Кашина, трусливо спасовал перед ним... Нет, трудно поверить в жизненность такой ситуации!.. Как правило, подобные «ситуации» если и встречаются в жизни, то заканчиваются у следователя. Уж больно примитивная ситуация! Но передовой рабочий оказался настолько наивным, что испугался шантажа, испугался «зловещего» Кашина, пригрозившего рассказать на заводе о «скупости» Лесикова,— тогда, мол, все отвернутся от него.

Борьба с Кашиным — дело неприятное. А тут еще и в семье с женой нелады. Так уж лучше не осложнять себе жизнь, рассуждает Виктор. Он против борьбы, где нужны душевные затраты. «Душу ни за кого, ни за что и ни при каких обстоятельствах». Ему не стыдно занять позицию обывателя: я, мол, честен, а остальное меня не касается.

Поведение Виктора возмущает его друзей — Нонну и Антона, но Виктор в нравственном отношении считает себя на высоте положения. Зачем, мол, мне, изобретателю, заниматься кляузно-меркантильными делами. Мое дело — изобретать!.. Так решают моральную проблему герой и автор. Но, увы, с подобным решением нельзя согласиться. Оно глубоко ошибочно.

В журнале «Огонек» № 31 за 1973 год я с большим интересом прочел обстоятельную рецензию критика Н. Толченовой на пьесу В. Розова «Ситуация» и ее постановку в московских театрах. Меня обрадовала эта принципиальная рецензия не только полным совпадением моих оценок с критиком, но и глубоким анализом: это объективное, доказательное рассуждение о творческой неудаче драматурга и попытках театров «вытянуть пьесу».

Но вот, раскрыв «Литературную газету» от 27 февраля 1974 года, читаю статью «На главном направлении» за подписью «Литератор» о наших современниках в драматических произведениях.

Каково же было мое удивление, когда я прочел абзац, где восхваляется «Ситуация» В. Розова, а позиция критика «Огонька» без особых, впрочем, доказательств начисто отброшена.

Я считаю, что очень уж легко и просто «решил» вмешаться «Литератор» в аргументированный спор критика с драматургом. Уж очень безапелляционно вынес «приговор» критику! Считаю, наконец, что вольно или невольно «Литератор» проявил свое пренебрежение к критике. Такой метод в «полемике» не заслуживает уважения.

Нельзя не удивиться и запоздалой «защите» драматурга. Здесь, конечно, не существует «процессуальных сроков», как в юриспруденции, но газета — оперативный орган и обязана быстро откликаться на незаслуженно обидные выступления, да еще связанные со столь важной общественной темой! Каков же эффект от выстрела, прозвучавшего спустя семь месяцев после статьи Н. Толченовой?.. И чем же все-таки объяснить столь заторможенную реакцию газеты? Растерянностью? Отсутствием четкой позиции?.. Но газета высказала свое отношение к «Ситуации» еще в начале мая 1973 года рецензией Т. Чеботаревской «Трудный перекресток».

Что же писала Т. Чеботаревская? Приведу ее слова.

«Рабочий Виктор Лесиков получил патент на свое изобретение. Счастливые, а потому особенно добрые Виктор и Антон, его друг, придумывают, кому какие сделать подарки. Чтобы у всех — а не только у одного Виктора был праздник. Но приходит мастер Игнат Васильевич и говорит, что подарки делать не надо, а ему, мастеру, с изобретателя полагается тысяча рублей. Все. Что же дальше? Сражения героя за свои, заработанные?.. Нет. Сражения эти ведет с яростью Антон, но от Виктора он и благодарности не получает. Герой не хочет заменить нравственный итог своего дела, столь нужного современному производству, а значит, и современному рабочему человеку, результатом не то чтобы меркантильным, но все-таки куда менее значительным, чем его творческий эквивалент».

Далее в рецензии говорится следующее: «Свой тезис о том, что делать свое дело надо хорошо и вовсе не для того, чтобы немедленно получить за него плату, Виктор Лесиков доказывает совершенно неожиданно. Уже убежденный Антоном, рьяно сражающимся за его же, Виктора, права, взвинченный возмущением матери, а главное, боясь, что его юная, стремительная жена, уже наделавшая долгов, очередной раз сбежит из дома, Лесиков идет к директору завода. Виктор Лесиков (артист Н. Волков) с видимым для нас трудом преодолевает не внутреннюю инертность и не робость (что кажется сперва), а те нравственные представления, которыми он живет. Лесиков уходит со сцены, расправив плечи и выпятив губы; решительный борец за маленькое, в размере четырех тысяч, свое личное счастье. А возвращается через несколько минут, улыбаясь смущенно и радостно,— свои сомнения и тревоги окружающих он «перекрыл» новым изобретением. На его заводе втулки не будут гореть даже на очень больших скоростях. Их надо делать не из металла, а из пластмассы! И пришла Лесикову эта мысль в голову, когда он, не спеша на тягостное свидание с директором, остановился у доски объявлений...»

Итак, не взяточничество, приносящее огромный материальный и моральный ущерб обществу, увидела здесь Т. Чеботаревская, а всего лишь борьбу «за маленькое, в размере четырех тысяч, личное счастье»!

Но в пьесе так оно и есть... Тут спорить не о чем!

Однако же, подводя итог, автор рецензии заключает:

«Ситуация важна прежде всего как разработка нового аспекта в разговоре о нашем современнике. Разоблачение мастера-взяточника тоже, вероятно, могло бы стать темой пьесы. Но здесь это не главное. Есть в ситуации, рассказанной Розовым, кое-что более важное».

Нельзя возражать против возможностей и прав любого автора на разработку «нового аспекта» любой темы. Но ведь не всякая разработка заранее заслуживает общественного внимания. И разве можно считать положительным героем человека, который остается равнодушным к общественному злу, даже если он своим бескорыстным отношением к труду приносит пользу нашему обществу?! А как примириться с нравственной тупостью «героя», который объективно потворствует чуждым нашему обществу нравам, поскольку взяточник остается в пьесе неуязвимым.

По мнению В. Розова и солидарной с ним Т. Чеботаревской, не стоит заострять внимание на Кашине: есть, мол, «кое-что» более важное в «Ситуации». Так почему бы не назвать это «кое-что» своим собственным именем?..

Назвать, однако, нечего, когда критика носит только комплиментарный характер.

Рецензия Н. Толченовой в «Огоньке» появилась спустя три месяца после отзыва на «Ситуацию» в «Литгазете». Оценки журнала были косвенно полемичны с высказыванием критика Т. Чеботаревской, и теперь газета не нашла ничего лучшего, как сделать запоздалый «разнос» Н. Толченовой. Но пафосные заклинания, подменяя предмет спора, не могут служить доказательством. Вопреки мнению «Литератора» столкновение рабочего-изобретателя с хапугой-мастером предстало в пьесе В. Розова не как жизненный конфликт, а как явление тепличное, камерное, оторванное от жизненных связей. Критик Н. Толченова права, когда пишет, что слишком уж многие обстоятельства современной советской жизни оставил автор пьесы за бортом! Живая жизнь отнюдь не представляет нерешенным вопрос, кто сильней: Виктор Лесиков или Игнат Кашин. И трудно, просто невозможно согласиться с тем, что прекраснодушный «герой» проигрывает схватку со злом в наших нынешних условиях, среди нынешних рабочих людей. Их облик, их поведение, весь образ жизни и мышления в пьесе В. Розова изображены в странно искривленном, изломанном ракурсе...

Трудно не согласиться с рассуждениями Н. Толченовой. Они основаны не на логике бутафорских «героев», а на очевидной реальности сегодняшней советской жизни.

Статья «На главном направлении» не безупречна и в других утверждениях. Она без анализа восхваляет пьесы очень разные или имеющие между собой мало общего...

Подлинно хозяйскому отношению к творчеству противопоказаны самодовольство, парадность. И не случайно с тревогой заметил драматург И. Дворецкий в своем письме в «Правду»: «Однако приходится слышать формальные отчеты или статьи, где и такое сказано: «За три года написано 135 пьес на производственную тематику». И ничего при этом не говорится о качестве. А косяки слабых пьес проникают в театры. Звание «производственная» становится для подобных пьес как бы лазейкой в храм Мельпомены. В итоге подлинно творческая жизнь, насыщенная счастьем, страданиями, всеми человеческими эмоциями, жизнь, возвышающая нас, выглядит мнимо конфликтной и примитивной».

Думается, многое может сделать «Литературная газета» для повышения идейно-художественного уровня драматургии. Почему же на ее страницах не находится места для критического разбора ремесленных произведений, тех косяков слабых пьес, о которых упоминает Игнатий Дворецкий?

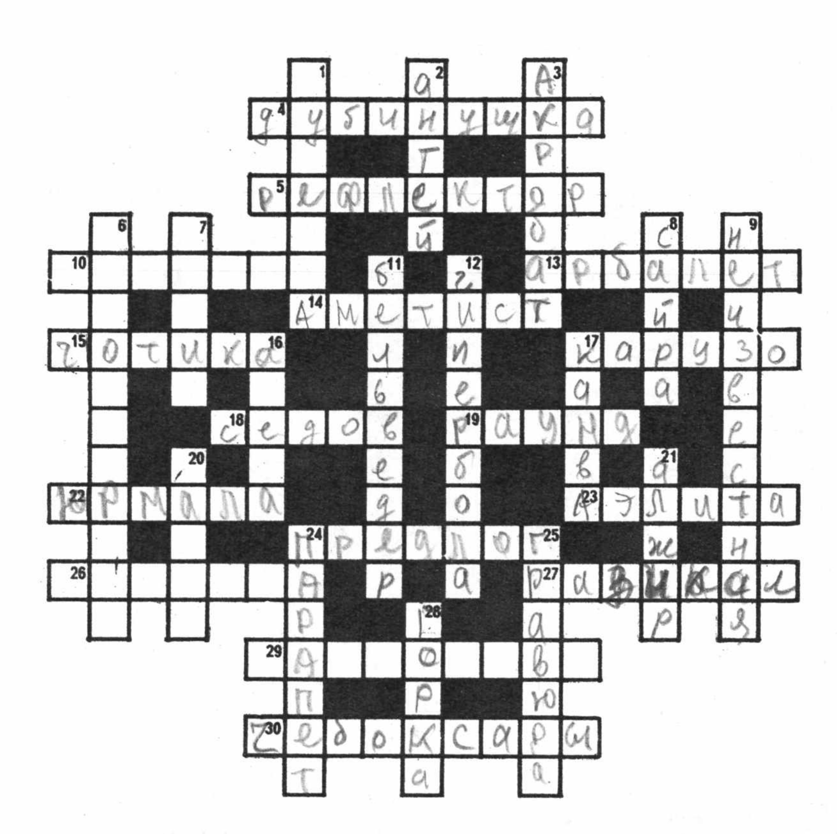
Или вот еще пример. Газеты «Советская культура» и «Вечерняя Москва» подвергли принципиальной критике пьесу «Гражданское дело» С. Алешина в постановке Театра имени Маяковского. Речь идет о серьезной неудаче известного драматурга и театра; нашлось бы о чем поговорить по этому поводу и «Литературной газете». Но опять-таки газета молчит...

Примеры можно продолжить. Журнал «Театр» регулярно печатает новые пьесы, но не всегда ясны театрам их художественные достоинства. Позаботиться об этом также могла бы «Литературная газета»!

С уважением Ваш читатель
Иосиф ЛЕОНТЬЕВ

Москва.

В 13-м и 14-м номерах «Огонька» будет опубликован рассказ известного английского писателя Джеймса Олдриджа «Последний лось».

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русская народная песня. 5. Отражатель. 10. Съедобный гриб. 13. Метательное оружие. 14. Полудрагоценный камень. 15. Стилистическое направление в европейском искусстве в XVIII веке. 17. Итальянский певец. 18. Русский полярный исследователь. 19. Промежуток времени в схватке боксеров. 22. Приморский курорт в Латвии. 23. Научно-фантастический роман А. Н. Толстого. 24. Часть речи. 26. Морской моллюск. 27. Математический знак. 29. Огромная ископаемая ящерица. 30. Столица Чувашской АССР.

По вертикали: 1. Рассказ А. П. Чехова. 2. Герой древнегреческой мифологии. 3. Цирковой артист. 6. Областной центр в РСФСР. 7. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 8. Тихоокеанская промысловая рыба. 9. Картина И. Н. Крамского. 11. Надстройка над зданием. 12. Преувеличение. 16. Повесть А. И. Куприна. 17. Хлопчатобумажная ткань для вышивания. 20. Музыкально-драматическое произведение. 21. Государство в Африке. 24. Ограда моста, набережной. 25. Оттиск рельефного рисунка. 28. Стеклянный шкаф для посуды.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 5. Атмосфера. 8. Купе. 9. Алей. 10. Анкер. 12. Джером. 13. Колумб. 17. Элеватор. 18. Сырдарья. 19. «Идиот». 20. Перископ. 22. Ипподром. 26. Арагац. 27. Боксер. 28. Пряжа. 30. Утка. 31. Айва. 32. Джорджоне.

По вертикали: 1. Баженов. 2. Смола. 3. Кефир. 4. Саратов. 6. Дулебов. 7. Секунда. 11. «Камаринская». 12. Джульетта. 14. Бульдозер. 15. Скрипка. 16. Пастила. 21. «Иоланта». 23. «Детство». 24. Шаланда. 25. Токарев. 28. Посол. 29. Аргон.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Народная артистка Киргизской ССР Кайыргуль Сартбаева — Чио-Чио-Сан в одноименной опере Д. Пуччини. См. в номере «Талант прежде всего».

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/II—1974 г. А 00532. Подписано к печ. 13/III—1974 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 698. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1876.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

«ЦАРЬ ФЕДОР» НА СЦЕНЕ МАЛОГО

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Идет юбилейный, стопятидесятый сезон Малого театра.

Радостно видеть у театрального подъезда, возле знакомой с детства, чуть понурившейся задумчиво в своем каменном кресле фигуры Островского, ежевечернюю толпу зрителей.

В дни, когда в Малом идет «Царь Федор Иоаннович», толпа эта еще более уплотняется. Тут и коренные театралы-москвичи. И точно такие же одержимые театралы — с самых разных концов страны. «Не повидавши «Федора», домой не уедем»,— сказали нам, например, двое красноярцев.

О постановке, созданной главным режиссером Малого театра Б. И. Равенских, уже написано немало интересного театральными критиками и еще больше высказано в горячих спорах и размышлениях публики.

Спектакль необычен и нетрадиционен. Режиссер предложил сложную, психологически глубокую трактовку давней пьесы А. К. Толстого. И она рождает у каждого зрителя свое неповторимое восприятие, свое личное отношение к спектаклю.

По замыслу Б. И. Равенских, речь идет не просто об исторических событиях на Московской Руси в конце XVI века, но о нравственном облике, о моральной позиции героев, решающих судьбы государства и народа.

Проблема личного долга. Проблема совести. Вот что более всего интересует постановщика в пьесе, в поступках и поведении персонажей — всех до единого. Он и ставит их всех перед этой проблемой — лицом к лицу. И беспощадно заставляет участников спектакля — каждого в своих собственных, моральных, жизненных обстоятельствах — решать эту проблему до конца. Решать с полной отдачей внутренних сил, крупно, мощно.

Такое решение неизбежно и становится трагедийным. Это ярко выявлено Б. И. Равенских как в основном конфликте пьесы, так и во всех, казалось бы, побочных ее сюжетных линиях. Ибо режиссер прослеживает главное в тех давних коллизиях, во всех противостояниях человека человеку: совесть у всякого была своя, и всякий понимал и осуществлял свой долг по-своему, не ведая, в чем общее благо.

Неведомы секреты народного блага даже и тем героям, которые, видимо, стремятся к нему,— и столь чистосердечно, как царь Федор и князь Шуйский... Поэтому-то оба они — искреннейшие поборники чести и справедливости у И. Смоктуновского и Е. Самойлова — становятся, как им это ни больно, скрытыми противниками, антиподами... И оба гибнут в невидимых глазу сетях, которые обдуманно, неспешно расставляет им, обеспечивая себе власть, а в будущем и трон, Годунов — В. Коршунов. Он целиком поглощен собой; и даже убийство Шуйского пока не будет тяготить его душу... А рядом с ними, любя, сострадая им всем, но не умея помочь, замкнутая в том же глухом одиночестве Ирина Г. Кирюшиной. Робко, но самоотверженно пытается она связать, соединить все эти рвущиеся и вот уже навсегда, непоправимо порванные узы... Трагизм, безнадежность ее усилий вносят в звучание спектакля еще одну щемяще высокую ноту... Образ Ирины, весь его настрой вообще чем-то сродни, по-моему, удивительной музыке, написанной Г. Свиридовым к «Царю Федору».

И. Смоктуновский играет заглавную роль до предела обостренно. Вся творческая манера исполнения мало сказать эмоционально насыщенна — порою даже надрывна. Но и это, думается, идет в русле главного замысла постановки, отвечая общей задаче ансамбля: предельно выявить внутренние противоречия не только героев, но и самого времени, самой эпохи.

Артист не боится показывать своего героя порою вовсе жалким в его бескорыстном, но беспомощном тяготении к правде. А то вдруг становится даже и весьма значительным,— поражает яростью переживания. Особенно это чувствуется, когда высокая фигура царя, четко вылепленные черты лица обретают явственное сходство с Иваном Грозным, отцом Федора, что, по всей вероятности, тоже было предусмотрено и постановщиком спектакля и художником Е. Куманьковым... Хотя

даже и в эти редкие мгновения Федор не грозен. Более того, не властен, что вызывает скрытый гнев и обиду у Шуйского — Е. Самойлова, чья независимость, страстная убежденность в своей правоте, мужество и достоинство, быть может, причиняют горшую муку Федору, чем даже хитрые, тайные, далеко идущие планы Годунова.

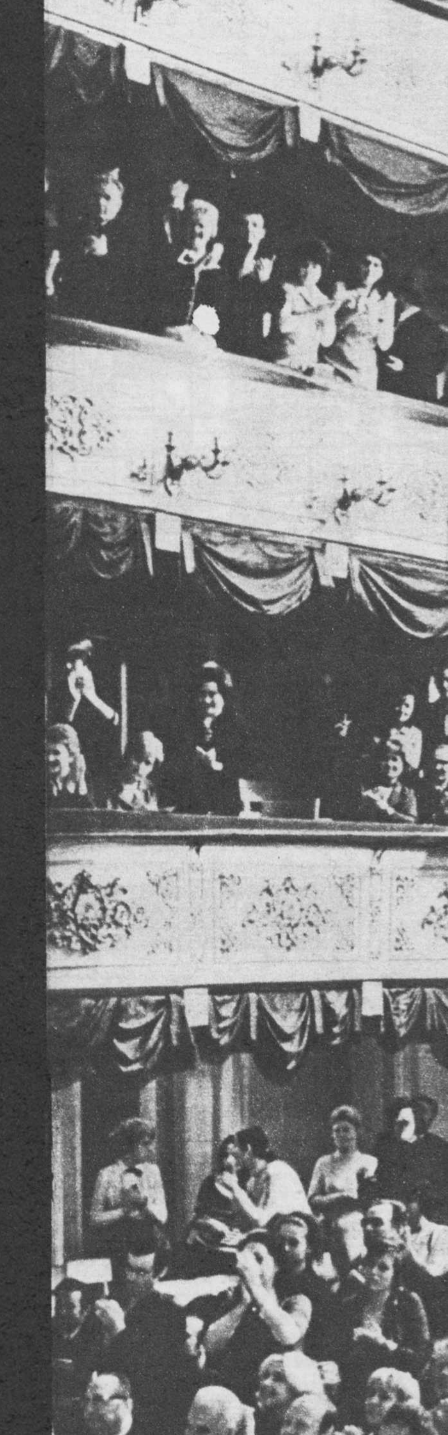
Впрочем, такая же точно сила нравственной убежденности оборачивается у митрополита Дионисия — Е. Велехова полной отрешенностью от «мирских» забот и вообще от человека. Боярин же Луп-Клешнин, сыгранный В. Хохряковым, ту же самую внутреннюю убежденность своего героя наполняет тяжелой недоверчивостью, мрачной готовностью к преступлению ради пользы «дела»! А нанятая им в мамки к царевичу Дмитрию алчная старуха Волохова Е. Шатровой вообще не знает совести, она ей ни к чему: убийство малого ребенка ее не испугает...

Все эти события, судьбы, нравы органично смыкаются между собою, сплавляются в живую, горячо пульсирующую, напряженную жизнь, определяя столь важный для нас внутренний мир героев. Он тем более существен, что тема болезненного, трагического одиночества царя как раз тут, на этих решающих психологических стыках, достигает своего апогея.

Временами Федор, раздираемый несопоставимыми требованиями, мольбами, уговорами — всем скрытым, а то и открытым напором окружающих,— словно уже и совсем перестает их слышать: шепчет сам себе какие-то невнятные, неразличимые слова — все равно откликнуться некому!

И неотвратимо, трагически множатся вокруг царя беды, утраты, смерти, разочарования...

Постановка Б. И. Равенских дает все основания говорить, что нынешний театр, будучи проявителем духовной силы своего народа, идет все дальше к постижению жизни людей, жизни общества. К пониманию могучих движений души, скрытых законов, управляющих личностью и в то время, когда человек остается наедине с собой, и когда предстает как малая, но весомая частица человечества.

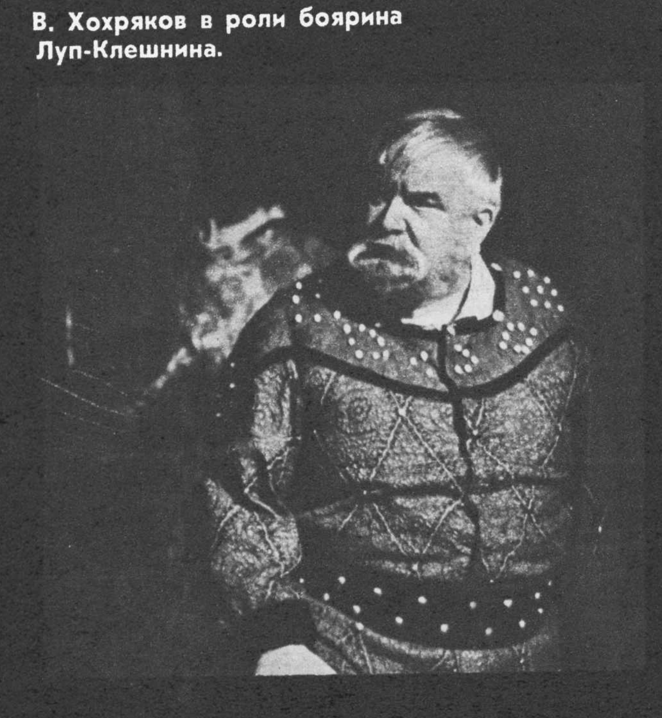

«Царь Федор Иоаннович». Заглавный герой — И. Смоктуновский.

Зрительный зал Малого

В. Хохряков в роли боярина Луп-Клешнина.

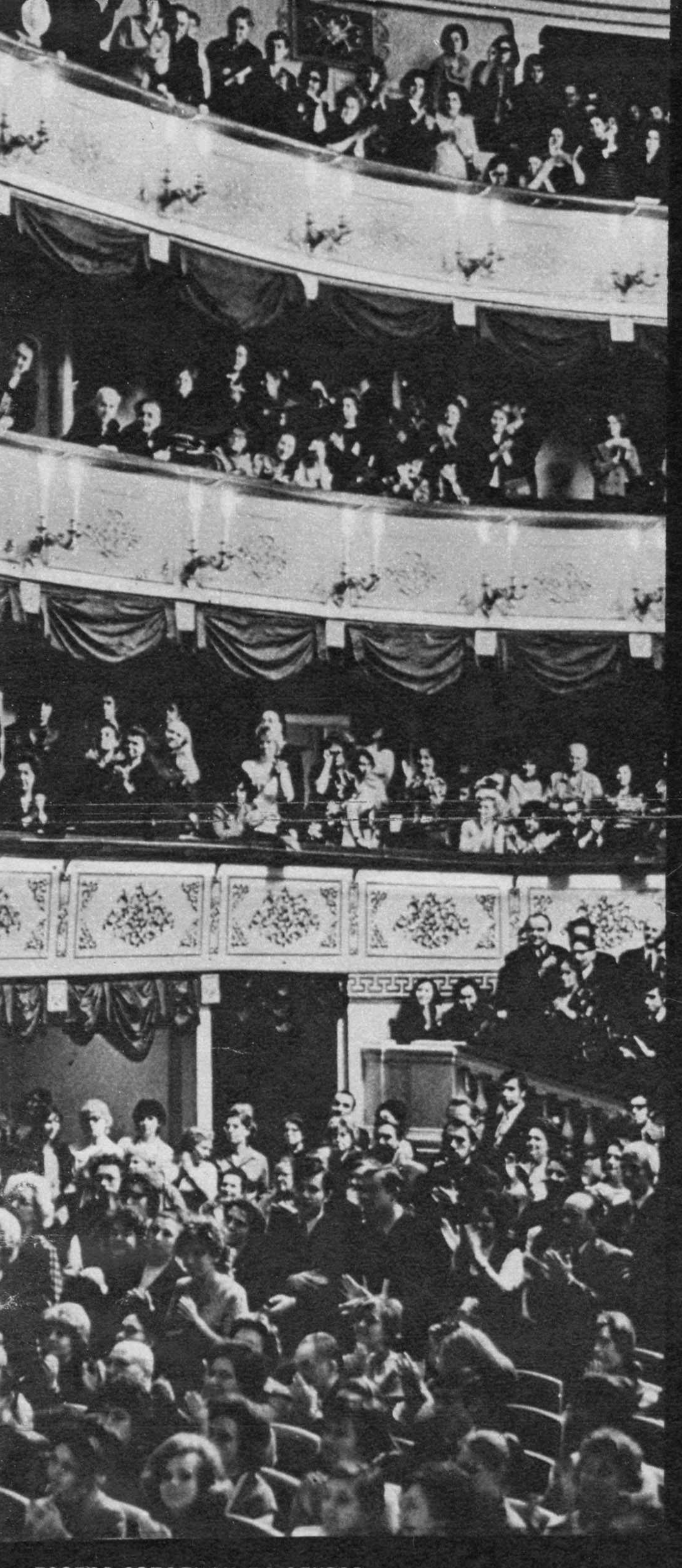
Митрополит всея Руси Дионисий — Е. Велехов.

Г. Кирюшина играет царицу Ирину,

театра заполнен до отказа...

Рыцарь чести — таков созданный Е. Самойловым образ Ивана Шуйского

В. Коршунов — Борис Годунов.

На встречу с публикой вышел и Б. И. Равенских (в центре) — постановщик спектакля.

Фрагмент народной сцены; древний старик Богдан Курюков (второй слева) в исполнении В. Носика.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663